

III 913 988

ФИННО-УГРЫ И СЛАВЯНЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

NEUVOSTOLIITON TIEDEAKATEMIA
NEUVOSTOLIITON ARKEOLOGIAN INSTITUUTTI

AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN DER UdSSR
INSTITUT DER ARCHÄOLOGIE

SUOMALAIS-UGRILAISET
JA SLAAVILAISET

I Neuvostoliittolais-suomalaisen
arkeologisen symposiumin
alustukset
15—17 marraskuuta 1976

FINNO-UGREN
UND SLAWEN

Vorträge des I. sowjetisch-finnischen
Symposiums
in Fragen der Archäologie
15.—17. November, 1976

Toimittajat:

A. N. KIRPITŠNIKOV,
akateemikko
B. A. RIBAKOV (päätoimittaja),
E. A. RJABININ

Redaktionskollegium:

A. N. KIRPIČNIKOV,
Akademienmitglied
B. A. RYBAKOV (Chefredakteur),
E. A. RJABININ

Leningrad
«N a u k a»
Leningradin osasto
1979

Leningrad
«N a u k a»
Leningrader Abteilung
1979

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ФИННО-УГРЫ И СЛАВЯНЕ

Доклады первого
советско-финляндского симпозиума
по вопросам археологии
15—17 ноября 1976 г.

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ

1979

В сборнике на основе археологических исследований рассматриваются взаимоотношения славянских и финно-угорских племен в эпоху средневековья, история карелов и города Корелы, историография происхождения финских племен, культурное взаимодействие финнов, скандинавов и русских, а также археологические памятники в зоне славяно-финских контактов.

Сборник рассчитан на археологов, историков и всех интересующихся культурой народов Восточной и Северной Европы.

Редакционная коллегия:

А. Н. КИРПИЧНИКОВ,
акад. Б. А. РЫБАКОВ (ответственный редактор),
Е. А. РЯБИНИН

Председатель Б. А. Рыбаков

Б. А. Рыбаков. Вступительное слово

Уважаемые коллеги! Товарищи!

Позвольте открыть советско-финляндский симпозиум «Финно-угорские и славянские племена Восточной Европы и Финляндии в эпоху средневековья» и приветствовать наших финских гостей-ученых во главе с профессором К. Ф. Мейнандером. Нет надобности много говорить об интересе и важности тех проблем, которые советские и финские ученые сейчас начали и в ближайшее время будут совместно изучать. Ныне совместная дружная работа особенно ценна, ибо мы начинаем наше научное общение на новом уровне.

Уверен, что наше научное сотрудничество послужит на пользу содружества Советского Союза и Финляндии и укрепит дружбу между нашими народами.

К. Мейнандер. Вступительное слово

Господин академик, уважаемые коллеги, дорогие дамы и господа!

От имени группы финских археологов сердечно благодарю вас за приглашение на симпозиум и за дружеский прием.

Я бывал в Ленинграде так много раз, что уже невозможно сосчитать. Я полюбил этот город и всегда с радостью приезжаю сюда. Но в нашей группе есть люди, которые первый раз в Ленинграде и знакомы с «городом на Неве» только по произведениям Достоевского, а теперь с увлечением ходят по земле миллионного города. Нет необходимости объяснять, почему всесторонние связи с коллегами из Советского Союза для нас, финских археологов, так необходимы, — для этого достаточно взгляда на карту. Необходимо добавить, что вряд ли можно разрешить в финской археологии любую проблему без изучения материалов советских археологов и их заключений. История расселения финской народности и развитие финской культуры во все времена были тесно связаны с историей соседних земель — Беломорских, Онежских, Ладожских районов, а в целом — Восточной Балтики. В некоторых исследованиях мы изучаем среднее течение Волги, а в других — районы Арктики. Все это нашло отражение в финской археологии. Первые финские археологи направлялись на восток, к верховьям Енисея, где искали исторические корни финнов.

К этому поколению в первую очередь нужно отнести Ю. Р. Аспелина, который известен своим атласом «Antiquités du Nord finno-ougrien». Его учениками были А. М. Тальгрэн, посвятивший свою жизнь изучению бронзового века Восточной Европы, Альфред Хакман, который изучал Восточную Балтику, Юлиус Айлио, автор работы «Fragen der russischen Steinzeit». Назовем также Аарне Европеуса, диссертация которого называлась «Die Streitaxtkulturen in Russland» и была посвящена Скандинавии, С. А. Нордмана и его главный труд «Karelska järnaldersstudier». Таким

образом, мы можем установить, что все известные финские археологи ориентировались на восток и Восточную Балтику. Ныне наша работа активизирована тем, что в Советском Союзе появилось много активно работающих в археологии научно-исследовательских институтов, которые издают свои труды. Наш симпозиум проходит на основе научно-технического договора о сотрудничестве между Финляндией и Советским Союзом. Одна из главных задач этого договора — обслуживать все научные направления в интересах обеих стран.

Договор, однако, имеет и политическое значение. Чем чаще мы будем устраивать такие совместные встречи, тем больше будут крепнуть узы дружбы между нашими странами, мир и сотрудничество между всеми народами.

От имени всех финских участников благодарю организаторов и коллег за активное участие и организацию симпозиума.

Б. А. Рыбаков

КОСМОГОНИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА
«ЧУДСКИХ» ШАМАНСКИХ БЛЯШЕК И РУССКИХ ВЫШИВОК

Своеобразным эпиграфом к этой статье могли бы служить два факта, разделенные временем и пространством, но в своем сочетании уводящие нас в область чрезвычайно архаических представлений. Первый факт относится к финской мифологии; а второй — к восточнославянскому народному ритуальному искусству.

В «Калевале» дева неба, она же и «мать воды» Илматар-Каве, приютила «бога всевышнего» Унко, слетевшего к ней в облике утки. Утка снесла яйца, из которых создалась Вселенная:

Из яйца, из нижней части
Вышла мать-земля-сырая;
Из яйца из верхней части
Стал высокий свод небесный...¹

На украинских «писанках» (пасхальных яйцах) встречаются символы земли в средней, утолщенной части яйца («мать-земля-сырая...»), а в верхней части, где «стал высокий свод небесный», видны звезды и два небесных оленя² (рис. 1).

Участие двух оленей в космогонической картине мира на первый взгляд может показаться случайным или по крайней мере загадочным. Случайность исключается тем, что небесные олени существуют среди архаичных названий созвездий.

Важнейшее созвездие нашего северного полушария — Большая Медведица — на русском Севере называлось «Лосем», «Сохатым». В XV в. Афанасий Никитин, находясь в Индии, отмечал: «Лось стоит головой на восток». У поляков Полярная звезда называется «Лосиной звездой».

У эвенков созвездие Большой Медведицы называется «Лосихой Хэглэн», а Малая Медведица — «Теленком Хэглэн».

Общеизвестно, что у многих охотничьих народов древний культ лося или оленя был дополнен или вытеснен медвежьим культом; в космологических мифах лось или олень нередко выступают наряду с медведем в сказаниях о небесной охоте.³ Поэтому нас не должна удивлять прослеживаемая на славянском материале замена двух звездных лосей двумя звездными медведицами. То особое внимание, которое в фольклоре и народных представлениях уделялось этим созвездиям, вполне объяснимо астрономической важностью их. Полярная звезда — ось звездного неба, единственная неподвижная звезда нашего полушария, по которой всегда можно определить направление на север.

Фольклором засвидетельствовано давнее ритуальное значение оленя или лося. А. Н. Афанасьев, описывая пережитки языческих жертвопри-

¹ Калевала. М.—Л., 1933, с. 5—6.

² Писанка с двумя оленями известна мне по огромной (11 000 экз.) коллекции Львовского этнографического музея. См. также: Гургула И. В. Народне мистецтво західних областей України. Київ, 1966, с. 64.

³ А н и с и м о в А. Ф. Космологические представления народов Севера. М.—Л., 1959, с. 41—45.

ношений на русском Севере, упоминает об олене как о древнем жертвенном животном: «У верховьев реки Ваги существует такой обычай: в первое воскресенье после Петрова дня (Петров день — 29 июня) убивают перед обеднею быка, купленного на общий счет целой волостью, варят мясо в больших котлах и по окончании обедни съедают сообща миром; в этой трапезе принимает участие и священник». Предание уверяет, что в старое время в этот день выбегал из лесу олень и что именно это животное было убиваемо на праздничный пир; но однажды крестьяне, не дождавись оленя, заменили его быком, и с той поры олень уже не показывался. Предание это в Вологодской губернии приурочивается к Ильину дню: прежде, говорят, на Ильин день появлялись **две лани**; одна была закалываемая, а другая исчезала; теперь же они более не показываются за великие неправды народа.⁴

Предание о двух ланях существовало и в Новгородской губернии: «В старое время 8 сентября прибегали на погост Комоневского прихода **две лани**; одну из них резали и варили, а другая уходила. Но после того как поп Ванька заколол обеих, лани уже не появлялись. Усердные богомольцы вздумали заменить их приводом домашнего скота».⁵

Г. Г. Шаповалова пополнила сообщения Афанасьева.⁶ В Новгородской губернии до 1895 г. на первое воскресенье после Петрова дня (29 июня) устраивалась у церкви «мольба», или «жертва», где убивалось до 30 голов скота. Задние части отдавали церковному причту, а все остальное жертвенное мясо складывалось на столы у церкви и после освящения и песнопений поедалось. Местные крестьяне были уверены, что раньше для этого жертвоприношения приходили олени: «в старое время приходили к нашей церкви **два оленя** и было сказано, что брать для убоя только одного, а другого отпускать на волю. Вот по один год и удумали заколоть обоих оленей. Как только сделали против заповеди, олени и перестали ходить».⁷ Предание об олене, прибегавшем из леса на заклание, есть на Ваге, и под Каргополом, и под Тихвином. Иногда вместо оленей упоминаются лоси. На Белоозере записана очень важная для нас легенда:

«В день Рождества богородицы **самки оленя** ежегодно приводили с собой детеныша, которого (крестьяне) закалывали, и варили, и им угощали проходящих, а мать отпускали. Когда же праздник приходился в постный день, тогда олени приходили накануне и праздновали накануне, что делается и до настоящего времени (1902 г.), но теперь олени уже не приходят и крестьяне приносят в жертву рогатый домашний скот».⁸

По собранным Г. Г. Шаповаловой данным, жертвоприношения оленей производились в один из следующих сроков: Петров день (29 июня), Ильин день (20 июля), Успенье (15 августа), Рождество богородицы (8 сентября).

Интересно записанное еще в середине XIX в. предание о жертвенных оленях в Шенкурском уезде. На Ильин день крестьяне в праздничных нарядах расставляют перед часовней десятисаженные столы, сносят сюда из изб разную снедь. Общественное пиво уже сварено заранее. Затем режут баранов и варят мясо в больших медных котлах, повешенных над огнем. «Картина трапезы под открытым небом с дымящимися кострами дров — картина вполне патриархальная. На вопрос, давно ли ведется этот

⁴ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу, т. II. М., 1868, с. 255—256.

⁵ Там же, с. 256, со ссылкой на Новгородский сборник 1865 г.

⁶ Шаповалова Г. Г. Севернорусская легенда об олене. — В кн.: Фольклор и этнография русского Севера. Л., 1973, с. 209—223. — Попутно следует исправить одну ошибку автора этой интересной статьи: ссылаясь на «Слово об идолах», Г. Г. Шаповалова неверно перевела фразу «извыкоша олени класти требы», где слово «елени», обозначающее эллинов, она поняла в смысле «олени»: «Возможно, что принесение в жертву одного оленя и восходит к эллинским обрядам» (с. 219).

⁷ Там же, с. 210—211.

⁸ Там же, с. 214.

обычай, местный житель ответил: „Старики не запомнят начала этого обычая. Говорят в народе, будто «досельные» (жившие досель) не резали баранов, а прибегал к ним из били (чистое моховое болото) живой олень...“.⁹

Русский фольклор сохранил предания о священных оленях, ланях, лосях; для нашей цели особенно драгоценны сведения о двух оленях или двух ланях, чудесным образом являвшихся к жертвенному месту или приводивших своего олененка в качестве жертвы. Все эти записи говорят о прошедших временах, о дедовских рассказах и повсеместно свидетельст-

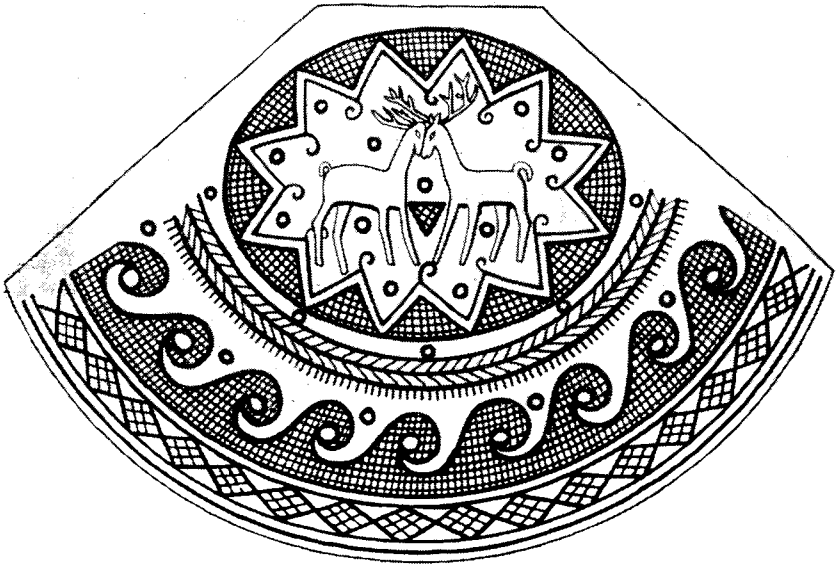

Рис. 1. Гуцульская писанка с двумя небесными оленями. (Гос. музей этнографии и художественного промысла. Львов).

вуют о происшедшей уже к середине XIX в. замене архаичных оленей быками или баранами. Сущность культа оленей этими рассказами о давних обрядах не выясняется и перед нами по-прежнему остаются разрозненные группы фактов: пара небесных оленей на писанках, пара «лосиных» созвездий и пара жертвенных оленей или ланей.

Тяготение преданий о священных оленях к финно-угорскому в прошлом Северу заставляет нас выйти за рамки славянского мира и совершить несколько экскурсов в те области, где охотничья стадия хозяйства задержалась дольше, чем на земледельческом юге. При этом мы увидим, что чем большее место в жизни народов занимает охота, тем полнее и свежее легенды и мифы об оленях.

Первой по времени этнографической записью о небесных оленях является свидетельство летописца под 1114 г. Удивленному находкой стеклянных бус, будто бы падающих из тучи, летописцу ладожане рассказали еще более удивительную историю: «Еще мужи у нас старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видевьше сами на полуночных странах: съпаде туча велика и в той тучи съпаде веверица млада, акы топерво ро-

⁹ Из записок Шенкурца (Нравы, обычаи, поверья, суеврия). — Отечеств. записки. 1847, т. LIV, с. 148—149.

жена и взрастши — расходится по земли. И паки бывает другая туча и съпадают олени мали в ней и взрастають и расходяться по земли.

Эту легенду новгородцы принесли в XI в. из далеких северо-восточных земель, лежащих где-то за Мезенью и Печорой (западнее поселения Югры), поблизости от Ледовитого океана. В этих местах дикие олени летом доходили по тундре до самого моря, а с осенними снегами («туча велика») отходили на юг, что и позволило сложиться такой легенде у северных народов. Там верили, что обогащение земли звериным приплодом происходит при помощи каких-то небесных сил, насыщающих новорожденными белками и оленятами большие тучи. Другими словами, легенда об оленцах вела к каким-то небесным оленям: рождение оленьего приплода происходило на небесах, там, где были созвездия оленей-лосей.

Достоверность передачи северной легенды новгородскими мужами подтверждается многочисленными археологическими находками на северо-востоке Европы, введенными в научный оборот А. А. Спицыным.¹⁰

Литые из бронзы шаманские бляшки, или, как их называли еще, «чудские образки», плотно заполнены рельефными изображениями полулюдей-полулосей, лосиными головами, ящерами, пушным зверьем и птицами. Фантастические двуногие существа со звериными чертами А. А. Спицын вслед за Тешлоуховым условно назвал монгольским словом «сульде», и оно вошло в научный оборот. Для выявления космогонии древних народов северо-востока эти бляшки представляют совершенно исключительный интерес, но, к сожалению, они еще недостаточно изучены — как со стороны их датировки (даты колеблются в диапазоне 200—900 лет), так и со стороны их мифологического содержания.

Собранный и частично интерпретированный Спицыным материал из Прикамья и отчасти Приобья был рассмотрен А. В. Шмидтом.¹¹ В этой работе А. В. Шмидт коснулся только одного сюжета — изображений птицы с человеческой личиной на груди, оставив без рассмотрения наиболее важные сюжеты. В 1965 г. к спицынскому альбому сульде обратился этнограф В. В. Чарнолуский, сопоставивший свои записи саамских легенд с пермскими «образками». Автору удалось найти ряд любопытных параллелей между лопарским (саамским) фольклором в записях 1926—1927 гг. и средневековым ритуальным литьем. В центре фольклора находится «Мяндаш» — человек-олень («Мяндаш-парнь») и «мяндаш-пырре» — «оленьи люди». Часто фигурирует «мяндаш-дева», рождающая сына Мяндаша, и «Мяндаш-Каб», жена человека-оленя, родоначальница людей.¹² Существенным расхождением между пермскими бляшками и лопарскими тотемическими легендами является то, что на первых всегда изображались лоси (точнее, безрогие лосихи), а в легендах речь идет о северных оленях, но надо учесть, что лоси и олени в фольклоре взаимозаменяемы.

Необычайно удачной следует признать расшифровку Чарнолуским сюжета изображений на бляшках (рис. 2) из д. Пешковой на Верхней Каме (по Спицыну № 144 и 152): «на следующей бляшке (№ 152) изображено также семь сульде, но они уже взрослые, у них настоящие крылья, ноги с копытами, разрезанными надвое... Из их растопыренных копытец на руках падают символы тех даров, тех благ, что приносят человеку эти существа. Каковы же эти дары? Рыба, какой-то пушной зверь, голова лося с остроконечным ухом, голова птицы с длинным клювом, голова оленя...».¹³ Автор прав, сопоставляя эти изображения семи сульде (семь звезд «Лося»?) с сообщением летописи об «оленьцах малых», падающих с неба. На другой бляшке (№ 144) головки оленьцов показаны не только в руках у сульде, но и просто падающими с неба на землю и

¹⁰ Спицын А. А. Шаманские изображения. — ЗОРСА, 1906, т. VIII, вып. I.

¹¹ Шмидт А. В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. — Сборник Музея антропологии и этнографии, 1927, т. VI, с. 125—164.

¹² Чарнолуский В. В. Легенда об олене-человеке. М., 1965, с. 101—131.

¹³ Там же, с. 126, рис. на с. 127 и 128.

на земле, под копытцами человека-лося; всего их насчитывают 22. По А. А. Спицыну, бляшки этого типа датируются X—XV вв., по И. А. Талицкой — VI—IX вв., а по А. П. Смирнову — до XI в.¹⁴

Следовательно, бляшки, изображающие падение с неба эмбрионов олень-лосяй (представленных только головами) синхронны той легенде, которую принесли в Новгород мужи, ходившие далеко на северо-восток, за Югру.

Однако и убедительные этюды В. В. Чарнолуского не исчерпали того драгоценного космогонического материала, который содержится в пермских бляшках и представляет большой интерес для нашей темы, несмотря на кажущуюся отдаленность его от славянского язычества.

Свой взгляд на интереснейшие сюжеты пермских шаманских блях я в краткой форме изложил в статье «Макрокосм в микрокосме народного

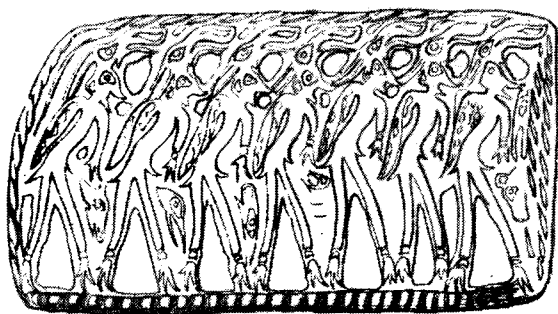

Рис. 2. Семь сульде. (№ 152 по А. А. Спицыну).

искусства».¹⁵ На полгода позже моей статьи появилась книга этнографа Л. С. Грибовой, посвященная пермским бляшкам.¹⁶ Ее основной вывод таков: «Все они служили родовыми, фратриальными и племенными знаками, которые имели социальный и идеологический (религиозный) смысл. Все они были отражением социальной структуры общества — древних тотемических родов, каждый из которых включал, кроме человеческого рода и фантастических родственников, — определенные виды окружающей фауны и флоры... Они были своеобразными записями родовых преданий, историей народа в изображениях».¹⁷ Бляшки с изображениями лосей Л. С. Грибова связывает с тем, что «к фратрии Лося (Оленя) принадлежали некоторые роды коми-зырян и пермяков, манси, удмуртов, мари, саамы и др., которые донесли образ лося-оленя в своем устно-поэтическом и декоративно-прикладном искусстве».¹⁸

Пермский звериный стиль исследовательница связывает с «племенным тотемизмом» и во всех своих расшифровках исходит только из этого тезиса: «умножение фратрии Лося», «межфратриальная символика», «охота на тотемов противоположной фратрии» и т. п. Увлечшись тотемическими сближениями, Л. С. Грибова лишь вскользь коснулась космогонического

¹⁴ Талицкая И. А. Материалы к археологической карте бассейна Камы. — МИА, 1962, № 27; Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, 1952, № 28.

¹⁵ Рыбаков Б. А. Макрокосм в микрокосме народного искусства. — Декоративное искусство, 1975, № 1, с. 30—33 и 53; № 3, с. 38—43. — Эта статья перепечатана на русском, французском, английском и испанском языках в сборнике «Общественные науки» за 1976 г., с. 101—119.

¹⁶ Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. М., 1975.

¹⁷ Там же, с. 115.

¹⁸ Там же, с. 115.

содержания пермских композиций, а между тем в нем-то и заключается главный интерес шаманских изображений.¹⁹

За пределами рассмотрения у А. В. Шмидта, В. В. Чарнолуского и Л. С. Грибовой осталась многочисленная группа шаманских бляшек с изображениями двух женщин-лосих, стоящих на огромном ящере и своими лосиными мордами как бы образующих небесный свод, под которым мы видим то единичные, то парные человеческие фигурки или даже семейные группы из родителей и ребенка. Эти сюжеты будут рассмотрены мною после дополнительных разысканий.

Современный русский фольклор показал нам исчезновение в недавнее время культа священных оленей или лосей; летопись привела к югорской легенде о небесных оленьцах, в которую поверили повгородцы и ладожане, а пермско-югорские сульде оказались великолепной иллюстрацией этой легенды.

Славянское лосиное имя важнейшего созвездия — Большой Медведицы — ведет нас в глубокую архаику, в давно забытую область охотничьей идеологии, лучше, чем у славян, сохранившуюся у финно-угорских северо-восточных соседей. Однако и здесь архаичная стадия сохранилась в фольклоре лишь фрагментарно.

Поиск истоков сюжета о небесных оленях мы должны направить туда, где дольше всего задержалась охотничья стадия хозяйства, где в большей целостности и сохранности сберегся архаичный фольклор этой общечеловеческой стадии, т. е. еще далее на восток, за «Каменный пояс» Урала, к сибирским племенам, дольше других ведшим охотничье хозяйство. Должен оговориться, что обращение к сибирским материалам отнюдь не означает того, что именно Сибирь была «прародиной» культа небесных оленей. Наоборот, анализ археологических материалов из разных мест покажет нам (как увидим ниже), что культ небесных оленей представляет собой **повсеместную** архаичную стадию религиозных представлений, но у племен, давно перешедших к земледелию, эта стадия сильно выветрилась, а у недавних охотников она уцелела в большой полноте. Метод синстадиального изучения, опасный как изолированно примененное средство познания, в данном случае представляется единственным путем проникновения в те глубокие слои народной памяти, которые сохранились лишь фрагментарно.

Возможность контролировать синстадиальные построения точно датированным археологическим материалом значительно уменьшает вероятность ошибки.

В интереснейшей работе А. Ф. Анисимова о космогонических представлениях сибирских охотничьих народов с большой полнотой раскрывается культ небесных лосей или небесных оленей, позволяя на живом фольклорном материале решить поставленную выше загадку.

«Особого внимания, — пишет А. Ф. Анисимов, — заслуживают представления эвенков о космическом лосе Хэглэн (Хэглун), отождествляемом с созвездием Большой Медведицы. Согласно этим представлениям, видимое голубое небо — не что иное, как тайга верхнего мира. В ней живет космический лось Хэглэн. На день лось уходит в чащу небесной тайги, и потому его не видно с земли людям; к ночи лось выходит на вершины хребтов и его, наиболее мощного среди остальных небожителей-звезд, люди видят с земли.

Судя по тому, что созвездие Малой Медведицы фигурирует в этих представлениях как теленок Хэглэн, можно заключить, что космический образ лоса понимается при этом как образ **матери-лосихи**»²⁰ (подчеркнуто мною, — Б. Р.).

¹⁹ Там же, с. 12—15.

²⁰ Анисимов А. Ф. Указ. соч., с. 11.

Эвенкийская (тунгусская) космогония знала трехмерную структуру мира: верхний мир («угу-буга») с солнечным лосем и небесной охотой, зрительно закрепленной в созвездиях; средний мир — мир людей на земле («дулугу-буга») и нижний мир («хэргу-буга») — мир мертвых предков, злых духов и диковинных ископаемых животных вроде мамонта «сэли» и водного змея «дябдара» («чжябдара»). Все три яруса Вселенной объединены единой космической рекой, истоки которой идут из верхнего небесного мира, затем она протекает по среднему «земельному» миру, а устье ее впадает в нижний мир, в царство мертвых.

У соседних с эвенками селькупов в соответствии с фратриальным делением существует представление о двух реках Вселенной, также текущих из верхнего мира через средний — в нижний.²¹

Мифология эвенков уже выделила антропоморфного «хозяина верхнего мира» богатыря Маина. Стратиграфическое расчленение эвенкийских представлений пока еще не произведено исследователями, но намечается примерно такая же последовательность: самый архаичный пласт — предания о небесной лосихе с телянком и о солнечном лосе (или олене), затем идут легенды о небесном медведе, что объясняет смену названий созвездий (вместо «Сохатого» или «Лося» — «Медведица»), и, наконец, наиболее поздней стадией являются легенды о человеке-богатыре, становящемся хозяином главного, верхнего мира.²²

Представления о небесных лосях или оленях были свойственны многим охотничьим народам. «Первобытные философы, — пишет А. П. Окладников, — стремившиеся по-своему понять и осмыслить окружающий их мир, столь же последовательно представляли в образе лося и верхний мир, небесную стихию: само небо, солнце, звезды.

Охотники тайги поэтически образно представляли и солнце в виде живого существа — гигантского лося, за день пробегающего по всему небосклону и к ночи погружающегося в преисподнюю, в бесконечное подземное море.

О таком солнечном звере — гигантском лосе — рассказывается, например, в одной долганской сказке, которая в основе несомненно была создана еще в каменном веке и дожила у людей тундры до нашего времени».²³

Наряду с небесной лосихой Хэглэн у эвенков существует представление о лосихе или самке оленя — Бугады Энптытн («относящаяся к Вселенной мать их»), являющейся хозяйкой мира и матерью зверей и людей.²⁴

Крайне интересен нивхский миф о герое, наводившем порядок во Вселенной: некогда на небе существовало два солнца и две луны; ничто живое от жара не выживало. Герой отправился на небо, где отыскал жилище матери Вселенной. Она рогата, следовательно является полуоленом-полуженщиной; она живет вдвоем со своей дочерью. На ее рогах висят четыре светила. Герой уничтожает лишнее солнце и лишнюю луну, и в мире устанавливается порядок.²⁵ Для нас важно отметить, что хозяйками Вселенной в этом мифе являются рогатое женское божество и ее дочь.

Еще полнее рассказ о правящих миром двух женщинах-важенгах (самках оленя) сохранился у иганасан: «шаман для получения особой силы должен обойти все три яруса Вселенной; он побывал в подземном водном нижнем мире, оказался у древа жизни и полетел к его вершине, т. е. в верхний, небесный мир, где нашел чум владычиц вселенной. Войдя,

²¹ Там же, с. 52—53.

²² Там же, с. 15—19.

²³ Окладников А. П. Олень Золотые Рога. М.—Л., 1964, с. 59—60.

²⁴ Анисимов А. Ф. Указ. соч., с. 21—22.

²⁵ Там же, с. 28—29.

шаман увидел на левой (женской) стороне чума **двух нагих женщин, подобных оленям**: покрытых шерстью, с ветвистыми оленьими рогами на голове. Шаман подошел к огню, но то, что шаман принял за огонь, оказалось светом солнечных лучей.

Одна из женщин была беременна. Она родила двух оленят... Вторая женщина тоже родила двух оленят...». Эти оленята должны были стать родоначальниками диких и домашних оленей.²⁶

На огромном компактном пространстве от Лены до Северного Приуралья, у эвенков, нганасан, долган, а за пределами этого пространства у сахалинских нивхов, существуют более или менее однородные мифы о двух небесных владычицах мира, наполовину женщинах наполовину лосихах (или важенках), от которых зависит все благополучие охотничьих племен — приплод оленей. Рогатые важенки указывают на северного оленя, единственный вид, у которого самки имеют рога. Архаизм этих мифов не подлежит сомнению: охота на северного оленя началась еще в палеолите, а в мезолите стала особенно важной. Олени и лоси, важенки и лосихи, в подобных мифах взаимозаменяемы, что позволяет объединять в общий комплекс легенды о небесных оленелосях.

Ознакомившись с этими интересными реликтами древних представлений о небесных владычицах и прародительницах, возвратимся к пермским шаманским бляшкам, область распространения которых примыкает с юго-запада к очерченной выше самоедско-тунгусской области бытования фольклора о двух лосихах. Ни А. А. Спицын, ни А. В. Шмидт, ни В. В. Чарнолуский, рассматривая отдельные сюжеты на бляшках, не обратили внимания на всю композиционную схему в целом. А между тем общая схема шаманских бляшек, будучи сопоставлена с сибирско-уральским фольклором, представляет совершенно исключительный интерес.

Самыми распространенными сюжетами пермско-печорских шаманских «образков» (кроме птиц, изученных А. В. Шмидтом) являются: ящер, мужская фигура в головном уборе в виде морды лосихи и две женских фигуры с копытцами, с головами лосих, расположенные по боковым сторонам бляшек таким образом, что морды лосих создают наверху замыкающий полукруг, образуя вместе с ящером как бы рамку всех центральных изображений.

Вспомним того таймырского шамана, который для получения всей своей колдовской силы должен был пройти «дороги всех миров Вселенной»: он спускался с земли в нижний мир, бродил по берегу подземного моря, а затем полетел вместе с водоплавающими птицами в небо, к вершине мирового древа жизни. Древа жизни на пермских бляшках нет, но зато самым распространенным сюжетным элементом их являются те полу-женщины-полулосихи, которых этот шаман напел после своего взлета в верхний мир рядом с солнцем. Их композиционное место на самом верху бляшек подтверждает, что средневековые пермские художники знали подобные мифы и изображали их в своем ритуальном искусстве.

Шаманский головной убор, украшенный изображением морды лосихи, может быть определен по археологическим данным. Во многих изданиях широко публикуется вырезанная из рога голова лосихи из Оленеостровского могильника V тыс. до н. э. (рис. 3).²⁷ Но публикации этого художественного изделия оторвались от обстоятельств находки и поэтому не получили никакого истолкования. Рассмотрим весь археологический комплекс. Мезолитический могильник расположен на Онежском озере, на ост-

²⁶ Анисимов А. Ф. Указ. соч., с. 49—50. См.: Попов А. А. Тавгийцы. Материалы по этнографии авамских и вадеевских самоедов. М.—Л., 1936, с. 84 и сл.

²⁷ См., например: История искусства народов СССР. Т. I. Искусство первобытного общества и древнейших государств на территории СССР. М., 1971, с. 65, рис. 68.— Н. Н. Гурина датирует могильник неолитическим временем IV—III тыс. до н. э. А. Я. Брюсов относит Оленеостровский могильник к мезолиту, датируя его V тыс. до н. э. («Сов. археология», 1968, № 4).

рове, который до сих пор носит название Оленьего.²⁸ В центре могильника находилось необычное захоронение (в глубокой яме) мужчины и двух женщин по бокам. Н. Н. Гурина справедливо рассматривает это погребение как могилу шамана, «стража веры» (погреб. № 55, 56, 57); к шаманским же отнесено и захоронение мужчины с женщиной (№ 152 и 153).²⁹ Исследовательница предполагает, что женщины могли быть погребены с шаманами в результате насильственной смерти.

Для нас важно то, что огромные стержни с головой лосихи (неправильно называемые «рукоятями») найдены именно в этих шаманских могилах у мужских захоронений. В обоих случаях стержни найдены в области головы и по их расположению можно определить, что лосиные морды увенчали головные уборы шаманов, возвышаясь над ними (погреб. № 56). Подобные стержни с головами лосих известны и в других местах: Олений остров в Ледовитом океане (Баренцево море) и Шигирский торфяник на Урале. Близкой аналогией являются стержни с головами лосих из Прибалтики: два таких предмета найдены недалеко от древнего деревянного идола на стоянке Швянтой близ Паланги.³⁰

Шаманское погребение Онежского Оленьего острова (№ 56) не оставляет сомнений в том, что сложный головной убор мезолитического шамана был полностью идентичен тому, что А. А. Спицын называл «шлемом сульде» на шаманских изображениях пермско-югорского средневековья.

Установив полную реалистичность и глубокую древность шаманского головного убора, увенчанного головой лосихи, мы должны продолжить анализ пермских шаманских изображений и сделать то, чего еще не делали исследователи этих бляшек — сопоставить изображенные на них сюжеты с уже известным нам тунгусско-самодийским шаманским фольк-

Рис. 3. Изображение головы лосихи из погребения № 153 Оленеостровского могильника. (По Н. Н. Гуриной).

²⁸ Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. — МИА, 1956, № 47, общий план на рис. 9; погреб. № 55, 56, 57 (рис. 27); погреб. № 152, 153 (рис. 76); стержни с мордами лосих (рис. 113, 114, 129, 130).

²⁹ Там же. с. 202, 204.

³⁰ МИА, 1953, № 39, с. 375; История искусства народов СССР, рис. 26; Рима-тене Р. К. Художественные изделия стоянки Швянтой-3. — В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, с. 139, рис. 1.

лором, где описывается чудесное путешествие шамана по всем трем мирам вселенной. Сделав это, мы обнаружим, что пермско-югорские средневековые бляхи являются прямой иллюстрацией фольклорных сюжетов, уцелевших у соседних охотничье-оленоводческих племен за Уралом.

Нижний мир

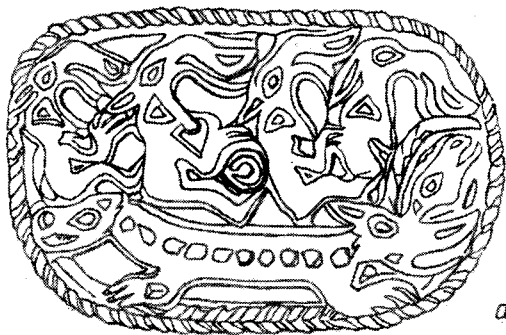
Шаман, путешествующий по всем ярусам Вселенной в поисках колдовской силы, опускается в нижний мир с его реками и болотами. В полном соответствии с этим на всех бляшках со сложной композицией обязательно присутствует в нижней части четко изображенный ящер.³¹ Владыка подземно-подводного мира, ящер, заглатывающий каждый вечер солнце и уводящий его в подземные пространства, хорошо известен в фольклоре многих народов. На пермских шаманских бляшках ящер представлен массивным животным с приземистым телом на коротеньких когтистых или перепончатых лапах; хвост невелик. На ранних бляшках на корпусе ящера иногда изображали семь рыб, что должно было подчеркивать его водную сущность (находка в Ныргынце № 108). Морда у ящера крупная, с острым волчьим ухом (редко изображались оба уха) и длинной разинутой пастью с четко обозначенной ноздрей. То обстоятельство, что ящер, как правило (68 случаев из 74), повернут головой вправо, позволяет нам определить ориентировку всей композиции: развернутая пасть подземного чудовища должна поглотить солнце, склонившееся к западу. Следовательно, ящер стоит хвостом к востоку, а мордой к западу; тогда центральная часть композиции оказывается обращенной на полдень, на юг, как ориентировались все старинные карты. Древний человек, очевидно, ощущал лик Вселенной, обратясь сам лицом к югу, к полуденному солнцу в зените, и тогда запад был у него по правую руку, восток — по левую, а север находился за спиной. «Того ради оканьяний полуденье чтуть и кланяются на полъдень обратившеся», — вспоминаем мы примечание в «Слове об идолах».

Немногочисленные исключения из обычной позы ящера (мордой вправо) подтверждают подобное космическое толкование. На бляхе № 158 из Кишерти ящер изображен двуглавым: одна голова обращена на восток, другая — на запад. Здесь над мордами двух лоспх, обычно обозначающих небосвод, помещены три головы ночных сов. Следовательно, древний художник хотел обозначить, что действие происходит ночью, когда ящер уже захватил вечернее солнце в пасть и должен выпустить его утром на востоке. Второй раз двуглавый ящер изображен в круговой композиции, где четверо сульде едут вправо, посолонь и между ними помещен солярный знак (№ 111 тоже пз Кишерти; рис. 4, а). «Западная», правая морда ящера как бы заглатывает голову лосихи, связанной с верхним солнечным миром. Левая, «восточная» морда чудовища показана с закрытой пастью — ящер уже выпустил солнце. Двуглавость ящера появляется тогда, когда шаману нужно было показать движение солнца или всю Вселенную (№ 105, 106). Показ нижнего мира на шаманских бляшках ограничен ящером: смотрящим вправо, если действие происходит днем, и двуглавым, если необходимо затронуть тему ночи.

Средний мир

Средний мир, земля, представлен людьми, зверям и птицами. Человечество символизируется парными изображениями мужчин и женщин (№ 171, 173—177) или целой семьи с ребенком (№ 172, 180—185). Почти

³¹ Спицын А. А. Указ. соч., № 94, 95, 106—108, 111, 113, 117—121, 123, 124, 126, 127, 129, 130, 132—138, 140—143, 149, 155, 156, 158—161, 163—170, 172—176, 178—197, 199, 202, 203.

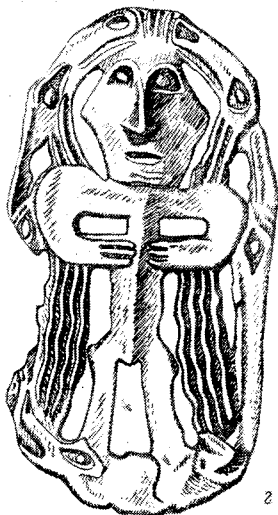
a

b

c

d

e

Рис. 4. Сульде № 111 (a), № 127 (б), № 149 (в), № 169 (г), № 170 (д).
(По А. А. Спицыну).

постоянно мужчины помещались слева, а женщины справа, ребенок в центре или в животе матери. Взрослые люди всегда стоят на ящере.

Средний мир иногда бывает населен зверьем и птицами (№ 127, 149, 176, рис. 4, б, в). Оpoznаются медведи, куницы, соболи, бобры, водоплавающие птицы.

Путешествующий шаман

Шаман, совершающий свой многотрудный путь по дорогам Вселенной, опознается по установленному выше особому головному убору, увенчанному изображением головы лосихи. Он, как и простые люди, стоит на ящере, но следует сказать, что на композициях с шаманом обычные люди никогда не изображались; шаман действует в другом измерении. Нередко обозначен пол шамана. Костюм его не прослеживается совершенно, что может объясняться особенностью древнего покроя, восстановленного Н. Н. Гуриной для Оленьего острова: меховая одежда из короткой куртки и штанов плотно прилегала к телу, не создавая особого контура.³² Лицо шамана всегда обращено вправо, как мы установили, — к западу, что полностью соответствует сибирскому мифу: шаман начинает свое путешествие с нижнего мира, с тех подземных пространств, куда закатывается солнце. Путешествующий по дорогам трех миров, шаман нередко изображается крылатым (два крыла или крыло и рука), что прямо связано с необходимостью для шамана взлететь вместе с птицами от семи подземных озер к вершине мирового древа (№ 113—131).³³ Перед полетом шаман получил птичье имя Хуотторие-Гагара; на бляшке № 127 рядом с однокрылым шаманом помещена именно гагара, а вся бляшка, вероятно, изображает полет шамана: ящер изогнул туловище и задрал морду вверх; другие морды (медвежь?) тоже обращены вверх. Над головой шамана нет ничего; его лосиный шлем занимает весь верх бляшки.

Небесные лосихи

Наиболее важную для нас группу шаманских бляшек составляют те, на которых, кроме шамана, изображены две женщины-лосихи. Как мы помним, таймырский шаман завершил свой сказочный путь в верхнем небесном мире, где он увидел «двух нагих женщин, подобных оленям», и где вместо очага сияло солнце. Эти женщины-важенки рождали домашних «оленьцов» для людей и диких для тундры. Они же наделили шамана сверхъестественной колдовской силой. Посетив этих небесных владычиц мира, шаман вернулся к себе на землю, в свой средний мир.

Возьмем в качестве примера бляшку № 170 по нумерации Спицына (рис. 4, д). Над ящером, но не касаясь его ногами, стоят две человеческие (женские) фигуры со своеобразным сочетанием лосиных морд с человеческим лицом. Лосиные морды выполнены крупно, сочно, со всеми характерными деталями; человеческие черты еле намечены. Головы лосих обращены друг к другу, соприкасаются носами и образуют как бы свод в верхней части бляшки. Под этим сводом между богинями-лосихами находится небольшая фигурка шамана, у которого над головой возвышается изображение лосиной морды на тонком стержне, точь-в-точь как у шамана в Оленеостровском могильнике. Вся композиция является в данном случае превосходной иллюстрацией заключительного этапа путешествия шамана в небесный мир и его встречи с двумя владычицами Вселенной, в данном случае выступающими не в оленьем, а в лосином виде.

Особым направлением развития представлений о полете шамана к небесным лосихам следует считать постепенное «очеловечивание» сложной

³² Гурина Н. Н. Указ. соч., с. 193, рис. 107.

³³ Анисимов А. Ф. Указ. соч., с. 49.

композиции, перенесение внимания на человека, наделенного высшей колдовской силой, подаренной ему небесными лосихами. Исходной формой можно считать бляшку № 117 (по Спицыну). На ящере стоит крылатый шаман в головном уборе «оленеостровского» типа с мордой лосихи. Рядом с шаманом изображены головы двух женолосих. Композиция из трех фигур с лосиными мордами известна и в более раннее время (Кулайская культура). Следующим звеном будут мужские личины с тремя лосиными мордами над теменем.³⁴ На этих личинах, иногда бородастых или усатых, лосиные морды сильно стилизуются и в конце концов превращаются просто в три треугольных выступа над головой.

Последним звеном эволюции являются известные фигурки воинственных мужчин, нацарапанные на сассанидской посуде VI—VII вв. Мужчины изображены во весь рост с оружием в каждой руке и обязательно с тремя треугольными выступами на темени. Сами по себе эти треугольные язычки оставались непонятыми исследователям, но если мы рассмотрим весь эволюционный ряд, начиная с наших небесных лосих и прибывшего к ним шамана, то смысл «воинственных человечков» будет ясен: это — люди, наделенные силою свыше, силой, дарованной небесными Хозяевами Мира, люди, вооруженные против всех врагов со всех сторон (по две сабли у каждого) (рис. 4, з). Вероятно, это уже не шаманы, а вожди и воины эпохи исчезающей первобытности.

Композиция с двумя лосиными головами на самом вершине бляшки и с ящером внизу обрамляет не только сюжет полета шамана в небо. Она является общей для всех основных сюжетов шаманских изображений. Свод из двух лосиных морд женщин-лосих обрамляет и семейные группы людей среднего мира (№ 172, 175, 177, 178 и др.) и огромные личины солнца или Великой Матери Мира. В семейных группах мы наблюдаем как бы забвение первоначального смысла: женская, человеческая ипостась женолосих исчезает, человеческого туловища уже нет и над группой людей находятся только одни лосиные морды. Типологически это несомненно более поздние вещи.³⁵

Заслуживают внимания попытки древних пермско-угорских художников передать идею Вселенной при посредстве небесных лосих. Есть три варианта схемы Вселенной с небесными лосихами. Иногда изображается огромное округлое солнце с женской личиной, сверху его обрамляют морды двух небесных лосих, а снизу — двуглавый ящер, всегда отмечающий солнечный круговорот.³⁶ Другим вариантом (может быть, более ранним) следует считать бляшки типа № 111 (по Спицыну): Вселенная окружена мировой рекой, внизу — двуглавый ящер, а над ним движущиеся с востока на запад женолосихи и солнечный диск в центре. «Западная», правая пасть ящера заглатывает голову солнечной лосихи. Третьим вариантом (Спицын, № 268) является изображение гигантской птицы с солнечной личиной на тулове, мордами двух лосих над солнцем и маленьким ящером, изображенным на фоне птичьего хвоста. На бляшке № 279 есть и мировая река, и двуглавый ящер, но лосиных морд здесь по пять с каждой стороны. Наиболее поздними, вероятно, следует считать бляшки, на которых внутри мировой реки, окаймляющей Вселенную, изображены уже не лосихи, а два медведя с медвежонком (№ 324).

³⁴ Розенфельдт Р. Л. Забытая коллекция бронзовых антропоморфных изображений. — СА, 1974, № 3, с. 190—195, рис. 1—5. Автор датирует их VIII в. н. э.

³⁵ Спицын А. А. Указ. соч., № 95, 125, 157—161, 163—165, 167—170, 172, 173, 175—182, 184, 185, 187, 189—204, 215.

³⁶ Спицын А. А. Указ. соч., № 198. — И. В. Поздеева любезно предоставила мне фотографии сульды из Пермского музея, не вошедшие в альбом Спицына. Среди них есть такая же схема Вселенной: две лосихи, солнце, двуглавый ящер. Пользуюсь случаем принести И. В. Поздеевой свою благодарность.

Реки Вселенной

А. Ф. Анисимов проследил в сибирском фольклоре интересные представления о космических реках. Иногда это одна река, «которая протекает будто бы через все три мира вселенной: вершиной — в верхнем мире, серединой — в среднем мире, а устьем уходит в нижний мир, где живут умершие сородичи».³⁷ Нередко дуальная организация родового общества порождала представления о двух космических реках, отдельно для каждой сестры: «реки эти текут параллельно и впадают рядом в одно море».

Шаманские бляшки и в этом случае являются хорошей иллюстрацией сибирской космогонии: на множестве блях с разными сюжетами показаны два вертикальных потока или две струи, идущие сверху вниз, от лосиных морд небосвода обязательно до самого ящера. Иногда струйчатый рисунок переходит на пасть, лапы или на хребет ящера.³⁸

«Реки Вселенной» сопровождают всегда «путешествующего шамана» (крылатого и бескрылого), семейные группы и композиции с личиной, являясь такой же обязательной составной частью, как и свод из лосиных морд. В некоторых случаях «реки Вселенной» изображаются в виде двух длинных змей с мордами, находящимися выше солнца.³⁹

Композиции с двуглавым ящером имеют не раздельные вертикальные потоки двух «рек Вселенной», а одну реку, обтекающую всю Вселенную кругом (№ 104, 105, 111). Примером может служить бляшка № 105, где в центре — неясное существо, похожее на шамана, а внизу — двуглавый ящер. Над ящером изображены одна за другой пять лосиных голов, которые, очевидно, обозначают бег солнечного лося (лосихи Хэглэн) по небосводу. Крайнюю правую лосиную голову у границы среднего и нижнего мира заглатывает ящер своею «западною» пастью. Совершенно тот же сюжет мы видим и на, упомянутой выше бляшке № 111. В обоих случаях «река Вселенной» показана круговой линией, обрамляющей всю композицию, выражающую идею движения времени, круговорота солнца.

Великая Мать Мира

Среди шаманских бляшек есть особый тип, где сохраняется все традиционное обрамление из ящера, двух женолосих и рек Вселенной, но вместо мужской фигуры путешествующего шамана здесь дана огромная личина с неясным бесформенным туловищем, с ожерельем на шее; иногда четко обозначен женский пол (№ 195). В ряде случаев ниже этой личины, на ящере изображена голова новорожденного лосенка (№ 189, 190, 191, 194).

Получается как бы удвоение небесных богинь: по сторонам композиции четко сохраняются две женские фигуры с двойной ипостасью (человеческое лицо и лосиная морда), а в центре показана женщина, рождающая детеныша-лосенка. Иногда (очевидно, в более поздних вариантах) вся композиция сжимается до схемы, в которой уцелевают лишь личина, занимающая центральное положение, упрощенный, еле угадываемый ящер и две предельно стилизованные лосиные морды (№ 197, 198, 201, 203, 205). В расшифровке нам снова помогает сибирский фольклор тех же самых мест, где существуют мифы о божественных лосихах: у эвенков Подкаменной Тунгуски известны представления о небесной лосихе Бугады Эниэтын («Относящаяся к Вселенной мать их»), хозяйке Вселенной и матери зверей. У кетов — богиня Томам — тоже прародительница всей живности; у селькупов — Ылунда Котта, мать и хозяйка Вселенной. Все они наполовину антропоморфны, наполовину зооморфны.

³⁷ Анисимов А. Ф. Указ. соч., с. 52.

³⁸ Спицын А. А. Указ. соч., № 113—123, 125—136, 139—143, 146, 147, 149, 150, 153, 155, 158—161, 163—173, 175—182, 184—196, 199—202.

³⁹ Грибова Л. С. Указ. соч., табл. II, рис. 3.

Но в мифологии они уже выделились из пары небесных женолосих и каждая из них упоминается в единственном числе, как главная хозяйка всех миров. К IX—XI вв. этот процесс, судя по шаманским бляшкам, уже начался: две лосихи имеются на всех бляшках, но на некоторых из них наряду с парой лосих появляется и Бугады Энинтын, рождающая оленьцев. Одна-единственная бляшка (№ 204) с бородатой личиной в центре схемы Вселенной может отражать самую позднюю стадию представлений, когда матриархальный образ Хозяйки Мира сменился патриархальным образом Хозяина Мира, известного в фольклоре богатыря Маина.

Мы сопоставили фольклорные записи у различных народов Северной Сибири (на Урале, в бассейнах Оби и Енисея) с приуральскими шаманскими изображениями средневековья и установили, что все основные черты картины мира, порожденные охотничьим бытом, одинаковы и там и здесь. Вселенная состоит из трех миров: подземно-подводный мир, олицетворенный ящером, глотающим солнце (в виде головы солнечного лося Хэглэн), средний мир людей и шаманов и верхний, небесный мир, куда из людей попадают только шаманы, получающие от небесных владычиц свою колдовскую силу. Небо представлено двумя женщинами-лосихами, морды которых образуют небосвод; до этого небосвода долетают крылатые шаманы, от этих лосиных морд Владычиц Вселенной стекают в нижние миры две реки Вселенной. Загадка двух небесных оленей разгадана на примере двух групп фольклорных материалов, разделенных тысячелетием: записей сибирских космогонических мифов в XIX—XX вв. и «бронзового фольклора» VII—XI вв. в Приуралье.

Далее необходимо установить: является ли обрисованная выше картина мира местным, локальным комплексом, ограниченным каким-то определенным тунгусо-самодийско-угорским этносом, или же она может отражать стадию общечеловеческого мировоззрения?

Далекий от славян сибирский фольклор этнически разных народов и иллюстрирующие его пермско-югорские средневековые сульды позволяют поставить вопрос о культе небесных оленей в общей форме — как вопрос о стадии в развитии религиозных представлений человечества.

Предполагать наличие представлений о небесных оленях у охотников ледникового периода у нас нет никаких оснований. Иное дело — мезолит. Таяние ледника, освобождавшее новые земли, далекие перемещения охотников за стадами оленей или лосей, потребность в ориентировке по звездам — все это должно было породить в мезолите как культ лосей и оленей, так и перенесение этого культа на небо, на главнейшие созвездия северного неба. Так Большая Медведица стала Лосихой Хэглэн, а Малая Медведица — ее дочерью, лосенком.

Мезолитический Оленеостровский могильник дает нам погребение жреца в уборе, украшенном изображением головы священной лосихи, что расшифровывается при помощи «чуждских образков» как убор шамана, поднявшегося в небесный мир. Вся обстановка тройного погребения (№ 55, 56, 57) чрезвычайно напоминает традиционную композицию пермских шаманских бляшек: и там и здесь участвуют три фигуры — мужская в центре, две женские по бокам. Женщины-лосихи на бляшках обращены лицом к шаману; женщины в погребениях № 55 и 57 положены лицом к шаману (погреб. № 56). Шаман и там и здесь одет в головной убор, увенчанный лосиной мордой. «Путешествующий шаман», как мы помним, мог быть крылатым: чаще всего однокрылым. У похороненного на Оленьем острове шамана в области левой руки обнаружено много птичьих костей.⁴⁰ Не крылья ли это?

Нити связи тянутся от Оленьего острова к пермским бляшкам на протяжении 6000 лет. Недаром до наших дней сохранилось интересное имя острова, напоминающее о культе оленей.

⁴⁰ Гурина Н. Н. Указ. соч., с. 302.

Культ оленей и лосей в общем виде широчайшим образом отражен в искусстве самых различных народов Европы и Азии от каменного века до средневековья. Но если специально говорить о культе двух небесных оленей (или лосей), то и в этом случае у нас будет много примеров устойчивого существования таких представлений в разных концах древнего мира, в разной этнической среде. Очевидно, такая повсеместность свидетельствует о том, что культ небесных оленей и лосей как культ прародительниц животного мира является отголоском общей для всех народов стадии мезолитическо-неолитического охотничьего и оленеводческого быта.

Вернемся к восточнославянской этнографии XIX—XX вв., с рассмотрения которой мы начали свой долгий, как дорога «путешествующего шамана», ретроспективный поиск.

Важнейшим разделом русского народного искусства являются те категории предметов, которые соприкасаются с культом, с ритуальными действиями, с устойчивыми религиозными (в том числе и языческими) представлениями. Такими категориями оказываются прежде всего прялки и полотенца; в меньшей степени — свадебные подзоры, скатерти и ковши.

Полотенце-убрус является ритуальным предметом: убрусами увешивали ветки священных деревьев, на полотенце подносили хлеб-соль, полотенцами вместо вожжей сдерживали коней свадебного поезда. Особенно важно то, что полотенца-«набожники» сохранили свое почетное место в красном углу избы, на полочке для икон («божнице»), и вышитые на полотенцах языческие богини уживались с христианскими святыми.

Вероятно, красный угол — исконное древнее место для языческих убрусов, а полотно играло в свое время роль иконной доски, и на него наносились священные языческие изображения, предшествовавшие иконам. Поэтому мы должны с особым вниманием относиться к вышивкам на полотенцах, на этих языческих иконостасах, полных глубокой архаики.

Основной традиционной схемой древней ритуальной вышивки была, как известно, трехчастная композиция: женская фигура (богиня? жрица?) в центре и два всадника по сторонам ее, как бы подъезжая к ней или сопровождая ее. Древние мотивы в вышивке, сохранные лучше всего на Севере, были распространены очень широко. И. Я. Богуславская подчеркивает «общерусский характер древних мотивов народной вышивки», перечисляя те губернии России, где они изучены: Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Новгородская, Псковская, Петербургская, Тверская, Ярославская, Смоленская, Калужская, Тульская, Орловская, Воронежская, Тамбовская.⁴¹

После замечательного открытия В. А. Городцовым языческой семантики русских вышивок⁴² многие исследователи пошли по его пути, но только спустя 40 лет после выхода в свет статьи Городцова появилась первая попытка систематического рассмотрения вышивок. А. К. Амброз, прослеживая судьбы древнего символа плодородия — «ромба с крючками» («жабы») — дал также и схему развития сюжетов русской языческой вышивки.⁴³ Схема такова: с появлением земледелия возникает «ромб с крючками» как идеограмма плодородия; затем появляется конь в сочетании с ромбом и богиня. Средневековье добавило всадника; в XVIII—XIX вв. появились, сосуществуя со всеми предшествующими

⁴¹ Богуславская И. Я. О трансформации орнаментальных мотивов, связанных с древней мифологией в русской народной вышивке. — В кн.: Тезисы докладов VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1964, с. 8. См. также: Фалеева В. А. Русская народная вышивка (древнейший тип). Л., 1949.

⁴² Городцов В. А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. — Труды ГИМ, 1926, т. I.

⁴³ Амброз А. К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа. — СА, 1966, № 1, с. 74, рис. 8.

композициями, мужские фигуры и какие-то крылатые существа. Олени не нашли места в схеме Амброза, хотя вышивки с оленями нам известны. Можно согласиться с автором, что его статья «не претендует на полный анализ русской вышивки архаического типа» (с. 61).

В 1971 г. появилась статья Г. Г. Громова, Д. В. Деопик и В. И. Плющева, посвященная анализу отдельных элементов русской вышивки.⁴⁴

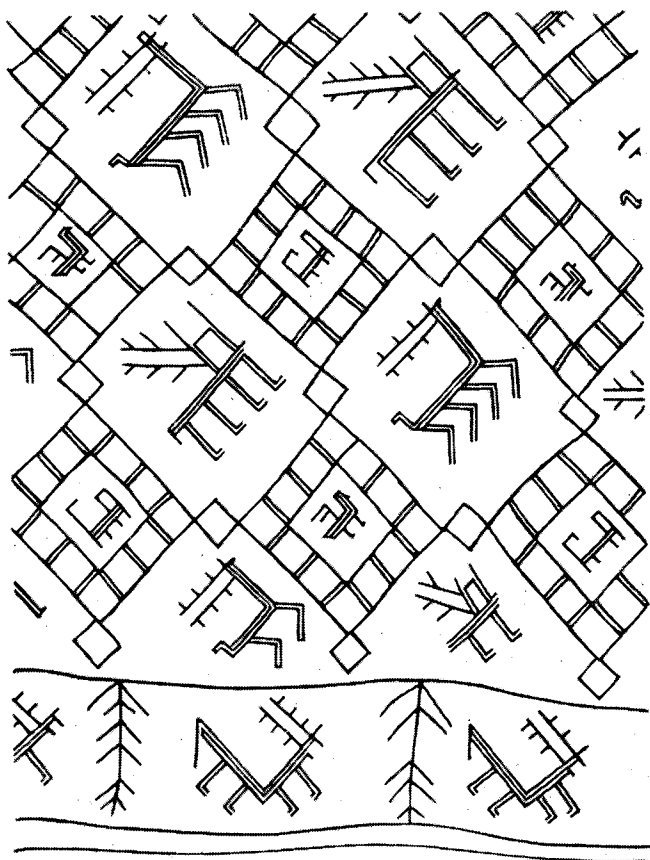

Рис. 5. Фрагмент паволовки. (По И. Я. Богуславской).

В качестве объекта исследования авторы взяли 241 образец вышивок из Архангельской обл. и рассмотрели отдельные элементы композиций: 14 типов голов, 19 типов хвостов, 15 типов ног, 6 типов крыльев и т. п. К сожалению, композиции вышивок как целое, как определенная совокупность элементов авторами не рассматриваются, что значительно обесценивает их труд, проведенный на ЭВМ. Вероятно, полезнее было бы полностью опубликовать 241 образец (что заняло бы 20 страниц из 29) и дать основные выводы корреляционных подсчетов.

Для наших целей важно то, что авторы определяют ряд изображений как относящиеся к «рогатым животным (лось или олень)» и отмечают «контаминацию образов» этих животных с образом коня. В итоговой части авторы указывают на «преобладание мотива лося-оленя над моти-

⁴⁴ Громов Г. Г., Деопик Д. В., Плющев В. И. Применение методов количественного анализа орнаментальных образов русской народной вышивки. — Вестник МГУ, 1971, № 4.

вом коня»,⁴⁵ что даже в таком абстрагированном от общего облика вышивок виде представляет значительный интерес.

Вышитые композиции с оленями-лосями не попадали в поле зрения исследователей; их заслонили собой наиболее распространенные композиции с двумя всадниками и женской фигурой в центре, ставшие как бы стандартом при изучении русской сюжетной вышивки. Однако музейные коллекции хранят значительное количество тканей и вышивок с оленями или лосями из разных мест (б. губ. Новгородская, Вологодская, Олонецкая, Тверская, Петербургская, Архангельская, Калужская, Полтавская). В их географическом распределении ощущается тяготение к Северу с его финно-угорским субстратом, хотя встречаются они и в чисто русских областях.

Рентгеновский анализ икон XVI в. позволил И. Я. Богуславской выявить орнамент полотняных вышитых скатертей, использованных в свое время иконописцами в качестве «паволоки», ткани, наклеивавшейся на икону для подгрунтовки. Скатерти XVI в. из района Белоозера (рис. 5) оказались расшитыми оленями, лосями, птицами, деревьями и женскими фигурами.⁴⁶ Скатерти украшены сплошным ковровым узором, покрывающим все пространство. Такое изобилие оленей (143 изображения на уцелевшей части) наводит на мысль записи этнографов, сделанные в этих же белоозерских местах, о давних жертвоприношениях оленей, приуроченных календарно к христианским праздникам, а топографически — к сельским часовням и храмам. Не лишено вероятия, что для подгрунтовки икон были использованы церковные скатерти, связанные с древними полуязыческими пирами-братчинами, на которых поедалось мясо жертвенных оленей (см. выше).

Вышивки XIX в. дают нам несколько типов композиций с оленями. Простейшим и наименее интересным видом вышивок является общеевропейская композиция: два оленя по сторонам «древа жизни».⁴⁷ Значительно важнее для нас композиции с женской фигурой в центре. Одни варианты ее напоминают классическую трехчастную композицию: богиню с предстоящими всадниками — «прпбогами», но с тем отличием, что вместо коней вышиты молодые олени с небольшими рогами и коротеньким хвостиком, а вместо всадников — две женщины, как бы стоящие на оленях. Точно такая же композиция встречается и у тверских карел (рис. 6, а, б). В карельском варианте в центре не одна, а три женские фигуры (средняя рогата). Рогатая женская фигура посреди бегущих в одну сторону оленей известна из Новгородской области.⁴⁸ В тканых вологодских узорах встречается своеобразный вариант: два сильно стилизованных лося подходят к центральной крупной женской фигуре, упирающейся головой в верхнюю кромку, а по сторонам этой средней композиции вытканы две женщины, стоящие на спинах каких-то огромных фантастических птиц.⁴⁹

В русском и финно-угорском искусстве Севера встречается довольно устойчивый тип вышивки с оленями, украшающей полотенца, рубахи и очеля головных уборов — «сорок». Олени или лоси с массивными рогами стоят по сторонам своеобразной женской фигуры, голова которой украшена огромными раскинутыми рогами, руки распростерты вверх,

⁴⁵ Там же, с. 90 и 96.

⁴⁶ Богуславская И. Я. О двух произведениях средневекового народного шитья. — В кн.: Русское народное искусство Севера. Л., 1968, с. 91—106, рис. на с. 92, 95 и 97.

⁴⁷ Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1961, табл. LVII, рис. 4; табл. XLIII, рис. 1.

⁴⁸ Богуславская И. Я. Русская вышивка. Л., 1971, рис. 11. — К этой композиции придется вернуться в дальнейшем.

⁴⁹ Кожевникова Л. А. Особенности народного узорного ткачества некоторых районов Севера. — В кн.: Русское народное искусство Севера. Л., 1968; Динцес Л. А. Изображение змеборца в русском народном шитье. — СЭ, 1948, № 4, с. 45, рис. 10.

а нижняя часть тела изображена в виде нагроможденных друг на друга изломов. Эти изломы, возможно, стремились передать четвероноготь оленьего естества этой сложной, полуантропоморфной фигуры.⁵⁰ Нередко

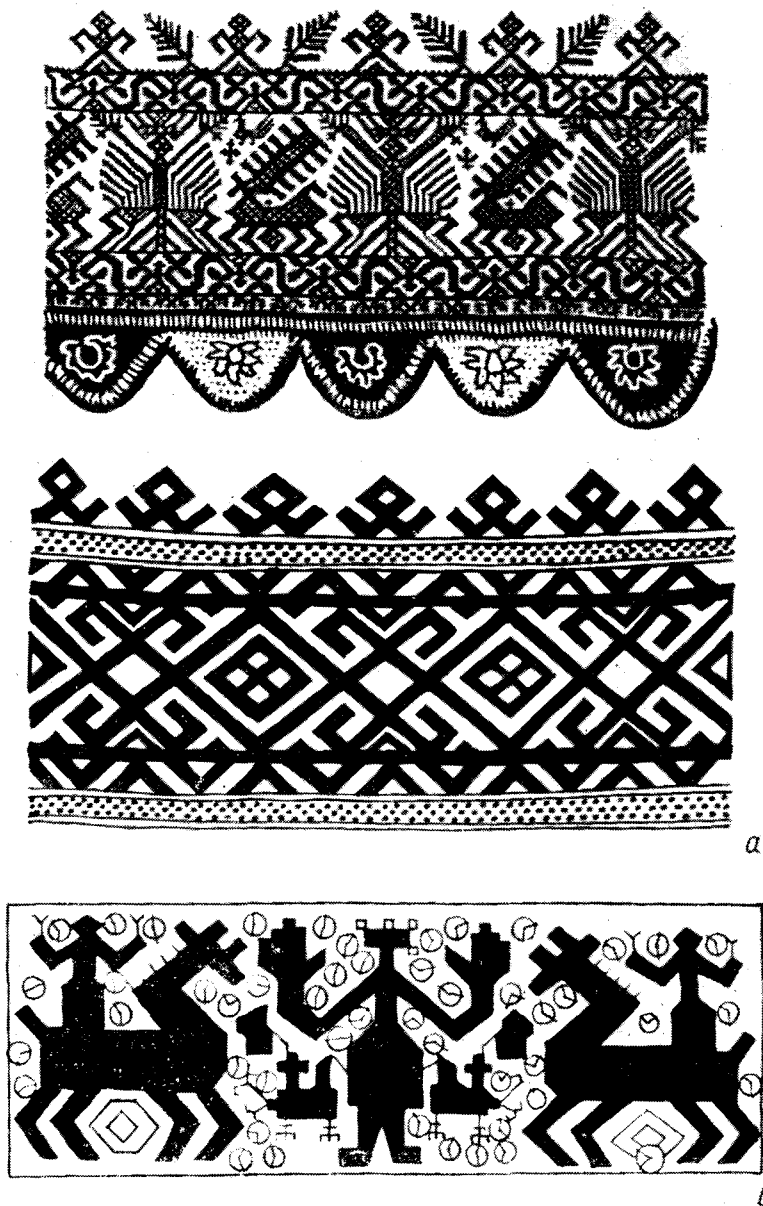

Рис. 6. Концы рукобитного полотенца (а). Вышивка оплечья женской рубахи (б).
(По И. Я. Богуславской и Г. С. Масловой).

ветвистые рога вышивались ниже головы, на уровне рук: вышивальщица как бы выдвигала человеческое, женское естество на главное место, подчиняя ему естество оленье или лосиное.⁵¹

⁵⁰ Работнова И. П. Финно-угорские элементы в орнаменте севернорусских вышивки и тканья. — В кн.: Русское народное искусство Севера, с. 89, рис. 1 и 2.

⁵¹ Маслова Г. С. Указ. соч., табл. XV, рис. 1; табл. XVII, рис. 1; табл. XVIII, рис. 2. — В русской вышивке очень част мотив «елочек», которые изображались

Рогатые женские фигуры в вышивке встречаются довольно часто, как в сочетании с оленями, так и без них. Следует отметить, что вышитые изображения женщин с рогами на голове находят соответствие в реальных русских головных уборах. Так, например, в б. Калужской губ. еще на рубеже XIX и XX вв. молодые крестьянки носили кички с двумя огромными (до 70—80 см) рогами, скрученными из холста. Священники не пускали невест в церковь в таких языческих ритуальных уборах.⁵²

Широкое географическое распространение вышивок с оленелосями и рогатыми полуженщинами-полуваженками заставляет нас рассмотреть их в одном ряду с рассмотренными выше мифами охотничьих племен и средневековыми сульде, в которых хорошо отразились весьма архаичные представления об оленеобразных рогатых Хозяйках Вселенной или безрогих лосихах вроде Хэглен и ее дочери. Дело здесь не во внешней аналогии, не в случайном совпадении сюжетов. Полнее всего и сознательнее, чем в других местах, небесные олени представлены в вышивке финно-угорских народов или там, где нам хорошо известен финно-угорский субстрат. Орнаментака тверских карел, так детально изученная Г. С. Масловой, показывает, что композиции с двумя оленями и рогатой женщиной помещались в «небесном ярусе» женского наряда — на самом верху головного убора «сороки». Именно очелья «сорок» дали нам наибольшее количество примеров разных вариантов композиции с оленями. Это означает, что древнее представление о небесных оленях дожило в карельской традиции вплоть до XIX в. Традиция эта была, вероятно, уже бессознательной, не подкреплённой знанием соответственных мифов, но достаточно прочной для того, чтобы сохранить не только отдельные элементы архаики, но и всю систему представлений.

Однако не нужно думать, что изображения небесных оленей и рогатых владычиц присущи только финно-угорскому населению Севера; они достаточно широко представлены и у русского крестьянства как в тех северных районах, где финно-угры являются давним субстратом, так и в чисто русских районах вроде Калужской обл., где вышивки с оленями сочетаются с рогатыми головными уборами женщин. Охотничья идеология мезолита или неолита сохранялась не в силу каких-либо этнических особенностей, а была признаком стадильным и в меру этой стадильности полнее проявлялась в материалах XIX в. у самодийско-угорских племен, сохранялась у финно-угров и русских северо-востока Европы и фрагментарно уцелела в консервативном быту карпатских горцев (гуцулов) (рис. 7, 8).

Приведенные выше этнографические записи севернорусского происхождения дают нам интересную картину отмирания культа оленей, повсеместного прекращения где-то в середине XIX в. языческих жертвоприношений, когда в православный церковный праздник в жертву приносились олени.

Необычайный интерес представляет то, что народная крестьянская вышивка сохранила не только следы самого культа священных небесных оленей, но и процесс отмирания этого культа.

Композиции с оленями и всадниками вытеснили, заслонили собою композиции с оленями, но следы древнего культа остались: на одной карельской вышивке по сторонам женской фигуры изображены два коня,

точь-в-точь так, как олени рога, и вышивались не вертикально, как следовало бы ставить растения, а всегда косо, раскинутыми попарно в стороны, как и должны быть олени рога. См. олени рога «елочкой»: Калужская народная вышивка. М., 1955, рис. 9 и указанные работы В. А. Городцова и Г. С. Масловой. Отдельные пары рогов-елочек в сочетании с женской фигурой см.: Маслова Г. С. Указ. соч.; Работнова И. П. Указ. соч.; Богуславская И. Я. Русская вышивка, рис. 11.

⁵² Могилянский Н. Поездка в центральную Россию для собирания этнографических коллекций. — В кн.: Материалы по этнографии России, т. I. СПб., 1910.

а на спинах у них показаны ветвистые оленьи рога.⁵³ Подобная замена оленей конями с сохранением оленьих атрибутов известна уже в древности: в знаменитых Пазырыкских курганах на коней, везших погребальную колесницу, были надеты оленьи и лосиные маски с большими зо-

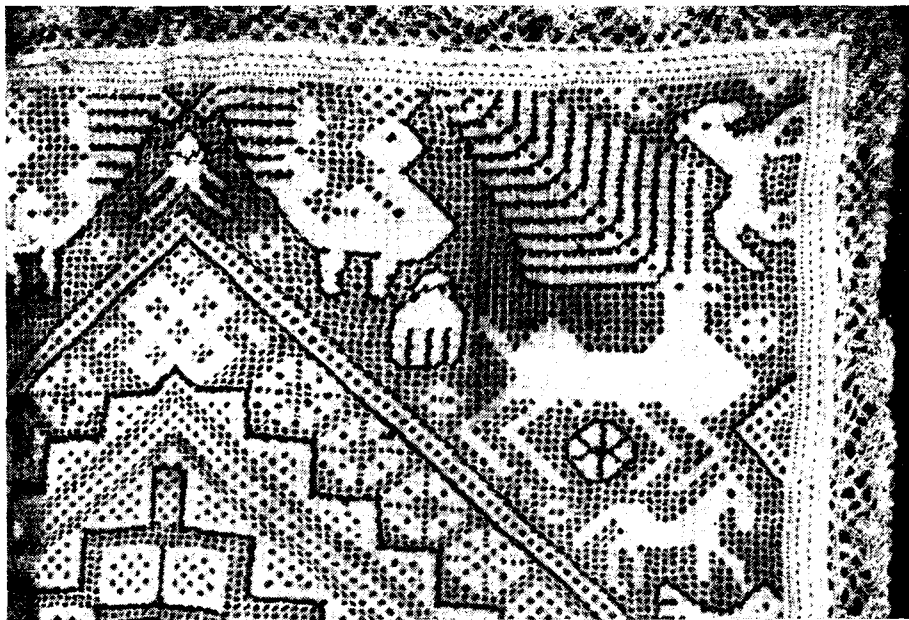

Рис. 7. Деталь обрядовой ширинки. (ГИМ, № 46722).

Рис. 8. Деталь подзора. (ГИМ, № 48021).

лотыми рогами. Кони должны были изображать священных оленей.⁵⁴ Иногда контаминация старого и нового наблюдается в другой форме; любопытен опубликованный В. А. Городцовым подзор из б. Олонецкой губ. (рис. 9).⁵⁵

⁵³ Жуковская В. И. Вышивка тверских карел. — В кн.: Из культурного наследия народов России. Л., 1972, с. 187, рис. 3.

⁵⁴ Мещанинов И. И. О применении лингвистического материала при исследовании вещественных памятников. — Сообщения ГАИМК, 1932, № 1—2, с. 6—12.

⁵⁵ Городцов В. А. Указ. соч., рис. 8. — Хранится в ГИМ, № 42345. Рисунок Городцова неточен.

Волнистой вышитой полосой подзор разделен на две горизонтальные зоны. В каждой зоне вышиты розетки-солнца; в верхней зоне — на светлом фоне холста (дневное солнце), а в нижней — на сплошь зашитом темном фоне (может быть, ночное подземное солнце?). На грани верхнего и нижнего мира вышиты два крохотных всадника; они почти вписываются в среднюю разделительную полосу. Поводья коней держит огромная рогатая женщина, по своей высоте выходящая за пределы волнистой разделительной полосы в верхний небесный ярус. По сторонам рогатой женской фигуры вышиты две крупные лосины морды с ветвистыми массивными рогами. Небесные лоси и женщина с рогами главен-

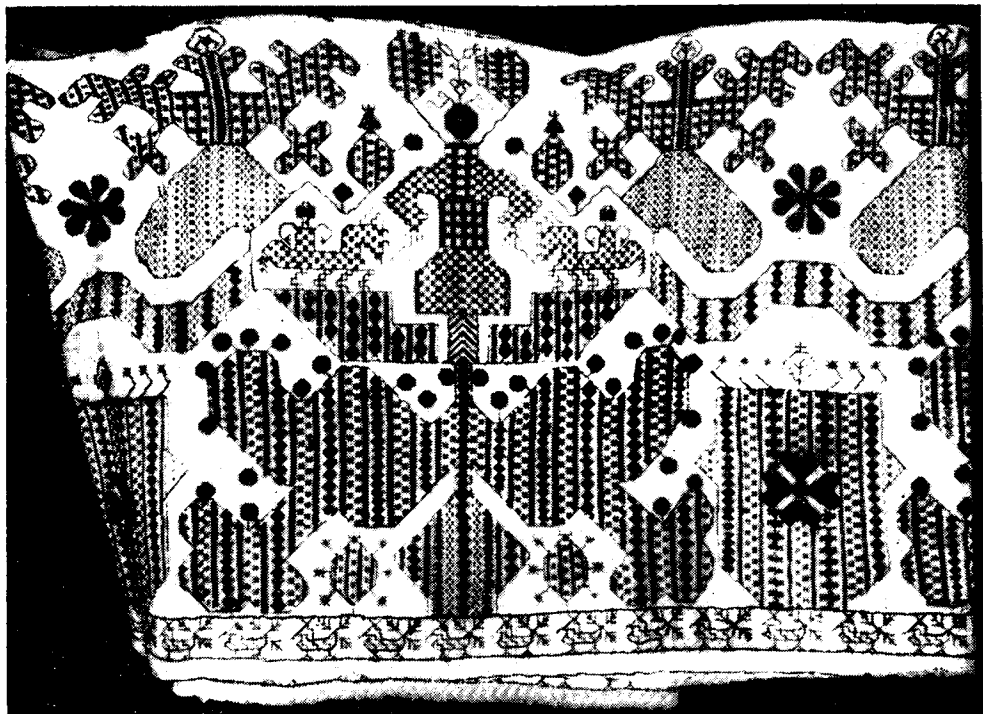

Рис. 9. Деталь подзора. (ГИМ, № 42345).

ствуют над всей композицией, а пара всадников (всадниц?), которая на сотнях других вышивок равновелика, а следовательно, и почти равноправна центральной женской фигуре, здесь поставлена в явно невыгодное, неполноправное положение. Миниатюрные всадники, олицетворяющие, очевидно, земное, человеческое начало, самым масштабом изображения, своей несоизмеримостью с огромными фигурами небесного яруса должны были выразить идею подчиненности земного небесному, а небесное, повелевающее начало представлено здесь чрезвычайно архаично: лоси, женское божество с рогами и солнце. Та трехчастная композиция (два всадника по сторонам женской фигуры), которая впоследствии вытеснила лосей, оленей и рогатых богинь и стала стандартом севернорусских вышивок, здесь, на этом олонецком подзоре, лишь зарождалась и была еще очень далека от главенства; первенствовала здесь первобытная архаика. Стадиально этот подзор XIX в. относится к той переходной поре, когда древние мифы еще сохраняли свою силу, но уже появилась и новая идея, выразителями которой были люди обладатели коней, всадники, т. е. происходило то, что наблюдается и в эволюции пермских

сульде — переход от космологических изображений с небесными лоси-
хами к людям и коням земного яруса.

Из той же Олонецкой губернии происходит еще одна вышивка, вы-
полненная тоже на подзоре.⁵⁶ Одним из элементов орнаментального ра-
порта здесь является космическое женское божество, окруженное свети-
лами и звездами и обрамленное какой-то конструкцией, очевидно, изо-
бражающей небесный свод. Женская фигура огромна (во весь подзор),
идолообразна, безлика, но тем не менее голова ее украшена рогами.
У ног Небесной Хозяйки находятся (как бы подъезжают к ней) два
всадника, фигурки которых несоразмерно малы по сравнению с богиней.
Под ногами коней — земля с маленькими растениями и вертикальными
волнистыми струйками, проникающими в ее толщу. Не следует забы-

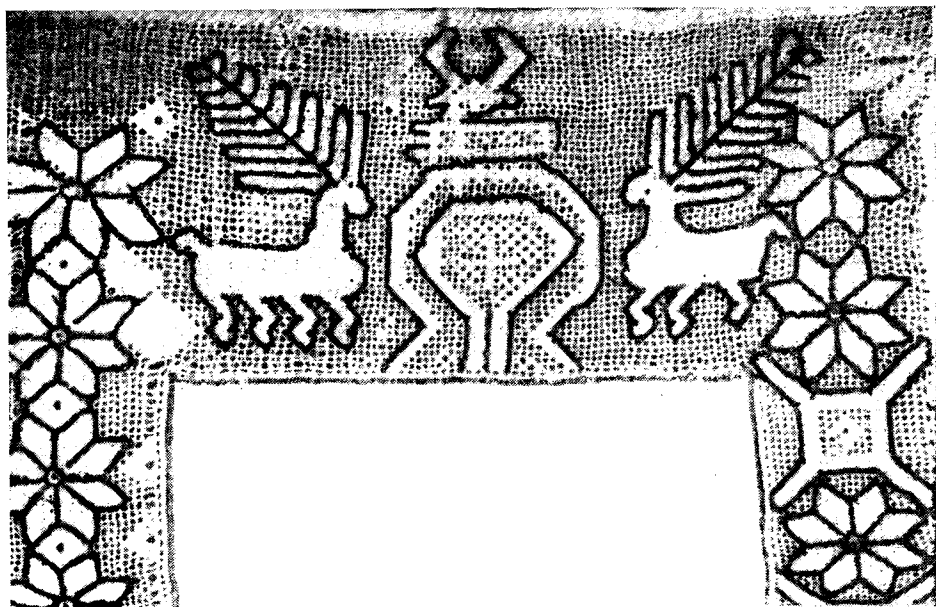

Рис. 10. Деталь обрядовой ширинки. (ГИМ, № 46721).

вать, что вышивки делались в крестьянской земледельческой среде и
в силу этого аграрно-магические элементы здесь вполне уместны. Однако
первенствуют на этом подзоре более ранние доземледельские предст-
авления о полуженщине-полуолене, хотя к ним уже добавились всадники,
связанные с более поздней стадией мировоззрения.

Этнографические записи, как мы уже видели, фиксируют сравни-
тельно недавний (примерно середина XIX в.) переход от жертвоприно-
шений священных оленей к принесению в жертву домашней скотины.
Рассказы о смене ритуала облечены в форму красивых легенд об оле-
нях, прибежавших из леса специально для того, чтобы их принесли
в жертву. Но люди жадничали, обманывали священных животных и те
перестали добровольно прибегать из лесу к сроку жертвоприношений:
«в старые времена на праздник (8 сентября) прилетали различные
птицы — лебеди, гуси — и прибегали звери разные, одного убивали, ос-
тальные исчезали, а когда крестьяне стали остальных убивать, птицы и
звери перестали приходить на праздник». «В день рождества богородицы
самки оленя ежегодно приводили с собой детеныша, которого закалы-
вали и варили и им угощали приходящих, а мать отпускали... Но те-

⁵⁶ L'art rustique en Russie. Paris, 1913.

перь олени уже не приходят, и крестьяне приносят в жертву рогатый домашний скот».⁵⁷ «В храмовый праздник 8 сентября к церкви крестьяне приводят „обещанный“ скот. На паперти в особо для этого устроенном месте одного быка торжественно закалывают... Лет 50 тому назад 8 сентября будто бы сами собой прибежали олени и прилетали утки».⁵⁸

В свете этих данных совершенно особый интерес представляет огубликованная В. А. Городцовым обрядовая ширинка, возможно, предназначавшаяся для подобных престольных праздников с жертвоприношениями (рис. 10).⁵⁹ На одной стороне небольшой квадратной скатерки изображена женская фигура с поднятыми к солнцу руками, а по сторонам ее — две самки оленя с коротенькими хвостами, над головами которых вышиты свастические знаки. На противоположной стороне квадрата вышита прямая иллюстрация к белозерским рассказам о замене жертвенных оленей быками: в центре помещен похожий на плаху жертвенник («особо для этого устроенное место»); по обе стороны его — олени с ветвистыми рогами, а на самом жертвеннике — отрубленная голова быка (!). В ряде случаев появление жертвенных птиц, как и оленей, приурочено к празднику рождества богородицы 8 сентября. Это по всей вероятности объясняется тем, что именно в сентябре перед дальним перелетом птиц наши предки ловили подросший молодняк тенетами и перевесами. Отпуск на волю двух пойманных лебедей (семейной пары) был своего рода магической жертвой охотников божествам неба, совпадавшей по времени с осенним праздником урожая, древним праздником рожаниц.

В севернорусской вышивке необычайно част сюжет женщины с двумя птицами в руках. Почти всегда центральная фигура обычной трехчастной композиции — женщина между двумя всадниками — или держит двух птиц в руках, действительно как бы отпуская их на волю, или же, если руки ее воздеты к небу, две птицы обязательно изображаются рядом с женщиной, в воздухе. Быть может в последнем случае подчеркивалось исполнение обряда — птицы уже не в руках женщины, а на воле, «в аере». Если птицы находятся в руках женщины, то, как правило, у птиц изображается поднятое крыло — птица показана готовой к полету.

Как видим, сюжеты вышивок, будучи сопоставлены с записями преданий и легенд о древних обрядах, расшифровываются и легко вписываются в содержание этих преданий, а тем самым иллюстрируют описанные в рассказах обряды.

В вышитых композициях с лосями или оленями, архаичность которых едва ли может быть подвергнута сомнению, центральное место занимает или женщина, или древовидное изображение, или же очень своеобразная антропоморфная фигура, сильно варьирующая в разных вышивках и требующая особого рассмотрения. Чаще всего она встречается на подзорах, но есть и на полотенцах, на очельях «сорок»; вышивают эту фигуру иногда и без сопровождающих оленей или лосей; встречается она в соседстве с женщиной, выпускающей птиц, а иногда — внутри постройки. На подзорах загадочная фигура повторяется по нескольку раз, а на полотенцах и очельях чаще всего два раза, изредка — три.

Вышивальщицы плохо понимали смысл изображения и поэтому сильно искажали рисунок, а стремясь осмыслить его, нередко наделяли растительными чертами, что и дало право Л. А. Динцесу назвать одну из модификаций этой фигуры «древом жизни».⁶⁰ Подобраться к раскры-

⁵⁷ Шаповалова Г. Г. Указ. соч., с. 214; Шереметев П. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902, с. 136—137.

⁵⁸ Соколов Б. М., Соколов Ю. М. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, с. XI—XII.

⁵⁹ Городцов В. А. Указ. соч., рис. 16, с. 12 и 14. — Хранится в ГИМ, № 46721-С-406. — Прорись Городцова очень неточна: олени превращены в коней. В коллекциях ГИМ это не единственная обрядовая ширинка с оленями.

⁶⁰ Динцес Л. А. Указ. соч., рис. 1, б. «Древо» не имеет ствола и не связано с землей.

тию смысла загадочной антропоморфной фигуры, пожалуй, легче всего при посредстве вышитого подзора из б. Новгородской губ.⁶¹

Средняя, главная полоса подзора украшена изображениями бегущих лосей с тяжелыми, массивными рогами. Между лосями помещены фронтальные изображения огромных женщин (вдвое выше лосей) с ветвистыми рогами на голове. Руки женщин раскинуты и пальцы как бы переходят в «елочки»-рога. Бедра широко раздвинуты и ноги согнуты в коленях; от бедер вверх идут изогнутые рога (?). Вся фигура очень напоминает позу роженицы, что не только не противоречит, но очень хорошо согласуется с назначением вышивки — служить обрамлением постели. Однако следует отметить, что для магического рисунка-заклинания на подзоре кровати был выбран очень архаичный космологический сюжет: рождающие женщины с оленьими рогами на голове и бегущие мимо них олени-лоси. Вглядываясь в этот новгородский подзор, мы сразу вспоминаем и солнечный небесный чум, и двух рогатых Хозяек Мира, рождающих оленей для всей земли, и новгородскую запись 1114 г. об оленьцах, рождающихся на небе. Когда летописец записывал в новгородском пригороде Ладоге легенду о веверицах и оленьцах, он особо подчеркнул, что местное население, сообщившее ему об этом чуде, само верило в него: послухами были посадник Павел «и вси ладожане». Из окрестностей Ладоги происходит полотенце, купленное Н. И. Репниковым в 1911 г.,⁶² со следующей интересной вышивкой: на полотенце дважды повторено изображение двух лосей, сросшихся туловищами и обращенных головами в разные стороны. Над каждым таким парным лосем помещено сильно упрощенное изображение роженицы с рогами и раскинутыми ногами и руками. Со времени беседы летописца с ладожанами прошло восемь веков, а ладожанки XX в. все еще продолжали овеществлять в своих вышивках древние, давно забытые мифологические сюжеты, вышивая двух рогатых рожениц и их «готовую продукцию» — оленей или лосей.

Облик небесной роженицы, полуженщины-полуолени, передавался в русской и финно-угорской вышивке различно, но почти всегда можно различить рога на голове женщины или раскинутые руки, переходящие в ветви рогов, торчащие в стороны груди, раскинутые и согнутые ноги, между которыми иногда изображается знак плодородия, объемистый живот. Слияние в этом образе человеческой и звериной сущности приводило к тому, что иногда при общем антропоморфном облике этого мифологического существа появляются вместо грудей четыре сосца вымени или четыре ноги важенки.⁶³

Выше мы видели, что пермско-югорские сульде тоже знали образ рождающей женщины (Спицын, № 189—191, 194): две женолосихи образуют небесный свод, с которого спускаются вниз две мировые реки; низ композиции замкнут ящером, а в центре — женщина с раскинутыми ногами и между ними, внизу — головка новорожденного «оленьца».

Сопряженность небесных рожениц народной вышивки с оленями, истоки которой восходят к космологии охотников каменного века, позво-

⁶¹ Богуславская И. Я. Русская вышивка, рис. 11; Рыбаков Б. А. Указ. соч.

⁶² Фотография полотенца (ГМЭ, № 2072-19) любезно предоставлена мне Г. С. Масловой; пользуюсь случаем поблагодарить исследовательницу.

⁶³ L'art rustique en Russie, N 81, 82; Динцес Л. А. 1) Восточные мотивы в народном искусстве. — СЭ, 1946, № 3, с. 109, рис. 18; с. 110, рис. 19; с. 94, рис. 1; 2) Изучение русского народного искусства и наследие Марра. — КСИИМК, 1946, XII, с. 150, рис. 68а; Богуславская И. Я. Русская вышивка, рис. 10, 11; Калужская народная вышивка, рис. 2; Жуковская И. В. Указ. соч., с. 187, рис. 3; Маслова Г. С. Указ. соч., таблицы: XV — рис. 1; XVII — рис. 1; XVIII — рис. 2; XXI — рис. 3 и 4; XXXVII—XXXVIII — рис. 1; XLIV — рис. 1; L — рис. 2. — Давний и не всегда понятный образ небесной роженицы сильно искажался. Расостыренная фигура с двумя рогами в ряде случаев стала заменяться сходной фигурой двуглавого орла.

ляет поставить важный вопрос о наименовании этих матерей звериного приплода. Осенний праздник, кульминацией которого было жертвоприношение священного оленя, известен широко у всех народов Севера, во всех тех местах, где собирались коллекции вышивок.⁶⁴ Календарно олени жертвоприношения приурочивались к трем христианским церковным праздникам: к Петрову дню (29 июня), к Ильину дню (20 июля) и к рождеству богородицы (8 сентября). Как видим, с женским церковным праздником олени жертвоприношения совпадали только в одном случае, в день рождения Марии-богородицы. Большинство записей о приходе из леса двух оленей в прошлые времена связано именно с этим праздником 8 сентября. Аграрный характер праздника рождества богородицы был обусловлен завершением всех работ по уборке урожая (жатва, своз снопов, сушка, обмолот), но к земледельческому празднеству присоединялось и охотничье: лов птиц сетями и начало осенней охоты на оленей, с чем, очевидно, и связаны легенды о принесении их в жертву.

Загадочная фигура рожавшей женщины-важенки получает здесь свое истолкование: ведь уже в средневековье именно к этому празднику рождества богородицы была приурочена «вторая трапеза» рожаницам, в честь которых наполняли черпала вином, пили круговую чашу и, кроме церковных тропарей, пели свои «бесовские песни». Рожаницы в церковных поучениях выступают безлико, у них почти не указано никаких примет, которые помогли бы нам точнее определить сущность этого образа. Этимологически ясно, что они связаны с рождением; празднование урожая «зажинок» в день рождества богородицы, ставший на Руси и днем рожаниц, раскрывает аграрную сторону культа рожаниц, но благоденствие древнего славянина, особенно попавшего на лесной и болотистый Север, складывалось еще и из рыболовства и охоты. Успех охоты зависел от обилия зверей, от количества приплода. Богини, связанные с рождением всего полезного (зерна, зверей, скота), могли иметь одно наименование — «рожаниц». Во всяком случае не подлежит сомнению внутренняя смысловая связь следующих явлений: приурочение праздника языческих рожаниц к рождеству богородицы, приурочение жертвоприношений оленей к этому же празднику рожаниц и отображение в ритуальной языческой выпивке оленей (лосей) и рогатых рожаниц, которых мы вправе теперь назвать «рожаницами». Сам христианский праздник отмечал акт рождения нового существа, и неудивительно, что более архаичные сюжеты вышивок фиксировали свое внимание именно на акте рождения, поданном весьма натуралистично. Стоит отметить, что даже православным иконам не чужд подобный натурализм. Н. М. Гальковскому были известны «в храмах и домах иконы, представляющие богоматерь в муках рождения...».⁶⁵ Эта запись относится к юго-западной Украине, но тем важнее отметить общий ход народной мысли, останавливающей внимание на самом акте рождения во всей его натуралистичности.

Верхневолжская вышивка (правда, не русская, а карельская) дает нам исключительно интересный пример христианизации языческих рожаниц, являющийся образцом «двоеверия», механического соединения языческой архаики с церковной новизной. На полотнце из Сандовского района вышита многоглавая церковь с луковичными главками и крестами. Внутри на самом центральном месте — обычная для вышивок с оленями рожаница «в муках рождения», а по сторонам ее две женские фигуры. Вне церкви, как бы на втором плане, вышиты еще две церквушки (показана только кровля и главы, стен нет), под которыми изображены еще две точно такие же рожаницы, но с парой рогов в руках

⁶⁴ Пименов В. В. Вепсы. М.—Л., 1965, с. 243.

⁶⁵ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси, т. 1. М., 1913.

каждая; внизу две женские и одна детская фигуры. Главы церквей, внутренность церкви и ее окружение щедро покрыты изображениями птиц (31 фигура).⁶⁶ Три рожаницы под церковными главами здесь не случайность, как могло бы быть на подзоре с его повторяющимся рисунком, а сознательно созданная композиция. И композиция эта поддается расшифровке: православная церковь за весь годовой цикл праздников отмечала только три раза рождение христианских мифологических персонажей. Эти три рождества следующие: рождество Иоанна Предтечи (24 июня, день летнего солнцестояния («Иван-Купала»), рождество богородицы (8 сентября, праздник рожаниц) и рождество Христово (25 декабря, зимнее солнцестояние, начало новогодних святок). Если верно такое истолкование, то все три церковных праздника и показаны на полотенце, но показаны со всей языческой наивностью и примитивностью. Каждая рожающая мать (Елизавета, Анна, Мария) демонстрируется зрителю в непристойной позе родильных мук, каждая из них воскрешает у того зрителя, на которого она рассчитана, представление не о христианских святых, а о древних рожаницах, матриархальных хозяйках мира, плодящих полезных животных.

Неудивительно, что церковные проповедники так яростно обрушивались на культ рожаниц — этот языческий натурализм, наивно уживавшийся с признанием церковных форм, должен был возмущать духовенство своим несомненным богохульством.

* * *

Подведем итоги нашим разысканиям о небесных оленях.

Когда в начале этого раздела нами была предложена этнографическая загадка о двух оленях среди звезд на гуцульской пасхальной писанке, а к концу раздела выяснилось, что на стержень этой темы нанизываются и мезолитические шаманы с лосиной мордой в головном уборе, и трипольские ритуальные чары с двумя небесными оленями, и приуральские сульде с такими же шаманами и с двумя небесными лосихами, и северносibirский фольклор, подробно и точно разъясняющий смысл этих лосиных изображений, и летописная легенда XII в. о небесном рождении оленьцов, и эволюция названий созвездий, и русско-карельская вышивка с ее оленями, небесными лосями и неудобозримыми грубоватыми рожаницами, и рассказы крестьян о недавних жертвоприношениях оленей, то могло показаться, что каждая семантическая загадка может быть легко разрешена, стоит лишь привлечь широкий и разносторонний сопоставительный материал. Конечно, это не так. После длительного поиска, в котором частичные удачи сменялись полной безрезультатностью, нами был отобран наиболее обеспеченный разнородным и разновременным материалом и наиболее аргументированный пример такого историко-культурного зондажа. Зондаж довел нас в глубь веков до мезолита; такова оказалась глубина памяти. По существу загадка была разгадана при помощи трех ключей: первым ключом оказались мифы югорско-самодийских охотничьих племен, раскрывшие самую сущность представлений о двух небесных оленях, о владычицах мира, рождающих приплод объектов охоты. Приуральские югорско-пермские сульде (второй ключ) тысячелетней давности дали нам, кроме небосвода, образованного двумя лосихами, и подводно-подземного ящера, также и драгоценную фигуру путешествующего шамана; его ритуальный жреческий головной убор с возвышающейся над ним крупной головой лосихи оказался настолько устойчивым, долговечным признаком, что позволил определить значительную хронологическую амплитуду в 6000 лет. Третьим ключом к пониманию культа небесных оленей-лосих явилось погребение

⁶⁶ Маслова Г. С. Указ. соч., табл. XXXVII, рис. I.

шамана на мезолитическом кладбище V тысячелетия до н. э. на Оленьем острове в Онежском озере. Как на бляшках-сульде, на умершем шамане был головной убор, украшенный крупной скульптурной головой священной лосихи, а две, по-видимому, насильственно захороненные с шаманом женщины склонялись головами над ним точь-в-точь, как женолосихи склонялись над путешествующим шаманом на бляшках I тысячелетия н. э. Хронология нашего зондажа безупречна. Северные вышивки с лосями и оленями, с рогатыми рожаницами и «оленьцами» продлевают память о древнем культе оленей-лосей еще на тысячу лет.

Предложенную выше схему могут упрекнуть в том, что она основана на слишком различных, непохожих материалах, полученных от разных по языку, расе и историческим судьбам народов. Действительно, в нашем примере участвуют гуцулы, русские, карелы, югра, эвенки, нгансаны, селькупы, манси. Однако в этом кажущемся беспорядке все строго подчинено идее стадильности: отбиралось для анализа только то, что относилось к стадии охотничьего хозяйства того типа, который в основном опирался на охоту на оленей или лосей. Естественно, что у народов Сибири идеология охотничьей стадии сохранилась полнее и многообразнее, чем у русских или украинцев, давным-давно перешедшим к земледелию. Тем интереснее выявлять пережитки этой стадии и улавливать следы ее повсеместности в прошлом.

Самым трудным вопросом является степень осознанности древней мифологической традиции. Сибирский шаман XIX в. мог рассказать исследователю-этнографу о «путешествии» по трем мирам вселенной, а русские девушки, вышивавшие полотенца с лосями или свадебные подзоры с рогатыми рожаницами, хотя и сохраняли старые художественные образы, едва ли могли связно пересказать их содержание. Бессловесный язык народного изобразительного искусства оказался более памятливым, чем язык фольклора, и донес почти до наших дней те представления, которые возникли у первобытных охотников мезолита 7000 лет тому назад.

Карл Ф. Мейнандер

БИАРМЫ

Вопрос о том, кто такие легендарные биармы, относится к традиционному кругу проблем, выдвинутых историками прошлого века. Частично этот вопрос приобрел романтическую окраску особенно для финнов, которые пытались обнаружить в древненордических сагах о биармах отголоски воображаемого величия финно-угорской первобытной эпохи. Проблема биармов переплелась с изучением карельского племени, и поэтому финские исследователи упорно придерживались мысли, что биармы были карелами или по крайней мере их корни следует искать в ареале Ладожского озера.

Наши знания о биармах основываются почти исключительно на исландских сагах, рассказывающих о походах в прославленную страну биармов.¹ Древнейшие саги относятся к IX в., а более поздние к периоду, современником которого был скальд Снорре Стурлусон, т. е. к XIII в. Последнее путешествие в страну биармов произошло якобы в 1222 г. В это время саги уже были записаны и могут свидетельствовать о своем времени как исторически достоверные источники. Морские походы совершались всегда на север вдоль норвежского побережья и заканчивались в устье реки Северная Двина. Однако ясно, что истинная родина биармов располагалась не на Белом море.

Весьма важным является отчет Оттара (около 870 г.), который дошел до нас во всемирной истории короля Альфреда. Этот отчет с определенными подробностями имеет характер итинерария и вследствие этого может быть отнесен к устным, часто повторяемым и выученным наизусть описаниям важного водного пути.

История Дании — «Деяния Данов» (*Gesta Danorum*) Саксона Грамматика, написанная около 1200 г., свидетельствует о том, что биармы и их страна были и для южной Скандинавии известными понятиями. Однако страна биармов в описании Саксона находилась не на побережье Северного Ледовитого океана или где-то в области, связанной с Балтийским морем. В деталях Саксон недостоверен. Он знал исландские традиции, но его «История Данов» написана на много десятилетий раньше, чем были созданы важнейшие исландские произведения. Творение Саксона было известно в средние века и имело большое значение для понимания истории даже в XVIII в.; сегодня же значение этого источника оценивается не слишком высоко.

Норвежец А. В. Бруггер и финн А. М. Тальгрэн — единственные археологи, которые подошли более детально к вопросу о биармах с позиций археологии. Бруггер, опираясь только на норвежские материалы, истолковал предметы восточного облика на норвежском побережье как свидетельство норвежских торговых и грабительских походов в страну биармов. Тальгрэн же поставил себе целью во многих мелких статьях осветить все древности Арктики. Правда, ему не очень сопутствовал успех, так как находки в 1920-е годы были весьма незначительны. Во времена Тальгрэна было совершенно очевидно, что в районе Белого

¹ Ср.: Никитин А. Л. Биармия и Древняя Русь. — Вопросы истории, 1976, № 7.

моря, как и во всей Арктике, неизвестны археологические находки, которые могли бы соответствовать норвежским сагам. Тальгрэн сделал из этого единственно возможный вывод о том, что население, с которым норвежцы вступали в контакты, тоже иногда посещало Арктику и что саму страну биармов следует искать в более южных местностях.² Из бассейна нижнего и среднего течения Двины Тальгрэн мог привести важную находку у с. Воскресенского. Эта находка является указанием на то, какого типа предметы могут, возможно, считаться биармийскими.

По мнению Тальгрэна, существовали только две возможности для локализации страны биармов. Это была или теперешняя Пермь в верховьях Камы, или Приладожье. Поскольку в Перми не были обнаружены скандинавские находки, которые могли бы быть свидетельством посещения этих мест норвежцами, то Тальгрэн заключил, что страна биармов должна была находиться в Приладожье и, следовательно, биармы были карелами. При этом он имел в виду область юго-восточнее Ладоги и собственно Карельскую зону на северном побережье Ладожского озера. Большинство историков следовало за Тальгрэном, хотя и называли они население Приладожья то вепсами (весь),³ то водью.

При обсуждении того, что биармы идентичны карелам, почти совершенно не была использована группа археологических находок, которая в какой-то мере характеризует экономическую деятельность и политические взаимоотношения в Северной Европе упомянутого периода, а именно обнаруженные в Финляндии и северной Скандинавии так называемые пермские предметы. Число их невелико; но из года в год оно постепенно увеличивается.

Эти предметы, несмотря на их название, не все относятся к самой Перми, т. е. к бассейну нижней и средней Камы, а происходят и из среднего Поволжья. Я уверен, что наши советские коллеги знают все эти типы и могут указать место их происхождения. Я могу только заметить, что они обнаруживаются во всей субарктической зоне. Балтийскому миру они совершенно чужды. В восточной Прибалтике они почти совсем не известны, в средней Швеции они встречаются крайне редко; в больших могильниках и в кладах времени шведских викингов, где часто встречаются восточные вещи, «пермские» изделия полностью отсутствуют. В Финляндии, как и в шведской Лапландии и в северной Норвегии, они, напротив, представляют почти нормальное явление. Можно выделить следующие группы.

Довольно часто описываются пояса и обкладки поясов типа Ломоватовской культуры, центр находок которых располагается на Каме и в области Вятки. Отдельные обкладки были найдены в других районах. В Финляндии они обнаружены по меньшей мере в 13 случаях. Обкладки этих поясов встречены в следующих шести местах: Каавонтенкя, Питкясямки, Юлипяя, Мюнянумми, Кирмукарму и Пеппилянмякки. Речь идет о погребениях по обряду трупосожжения, но в последнем случае имеется в виду погребение с трупоположением, где сохранились остатки также кожаных поясов. Можно заметить, что обкладки расположены точно в таком же порядке, как на подлинных пермских поясах. Из этого ясно, что привозились целые пояса, а не их части. Все упомянутые предметы обнаружены в богатых мужских погребениях.

Эти пояса относятся ко времени около 700 г. Ранее существовало представление, что финские кушцы привозили их с собой домой. Однако более правдоподобным является противоположное мнение, а именно что принесло их с собой население, пришедшее с востока. Аналогичные

² Tallgren A. M. *Biarmia*. — ESA, Helsinki, 1931, VI.

³ Raudonikas W. J. *Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet*. Stockholm, 1930; Голубева Л. А. Археологические памятники веси на Белом озере. — СА, 1962, 3, с. 53 и сл.; Кочуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973.

поясные детали обнаружены в находках на территории юго-восточнее Ладоги, а один экземпляр даже в королевском кургане в Упсале в Швеции, что является доказательством высокой ценности этих поясов для тех, кто ими пользовался. Можно предположить, что они являлись магическим средством, которое либо оберегало того, кто его носил, либо наносило вред его врагам, или же, возможно, вызывало бурю или усмиряло ее. Все датированные находки являются более древними, чем время викингов.

Магическим средством служили, вероятно, и глиняные лапы. Для чего они использовались, мы, естественно, не знаем, но несомненно, что никакое рациональное использование их немислимо. Их изготавливали из глины, затем обжигали, и представляют они лапы медведя или бобра. По размеру они не больше человеческой руки, или несколько меньше, поэтому, скорее, представляют лапы бобра. Все финские глиняные лапы обнаружены на острове Аланд. Примечательно, что на Аландских островах нет и никогда не было ни медведей, ни бобров.

Глиняные лапы постоянно встречаются в курганах VIII—IX вв. на Аландских островах, которые в то время были густо заселены. Культура островов включала шведские элементы, правда с финской окраской. Следует особо подчеркнуть, что глиняные лапы встречаются в VIII в., т. е. до походов викингов. В Швеции найдена только одна такая лапа. В Финляндии, в Восточной Прибалтике и в Карелии они совершенно неизвестны.

Как известно, в могильниках Ярославского Поволжья прослеживаются почти идентичные глиняные лапы.⁴ Их, очевидно, обоснованно считают лапами бобров. В этой связи следует вспомнить, какое большое значение имела бобровая струя в древней медицине, и поэтому можно себе представить, что и глиняные лапы бобров имели то же ритуальное значение. В Ярославских могильниках обнаружены также и другие изделия из глины, неизвестные на Аландских островах, что является критерием для установления первенства ярославских лап.

То, что глиняные лапы обнаружены, с одной стороны, на Аландских островах, и с другой — в мерянских погребениях, с долей условности устанавливает наличие прямых контактов между обеими областями. Нельзя, однако, определить, какая из областей была более активной.

Следующая группа, которую необходимо учесть, состоит из украшений-подвесок, общим для которых является то, что они, вероятно, не имели практического применения и на своей родине, на востоке, использовались как цепочкодержатели. Технически они выполнены из крученых бронзовых нитей или являются подражением этой технике в литье.

В Финляндии найдено всего четыре круглых цепедержателя или фибулы этого рода. Они все своеобразны, но совершенно ясно, что происходят они из одной мастерской в Центральной России. Один экземпляр можно датировать VIII в., он найден в Ускеле. Другой, довольно грубо отлитый, обнаруженный в Тойве, на юге Восточной Прибалтики, относится к XI в. Многочисленные обломки также происходят из жертвенного места саамов в северной Швеции.

В вышеупомянутой Тойве обнаружены еще два других предмета восточного происхождения. Все три изделия выполнены в одной технике и отлиты из одинакового сплава. Они выполнены из бронзы, обильно содержащей цинк или свинец, которая обычно не встречается в финских находках. Эти три предмета были, вероятно, одновременно завезены и положены в могилу. Разделитель цепи из этой находки относится к группе с двумя разносмотрящими конскими головами, которые были и в более раннее время излюбленными изображениями в Финляндии (рис. 1). Экземпляр из Тойвы импортирован. Аналогичный экземпляр

⁴ Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 86 и сл.

был найден в Кухмо — северной Финляндии в нескольких стах километров от областей оседлого населения. Это касается также находки в Тойве, а также северошведских находок (Оверлулео, Мертреск, Унна Сайва).

К этой же основной группе относится цепедержатель из Вилусенхарью, недалеко от Тампере, который также украшен двумя конскими головами. Этот тип можно назвать типом «накладки замочной скважины», так как в нем всегда в середине имеется отверстие как бы для ключа. Упомянутый экземпляр, найденный в разрушенном погребении, относится к XI в. Совершенно идентичные экземпляры обнаружены в Гротреске (Швеция) и в Страндби (Северная Норвегия). В Советском Союзе они встречаются к востоку от Ладоги вплоть до Камы; где расположен центр распространения этих изделий, нам неизвестно.

Мы могли бы привести еще много так называемых пермских предметов, но назовем еще только треугольные цепедержатели из Каркку и Тойвы (рис. 1). Подобные имеются еще в арктических и субарктических районах Швеции и Норвегии. Древнейшие предметы этого рода относятся к III—IV вв. н. э. и восходят к Пьяноборской культуре. Этого рода предмет был найден в Карисе на юго-западе Финляндии. Более поздние предметы следует, очевидно, датировать XI в. (Суомуссалми). Подчеркнем, что эти предметы не выявлены на северном берегу Ладожского озера, а также не встречаются и в восточной Финляндии. В западной Финляндии они составляют группу, которая относится ко времени более древнему, чем период расцвета карельской культуры в XI—XIII вв.

Можно было бы утверждать, что эти «пермские» предметы появились в результате контактов двух соседних областей. Разумеется, они являются таковыми, но при этом следует заметить, что на востоке не обнаружено финских предметов. Контакты во всяком случае были односторонними, и это требует исторического объяснения. Мы представили модель, которую можно будет проверить как археологическими, так и историческими фактами и которая в свою очередь объяснит эти данные.

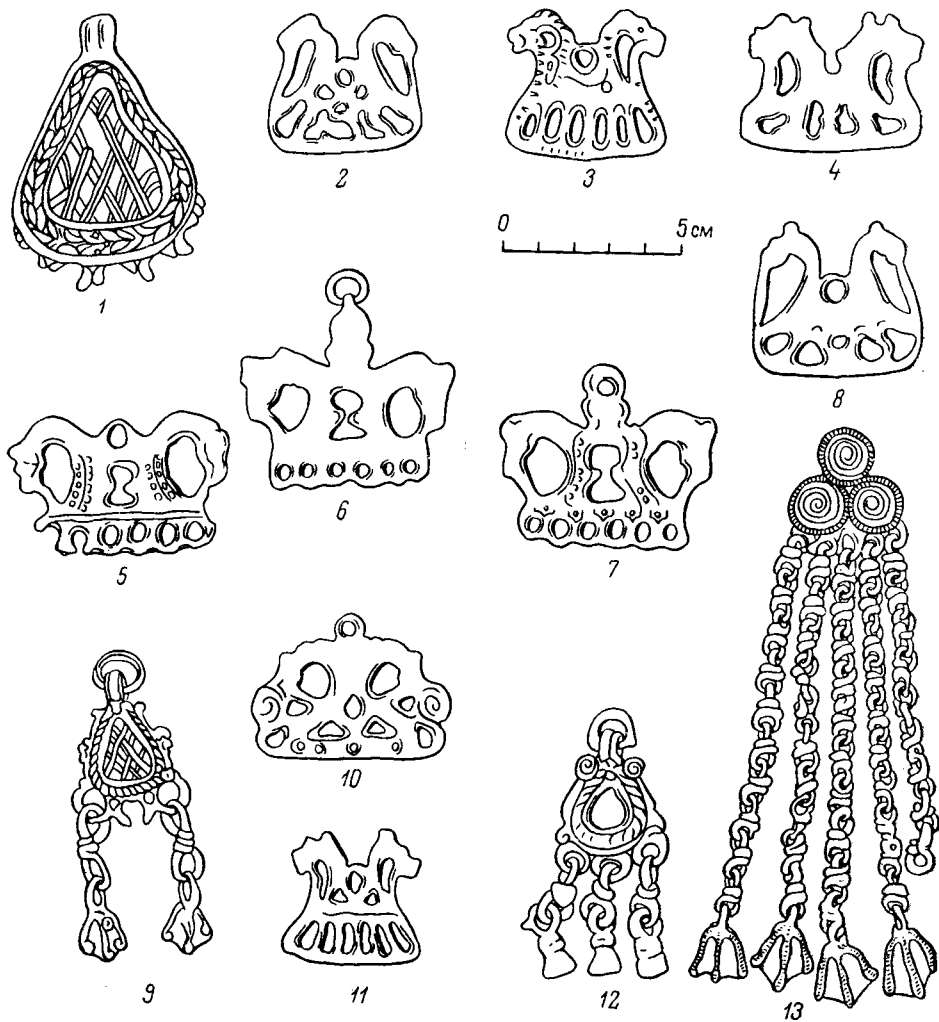
Такие финские археологи, как Альфред Хакман, считают, что «пермские» изделия являются доказательством деятельности финнов на востоке. Но это объяснение не может относиться к саамским находкам; они свидетельствуют о людях, родина которых была на востоке, которые пересекали северофинские и северононорвежские леса и оставляли восточноевропейские бронзовые украшения в качестве платежных средств. По-видимому, эти путешествующие купцы действовали активно и в юго-западной Финляндии.

Возникает вопрос, можно ли более точно установить родину этих людей. Нам известен восточноевропейский материал только по литературе, и поэтому мы не можем сказать, насколько точно можно определить места производства упомянутых типов вещей. Особая техника скручивания бронзовых нитей существовала на Средней Волге и на Нижней Каме.⁵ Оттуда происходят цепедержатели с изображением коней, в то время как глиняные лапы указывают на область у Ярославля. Деталью, значение которой мы не можем еще оценить, является то, что финские цепедержатели — такие же точно, как в Ярославской области, но в отличие от более восточных находок они лишены конских головок.

Очевидно, где-то в Восточной Европе, возможно на Средней Волге, находилась местность, где в течение столетий в период раннего средневековья активно поддерживались контакты с населением северо-западных территорий. Группы торговых людей или корабейников приходили с Волги и посещали селения партнеров на западе, т. е. в южной Финлян-

⁵ Материальная культура среднецининской мордвы VIII—XI вв. Саранск, 1969.

дии и в Лапландии, а также в промежуточных лесных областях. Мы можем только предполагать, что именно они покупали или захватывали в виде трофеев, но они приносили с собой бронзовые украшения, которые имели определенную цену при обмене. В финском языке имеется специальное слово для обозначения корабейников, бродячих торгов-

Зооморфные украшения и шумящие подвески (цепедержатели), найденные в Фенно-скандинавии.

1 — Тисфьорд (Норвегия); 2 — Оверлулео (Швеция); 3, 12 — Тойва (Финляндия); 4 — Хаухо (Финляндия); 5 — Страндби (Норвегия); 6 — Гротреск (Швеция); 7, 13 — Вилусенхарью (Финляндия); 8 — Мертреск (Швеция); 9 — Каркку (Финляндия); 10 — Калвола (Финляндия); 11 — Кухмо (Финляндия).

цев, а именно «перми» (permi), что фонетически хорошо соответствует скандинавскому слову «биарм» (bjarm). Эти понятия сопоставляются не впервые, но ранее, по-моему, кареловедение препятствовало правильному пониманию вопроса о биармах.

Тальгрэн также считал, что только одна область, где были обнаружены скандинавские находки, может рассматриваться как истинная страна биармов. Это утверждение, конечно, спорно, но благодаря карте В. С. Дедюхиной мы можем указать на три такие области: у Смоленска (Гнездово), в Приладожье и округе Ярославля.⁶ Смоленск исключается,

⁶ Дедюхина В. С. Фбулы скандинавского типа. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.

так как этот район не имел связей с Арктикой. Следует исключить и Приладожье. Карельские находки не обнаружены и в районе устья Двины. Норвежцам были известны карелы, и они называли их по-своему. На Средней Двине имеется по крайней мере значительная находка с «пермскими» предметами — это с. Воскресенское. В одном сообщении о поездке в Биармию в 1222 г. явственно называется Суздаль.

Выдвигаются следующие положения.

1. Страна биармов в норвежских сагах являлась конкретной областью с какой-то политической организацией. Страна биармов по Саксону Грамматику идентична этой стране.

2. Центральный район страны биармов находился на территории теперешнего Ярославля.

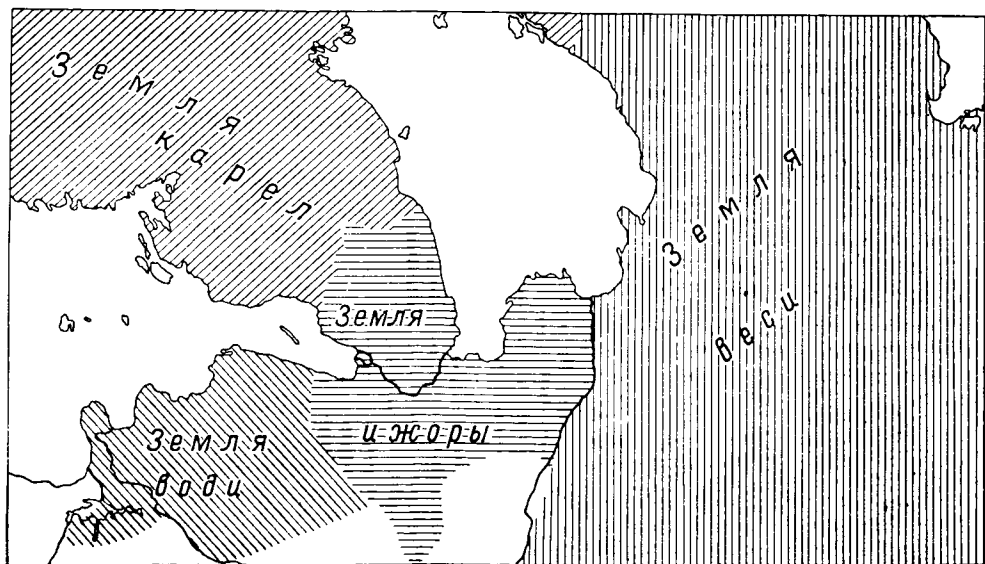
3. Из центрального района биармы совершали дальние путешествия к побережью Ледовитого океана и в северную Скандинавию — Финляндию.

4. Найденные в этой области так называемые «пермские» изделия являются наследием этой активности.

И. П. Шаскольский

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ПЛЕМЕН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ В СВЕТЕ ДАННЫХ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Тема нашего доклада — проблемы этногенеза и этнической истории четырех прибалтийско-финских племен — карел, ижоры, води, веси, живших на восточных берегах Финского залива, в Приладожье и Прионежье. Со времени возникновения Древнерусского государства эти четыре племени оказались под властью Древней Руси, под влиянием русской материальной и духовной культуры.

Карта племенных территорий карел, ижоры, води и веси. IX—XIII вв.

Племена эти жили целиком или в основном на территории, ныне входящей в пределы Ленинградской области. Здесь, в Ленинградской области, расположены в основном их археологические памятники.¹

Проблемы этногенеза и этнической истории карел, ижоры, води, веси были в последние десятилетия предметом исследований ряда советских и финляндских ученых. В настоящем докладе мы постараемся ответить на вопрос о степени изученности данных проблем для каждого из четырех племен, показать достигнутые успехи и возникшие перед учеными трудности. Мы отметим и то, что нам уже известно, и то, что для нас пока неясно, укажем, какие вопросы требуют дальнейшего изучения.

¹ В последние годы Областное отделение Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры провело обследование территории Ленинградской обл. Обследована уже почти вся область, выяснено, какие ранее известные археологические памятники сохранились до наших дней, обнаружено много ранее неизвестных памятников.

В основу доклада положены археологические материалы. Наша задача — показать, что могут дать такие материалы для изучения проблем этногенеза и этнической истории этих четырех прибалтийско-финских племен. Поскольку формирование этих племен происходило во времена, когда у них и их соседей еще не было письменности, исследование процесса их этногенеза может производиться только по данным археологии и языкознания.

Вначале мы покажем, что нам известно о территории каждого из четырех названных племен для периода XI—XIV вв. и о его археологических памятниках. То и другое взаимосвязано. Территория племени в большой степени определяется распространением находок культуры этого племени; но сама племенная принадлежность данной культуры устанавливается по данным одновременных или более поздних письменных источников и топонимики.

На прилагаемой карте показаны границы племенных территорий, реконструируемых по сведениям позднейших письменных источников, археологии, топонимики. Только тогда, когда определены материальная культура и территория племени для лучше всего известного нам периода XI—XIV вв., можно рассматривать вопрос о происхождении данного племени; в археологическом плане это вопрос о происхождении данной археологической культуры.

1. Карелы²

Говоря о происхождении карел, следует прежде всего учесть, что древнее карельское племя — карелы XII—XIV вв. — не равнозначны современному карельскому народу. Как установлено видным советским исследователем Д. В. Бубрихом,³ современный карельский народ сложился в результате длительного процесса этнического развития, приведшего к слиянию древнего племени карел и части древнего племени весь. Современные карелы в Карельской АССР в основном являются потомками веси. Здесь же речь пойдет о карельском племени новгородского времени.

Наиболее ярко и рельефно выступает племенная культура карел, известная нам по погребальным памятникам, исследованным видным финским археологом Т. Швиндтом в 80-е гг. XIX в. в окрестностях г. Кексгольма (ныне Приозерск), древнего племенного центра карельского племени.⁴ Здесь прослежен четкий и определенный погребальный обряд: грунтовые могилы без насыпей, без внешних признаков, погребение — в срубе из одного венца. Имелся определенный набор украшений для праздничной одежды, в которой хоронили женщину. Великолепно мастерство художественного ремесла (лучшие мастера художественного ремесла из всех прибалтийско-финских племен).

Отдельные находки произведений карельских мастеров со специфическим карельским орнаментом — фибулы, карельские ножи и др., найдены везде, где в XII—XIV вв. были карелы — на Карельском перешейке, в северной Карелии, в северной Финляндии, в северной Норвегии. Однако карельские могильники найдены только на Карельском перешейке и один могильник (Тууккала)⁵ — в области Саво в восточной Финляндии.

² Вопрос о происхождении карел был в июле 1976 г. темой занятий советско-финского семинара, проходившего в финляндском городе Йоенсуу. Там петрозаводским ученым А. С. Жербиным и мною был сделан большой доклад о проблеме происхождения карел по данным археологии и языкознания (Жербин А. С., Шаскольский И. П. Советская наука о происхождении карел. — В кн.: Происхождение Карелии. Йоенсуу, 1976, с. 19—40; в том же издании см. доклады Х. Киркинена, Г. А. Панкрушева).

³ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

⁴ Schwindt Th. Tietoja karjalan hautakaudesta. — SMYA, 1893, XIII.

⁵ Heikel A. Tuukkalan löytö. — SMYA, 1889, X.

Поразительно, что за 90 лет после раскопок Швиндта не было больше найдено ни одного могильника, ни одного погребального памятника. Поскольку могилы — без насыпей, найти их, как находят курганы или каменные могильники, невозможно; Швиндт все свои раскопки начинал там, где крестьяне во время земляных работ случайно наткнулись на погребения. Но ведь за 90 лет жизнь на Карельском перешейке продолжалась, земляные работы ведутся каждый год — и не было сделано больше ни одной находки погребальных памятников (только случайная находка клада в Рауту).⁶ За последние годы были проведены раскопки поселений (А. Н. Кирпичников, С. И. Кочкуркина и др.),⁷ были найдены некоторые новые места поселений. Но, разумеется, особенно важно найти могильники, этот наиболее ценный источник для этнической истории.

Сложнейшая задача, стоящая перед учеными, — проблема этногенеза карельского племени. Памятники карельской культуры начинаются с XII в. Что было ранее — совершенно неясно.

Финские археологи указывают, что для более раннего времени, для IX—XI вв., на Карельском перешейке известны памятники западно-финляндской культуры.⁸ Но памятники эти немногочисленны, невыразительны, не дают этнической картины.

А. М. Тальгрэн и В. И. Равдоникас выдвинули теорию, согласно которой карелы переселились на Карельский перешеек из юго-восточного Приладожья; эти авторы полагали, что карельская археологическая культура XII—XIV вв. развивалась из курганной культуры IX—XI вв. юго-восточного Приладожья.⁹ Теория эта неубедительна.¹⁰

Сходные концепции предложили на основе лингвистических материалов Д. В. Бубрих и на основе данных археологии — Э. Кивикоски. По мнению Бубриха, в южном Приладожье в конце I тысячелетия н. э. существовал смешанный этнический массив, названный автором «волхоской чудью»; часть этого населения осталась на месте, и из нее сформировалась весь, другая часть переселилась на Карельский перешеек; из нее сформировались (при слиянии с западнофинскими элементами) карелы.¹¹ Согласно гипотезе Э. Кивикоски, в Приладожье существовало на рубеже I и II тысячелетий н. э. некое однородное древнее население, из которого на западном берегу озера под западнофинским влиянием

⁶ Nordman C. A. Karelska järnåldersstudier. — SMYA, 1924, XXXIV, s. 69—92, 152—154.

⁷ Кирпичников А. Н., Петренко В. П. Исследование древнего Тиверского городка. — АО 1971 г. М., 1972, с. 40—41; Кочкуркина С. И., Федорова Г. Б. Тиверск. — Там же, с. 41—42; Кирпичников А. Н., Петренко В. П. Тиверский городок. — КСИИМК, 1974, № 139, с. 106—113; Кирпичников А. Н. Исследования древней Карелии и Ладужской крепости. — АО 1972 г. М., 1973, с. 17—18; Брыкина Н. А., Кочкуркина С. И., Сазонова О. И. Тиверск. — Там же, с. 10; Кирпичников А. Н. Раскопки в Ладужской крепости и в г. Приозерске. — АО 1973 г. М., 1974, с. 13—14; Назаренко В. А. Раскопки в Приозерске. — АО 1975 г. М., 1976, с. 30—31.

⁸ Nordman C. A. Op. cit., s. 100—141.

⁹ Tallgren A. M. Fornaker från Olonets på Historiska Museet i Helsingfors. — FM, 1916, XXIII, s. 35. Равдоникас В. И. 1) Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. М.—Л., 1934, с. 6—7, 25; 2) Археологические памятники западной части Карело-Финской ССР. — КСИИМК, 1940, VII, с. 17—18.

¹⁰ Археологические данные свидетельствуют о связях приладожской курганной культуры (особенно памятников, расположенных на Олонцеком перешейке) с культурой кексгольмских могильников, но этих данных недостаточно для утверждения о передвижении населения из юго-восточного Приладожья на Карельский перешеек (Кочкуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, с. 68).

¹¹ Бубрих Д. В. 1) Происхождение карельского народа, с. 23—26; 2) К вопросу об этнической принадлежности рунов «Калевалы». — В кн.: Труды юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 1950, с. 146.

сформировались карелы, на восточном берегу под влиянием местных культур — весь.¹²

Все эти концепции сходятся на предположении, что племя карел сложилось достаточно поздно — в XII в. Подобное предположение основано на датировке карельской (кексгольмской) археологической культуры, самые ранние памятники которой относятся к XII в. Но имеются веские аргументы в пользу того мнения, что карелы как этническая общность сформировались гораздо раньше.

1. Карельский язык — один из древнейших прибалтийско-финских языков; по данным языкознания он существует по крайней мере с I тысячелетия до н. э., а может быть — и со II тысячелетия до н. э.¹³ Язык не мог существовать без племени, которому он принадлежал. Если предполагать, что карельское племя сформировалось из жившего в Приладожье какого-то общего прибалтийско-финского этнического массива, у этого населения должен был быть другой язык.

2. Карельский эпос явно очень древний и создан в условиях первобытнообщинного строя, до начала его разложения в I тысячелетии н. э.¹⁴ Эпос не мог быть создан общим предком карел и веси — у вепсов не сохранилось эпических песен калевальского цикла.

3. В пользу большой древности карельского племени говорит и сам факт существования в XII—XIII вв. племени ижора. По своему языку (и по некоторым данным археологии) племя ижора прямо происходит от карел, было обособившейся, отделившейся частью карельского племени (см. ниже). Но для того чтобы в XII—XIII вв. от карел могла отдлиться и сформироваться в самостоятельное племя ижора, должно было уже тогда существовать прочно сформировавшееся карельское племя со своим языком и культурой, а для этого требовались столетия.

Где жили карелы в I тысячелетии н. э. (и в I тысячелетии до н. э.)? Где сложилось карельское племя с его языком и культурой? Это совершенно неясно. Если не на Карельском перешейке, то где же были карелы одно-полтора тысячелетия?

Мы все же думаем, что корни карел, решение проблемы происхождения карел археологам надо искать на Карельском перешейке, там их древняя родина. Некоторые данные археологии¹⁵ и эпоса говорят в пользу подобного мнения. Но этот вопрос может быть решен только на основании археологических исследований.

II. Ижора

По историческим данным XIII—XV вв. известно, что Ижорская земля (земля племени ижора) занимала территорию от современного города Стрельны на восток до южного побережья Ладожского озера, судя по некоторым археологическим данным — до левого берега р. Волхов (возможно, что Ладога первоначально была ижорским поселением); в состав Ижорской земли входили берега Невы и южная часть Карельского перешейка.¹⁶

¹² Kivikoski E. 1) Zur Herkunft der Karelier und ihrer Kultur. — AA, København. 1944, Bd XV, H. 1—2, S. 27; 2) Suomen esihistoria. Porvoo, 1961, s. 260—261.

¹³ Аристе П. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 15, 21—22.

¹⁴ Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса. I. М.—Л., 1957, с. 68—128; Куусинен О. В. «Калевала» — эпос карело-финского народа. — В кн.: Труды юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 1950, с. 11—16; Линевский А. М. Руны «Калевалы» как исторический источник. — Там же, с. 122—129 и др.

¹⁵ Кочкуркина С. И. Контакты населения северо-западного Приладожья с Эстонией и Финляндией в I—нач. II тыс. н. э. — В кн.: Скандинавский сборник, XXIII. Таллин, 1978, с. 137—139.

¹⁶ Правда, высказано мнение (Моора Х. А., Моора А. Х. Из этнической истории веди и ижоры. — В кн.: Из истории славяно-прибалтийско-финских отно-

Погребальные памятники ижоры нам плохо известны. Курганов на территории ижоры почти нет. Как установлено В. В. Седовым,¹⁷ в литературе и в архивах имеются сведения о десяти грунтовых могильниках в Ижорской земле, вероятно, принадлежащих ижоре. Но только два из них были частично раскопаны: могильник в Усть-Рудице (исследовался А. М. Раевской более 100 лет тому назад)¹⁸ и могильник в Гатчине (изучался В. И. Равдоникасом в 1932 г.).¹⁹ Оба могильника содержали немногочисленные и невыразительные археологические материалы. Были ли могильники ижорскими — нельзя утверждать, слишком мало в них было найдено вещей. В составе гатчинского могильника, кроме грунтовых могил, были и курганы, но В. И. Равдоникас почему-то их не стал исследовать, и они к настоящему времени не сохранились. Остальные 8 могильников не изучались, о них есть лишь случайные сведения.²⁰

Важнее находки «кладов», сделанные в первые десятилетия XX в. у ст. Пупышево, вблизи деревни Мишкино и в нескольких других местах.²¹ Вероятно, это нарушенные погребения. Там содержались важные находки, явно принадлежавшие ижоре.

Общий обзор археологических находок ижорской культуры дал в 1930-е гг. А. М. Тальгрэн.²² К сожалению, с тех пор наши сведения почти не пополнились, новых крупных находок не было. Известные нам находки позволяют приблизительно реконструировать этнический костюм ижоры. Основное украшение — овалыные фибулы, совершенно аналогичные карельским. Так и должно быть. Ведь ижорский язык — молодой, развивался из карельского языка, целиком происходит из этого языка.²³ Ижора — сравнительно молодое племя, отпочковавшееся на сравнительно позднем этапе от карел²⁴ — потому естественно, что племенной костюм должен быть сходен или идентичен карельскому. Но пока это гипотеза — слишком мало мы имеем данных.

Видимо, у ижор могильники, как и у карел, не имели внешних признаков, были бескурганые, грунтовые. Но все же для нас загадка — почему на территории ижорского племени так поразительно мало находок, не найдено ни поселений, ни погребений с этнически определенным инвентарем.

шений. Таллин, 1965, с. 63—90), что ижора с XI—XII вв. жила и далее на запад рядом с селениями води на территории этого племени к югу от Финского залива, где по сведениям XVII—XX вв. действительно жила рядом с водью часть народности ижора; однако переселение основной массы ижоры на территорию древней Водской земли произошло на каком-то позднем историческом этапе; для XI—XV вв. нет достоверных археологических или письменных сведений о проживании и ижоры, и води в Водской земле.

¹⁷ Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода. — СА, 1953, XVIII, с. 201—202.

¹⁸ Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XX. М., 1876, с. 31—33. — Правда, Усть-Рудица находится на древней территории води, принадлежность могильника ижоре не доказана.

¹⁹ Равдоникас В. И. Ижорский могильник в г. Красногвардейске. — ГАИМК, 1932, № 11—12, с. 24—31.

²⁰ Может быть, принадлежали ижоре группы курганов вблизи Сестрорецка, раскопанные в начале века Гамченко (Гамченко С. С. 1) Раскопки на побережье Финского залива. — ЗОРСА, 1909, т. VIII, вып. 2, с. 1—43; 2) Исследования Сестрорецких курганов в 1907 г. — Там же, с. 44—134; 3) Исследования Сестрорецких курганов в 1908 г. — Там же, 1913, т. IX, с. 63—162). Теоретически это ижорская территория. Но они были невыразительны и по обряду, и по инвентарю — из этого материала нельзя извлечь полезных сведений по нашей теме.

²¹ Отчет Археологической комиссии. СПб., 1904, с. 109; Raudonikas W. J. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, S. 27—29.

²² Tallgren A. M. 1) The Prehistory of Ingria. — ESA, Helsinki, 1938, XII, p. 79—108; 2) Inkerinmaan muinaisatuksesta. — In: Suomalainen Tiedeakatemia. Esitelmät ja pöytäkirjat 1937. Helsinki, 1938, s. 37—60.

²³ А р и с т е П. Указ. соч., с. 22.

²⁴ Ижорцы до сих пор сохранили в своем языке представление, что их предки были карелами — и сейчас ижорцы сами называют себя карелами (А р и с т е П. Указ. соч., с. 22; Ла а н е с т А. Ижорские диалекты. Таллин, 1966, с. 48).

На берегах Невы было обнаружено два клада²⁵ — значит, здесь были поселения. Нева — с IX в. важнейший торговый путь Восточной Европы, с XIII в. наличие населения на берегах Невы подтверждается письменными источниками. Берега Невы не могли быть пустыми; но археологических памятников там не обнаружено. Поселения, грунтовые могильники могут быть найдены скорее всего случайно при земляных работах. Но ведь на территории Петербурга—Ленинграда и в его ближайших окрестностях более 270 лет постоянно велись и ведутся разного рода земляные работы — и почти никаких находок.

Видимо, ученые еще не научились искать ижорские памятники. Проблема происхождения ижоры теоретически должна решаться проще, чем проблема происхождения карел, — ижора произошла явно из недр карельского племени. В первом тысячелетии н. э. ижоры могло еще не быть. Но, почти не зная материальную культуру ижоры XI—XIV вв., трудно изучать процесс происхождения этой культуры. К тому же находок, относящихся к I тысячелетию н. э., на территории Ижорской земли почти не было. Во всяком случае, археология Ижорской земли в I тысячелетии н. э., археология территории Ленинграда и его ближайших окрестностей в I тысячелетии н. э. и в I тысячелетии до н. э. — белое пятно на археологической карте.

III. Водь

Археологические памятники Водской земли известны лучше и изучались больше.

В конце прошлого века Л. К. Ивановским были произведены раскопки. Это были грандиозные по масштабам работы. Было раскопано почти 6 тысяч курганов, но без полевой фиксации.²⁶ Исследования велись и советскими археологами (В. В. Седов, Е. А. Рябинин).²⁷ Последний провел сплошное обследование археологических памятников, сохранившихся на территории Водской земли.

Территория воды точно ограничена с запада р. Наровой, с востока рекой Стрелкой у современного города Стрельна. Племя было хотя и не очень большое, но сильное, уже в XI в. прочно сформировавшееся (упоминания в летописи под 1069 г.).²⁸

По лингвистическим данным водь произошла от северных эстов, водский язык прямо произошел из северно-эстонского диалекта, в водском языке сохранились многие архаические черты, уже исчезнувшие в эстонском языке.²⁹ Видимо, или предки воды переселились из Северной Эстонии через реку Нарову, или же жили там же, где теперь, но отделились от эстов, выделившись в отдельное племя.

Однако в нашем распоряжении еще слишком мало археологических материалов I и рубежа II тысячелетия н. э. из Водской земли. Проблема происхождения воды и ее культуры требует более углубленного изучения.

Набор типичных вещей, принадлежавших воде XIII—XIV вв., определен в работе В. В. Седова.³⁰ Но нет ясности в вопросе о характере погребального обряда.³¹ Курганы в Водской земле, надо полагать, все же

²⁵ Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб., 1903, с. 4.

²⁶ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб., 1896.

²⁷ Седов В. В. Указ. соч.; Рябинин Е. А. Археологические памятники Водской земли. — СА, 1976, № 1, с. 211—219.

²⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 17.

²⁹ Аристе П. А. 1) Формирование прибалтийско-финских языков..., с. 20—21; 2) Происхождение водского языка. — Уч. зап. Тартуского университета. Филол. науки. 4. 1947, с. 38—47.

³⁰ Седов В. В. Указ. соч., с. 193—199.

³¹ Там же, с. 200.

главным образом должны быть водскими. Но характер погребального обряда в курганах надо изучать, видимо, заново. Нужны новые полевые исследования.

В литературе (В. В. Седов, Е. А. Рябинин) главное внимание обращено на влияние на водь славянской материальной и духовной культуры. Водь в XI—XIV вв. воспринимала славянскую культуру, сохраняя свой язык, свой этнос.

IV. Вель

Долгое время в русской науке господствовало мнение, что упоминавшееся в летописи в IX—XI вв. племя вель, так же как и меря, исчезло, растворившись в течение последующих веков среди славян. В советское время было, однако, доказано, что небольшой современный прибалтийско-финский народ вепсы, живущий отдельными группами к югу от Свири и Онежского озера, — потомки древней веси; было также доказано, что значительная часть современного карельского народа — тоже потомки древней веси.³²

Только в советское время была изучена в общих чертах история вепсов с IX до XX вв. Вепский народ жил очень тихо, незаметно, процесс его этнического развития шел замедленными темпами. Вепская земля в значительной мере была ареной славянской колонизации. Позднее вепсы жили вперемешку со славянами — видимо, были рассеяны по большой территории, не сохранили представления об этническом единстве, не имели даже самоназвания.

Очень важную роль в изучении веси сыграло исследование топонимики (Н. И. Богданов, А. И. Попов).³³ Установлено, что вепская топонимика распространена по обеим берегам Свири и от юго-восточного Приладожья до Белого озера. В области между Ладожским, Онежским и Белым озерами до сих пор живут небольшие еще сохранившиеся группы вепского народа. Но проблема территории древней веси еще не вполне решена. Есть даже гипотеза — на основе топонимики, — что территория веси распространялась в древности на север до восточного побережья Белого моря, до района Подвинья, что «Заволоцкая чудь» Нестора — это вель.³⁴ Есть некоторые археологические данные в пользу этой гипотезы. Северо-восточная и восточная границы веси еще неясны и требуют изучения.

Западная граница — яснее; видимо, территория веси доходила до Волхова; может быть, Ладога была первоначально вепским селением. На юго-западе, возможно, когда-то вепская земля доходила до Ильменя. До прихода славян вель могла быть населением, жившим к востоку от Волхова.

Археологические памятники веси, особенно курганы юго-восточного Приладожья, изучались многими учеными. Курганы эти некоторыми учеными приписывались и до сих пор приписываются норманнам. В. И. Равдоникас доказал их местный, прибалтийско-финский характер, но он их относил сначала к веси, затем к протокарелам. В послевоенные годы у нас утвердилось мнение, что курганы юго-восточного Приладожья принадлежали веси;³⁵ в пользу этого говорит и топонимика.

³² Подробнее см.: Пименов В. В. Вепсы. М.—Л., 1965.

³³ Богданов Н. И. К истории вепсов. — Известия Карело-Финского филиала АН СССР, 1951, № 2, с. 27—31; Попов А. И. Топонимика Белозерского края. — Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковедч. наук, вып. 2, 1948, с. 166—174.

³⁴ Пименов В. В. Указ. соч., с. 117—170, 189—193; Попов А. И. Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимики СССР. — В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания. М.—Л., 1964, с. 206.

³⁵ Пименов В. В. Этническая принадлежность курганов Юго-Восточного Приладожья. — СА, 1964, № 1, с. 88—98; там же ссылки на предшествующую литературу.

Изучались и археологические памятники Белоозера, найденного археологами древнего города, и всей Белозерской земли, а также территории от Белого озера до Приладожья. Вышли две монографии об археологических памятниках веси — С. И. Кочкуркиной³⁶ и Л. А. Голубевой;³⁷ опубликована книга В. В. Пименова об этнической истории вепсов,³⁸ ряд статей Н. В. Тухтиной.³⁹

В монографии Голубевой состояние изучения проблемы представляется слишком благополучным. Автор говорит о прослеживаемом единстве вепской культуры на всех изученных территориях.⁴⁰ Это мнение вызывает решительные возражения. На самом деле памятники Приладожья и Белозерья имеют сильные различия. Погребальный обряд приладожских курганов очень яркий и своеобразный (погребения у очага, висящий на цепи котел, лопатки, сковороды);⁴¹ именно на этом материале В. И. Равдоникас выдвинул в 1930-е гг. тезис о значении погребального обряда как важнейшего этнического признака. Но ведь этого обряда нет на остальных территориях веси — там обряд другой, он имеет заметные отличительные черты. Если б не топонимика и не современное расселение вепсов, погребальные памятники Приладожья и Белозерья вполне можно было бы приписать разным племенам.

Думается, не нужно в исследованиях пытаться сглаживать существующие трудности, а следует прямо о них говорить. Некоторые трудности, может быть, в обозримом будущем и не удастся преодолеть.

Огромную трудность представляет для нас проблема этногенеза веси, т. е. какова была этническая история веси в I тысячелетии. Хорошо, что Л. А. Голубева посвятила этому вопросу отдельную статью.⁴² Но до решения проблемы еще очень далеко.

Вепский язык — один из древнейших прибалтийско-финских языков; он уходит своими корнями в I тысячелетие до н. э.⁴³ По данным языкознания весь отделилась от общего ствола прибалтийско-финских племен еще в I тысячелетии до н. э. Возможно, что весь пришла на свою территорию с запада, из восточной Прибалтики. Но это никак еще не доказывается археологическим материалом. Изучение этнической истории веси в археологическом плане — задача более трудная, чем изучение истории других трех упомянутых народов, ибо следы веси распространены на значительно большую территорию, чем Водская и Ижорская земли.

Мы стремились показать состояние данной проблематики, наши успехи и трудности, то, что нам уже известно, и те сложные проблемы (их гораздо больше), которые ждут еще своего решения.

³⁶ Кочкуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв.

³⁷ Голубева Л. А. Веси и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973.

³⁸ Пименов В. В. Вепсы.

³⁹ Тухтина Н. В. 1) Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X—XII вв. — Труды ГИМ, 1966, вып. 40, с. 120—140; 2) Этническая принадлежность погребенных в курганах юго-восточного Приладожья. — В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 162—181 и др.

⁴⁰ Голубева Л. А. 1) Веси и славяне..., с. 17, 194; 2) К проблеме этногенеза веси. — В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 146.

⁴¹ Назаренко В. А. О погребальном ритуале приладожских курганов с очагами. — КСИА, 1974, вып. 140, с. 39—45.

⁴² Голубева Л. А. К проблеме этногенеза веси, с. 142—146.

⁴³ Аристе П. А. Формирование прибалтийско-финских языков, с. 14—15.

Аарни Эря-Эско

СЛАВЯНО-КАРЕЛЬСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В IX—XIII ВВ.

В исследованиях прошлого века было выдвинуто предположение об относительном единстве области расселения карел в период предыстории и о том, что миграция карельского племени в Финляндию, происходившая, видимо, в VII в., шла из Приладожья.

В эпоху национального романтизма Карелия рассматривалась в качестве прародины всей финской культуры. Однако за последнее столетие научные взгляды существенно изменились.

Прежде чем перейти к рассмотрению предыстории Карелии, необходимо вкратце изложить данные о ранней истории этой территории и объяснить значение употребляемой мной терминологии, а также указать географические границы изучаемой области. Речь идет о средневековой латинской *Caе*, шведской *Kae* и исторической области Финляндии. Нам придется привлечь для изучения более обширную территорию, чем та, на которой проживают карелы. В настоящее время Карелия является составной частью СССР (Карельская АССР) и Финляндии (юго-восточная часть страны).

В русских хрониках название «карелы» впервые упоминается в 1143 г. в связи с межплеменными столкновениями между карелами и живущими западнее тавастами. В это время, после исчезновения колоний викингов с южного побережья Ладоги, карелы уже были тесно связаны с новгородской сферой торговли. Известно, что карелы в 1187 г. в составе новгородского войска совершили поход в западную Финляндию и даже в Швецию, где уничтожили город Сигтуну. Хотя ладожские карелы и выступали в качестве союзников Новгорода, они еще в XIII в., когда ярл Биргер прибыл с запада для того, чтобы обратить их в католическую веру, жили как свободный народ.

Позднее отношения, опиравшиеся на военный союз между русскими и карелами, превратились в подданство, и в 1278 г. Новгород укрепил свою власть в Карелии. Влияние православной миссионерской деятельности, очевидно, распространилось и западнее, так как, несмотря на последующую победу Римской церкви на этой территории, в финском языке еще в ранний период укоренился ряд славянских слов, связанных с христианством (например, *risti* 'крест', *rappi* 'поп', *ракапа* 'поганый' и *гаамату* 'грамота'). Экспансионистское стремление Швеции на востоке, включающее, например, распространение римско-католической веры в Карелии и строительство Выборгской крепости, вызвали усиление власти новгородцев в этой области в такой степени, что карелы в 1314 г. пытались освободиться от этой зависимости, заручившись союзом со шведами. Однако эта попытка оказалась неудачной и по окончании войны по Ореховскому мирному договору в 1323 г. Карелия была разделена на две части. Каждая из них в течение почти пяти веков развивалась самостоятельно: центром шведской части стал Выборг, где торговля Ганзы получила свои права в 1403 г. В этой области усилилась римско-католическая вера. Новгород в свою очередь распространял православную веру в своей части Карелии с помощью основанных около 1329 г. Валаамского и в 1392 г. Коневецкого монастырей.

Рассматривая историю населения Карелии, нельзя не упомянуть переселения части карел, начавшегося в XVII в. и шедшего главным образом из Кексгольмской провинции (окрестностей летописной Корелы) в западную часть Поморья, Олонец, Тверь, Новгород и в ряд центральных областей России. Несмотря на небольшую территорию, Карелия на протяжении веков была крайне неоднородной по составу населения. Причиной этого являются различия в историческом развитии ее частей, а также, очевидно, неоднородное происхождение населения. Исключительно важной и в то же время очень интересной является предыстория Карелии, которая изучалась многими исследователями, но работа по исследованию которой еще не закончена.

Некоторые карты (например, карта распространения древних крепостей Финляндии, овальных кресал и, конечно, карты расселения карел) дают предварительное представление о многозначности ранних этапов развития Карелии. Однако эта картина не совсем надежная, и вышеупомянутые карты показывают только распространение элементов материальной культуры, которая главным образом распространялась из западной Финляндии в сторону Ладоги. Об изменениях в самом заселении эти карты почти ничего не говорят. Основания для такого утверждения можно найти, например, в карте распространения культуры бронзового века, ясно указывающей на существование населения на западном побережье Ладоги, которое имело связи как с востоком, так и с западом. Также среди материяла, полученного при раскопках поселений на западном побережье Ладоги, обнаружено много эппеолитической керамики, которая найдена почти на всей территории Финляндии, а за последние годы в особенности в северной Финляндии. Эта керамика относится к коренному населению саамского происхождения периода раннего железного века. Судя по этому, Карелия вряд ли была ненаселенной в VIII в., как можно предполагать на основании карт распространения изделий железного века Финляндии.

Предположение о массовом переселении с запада, относящегося к этому времени, также не является полностью доказанным. Элла Кивикоски в работе 1958 г., касаясь вопроса о западнофинляндском компоненте в Карелии, писала: «Возникновение процветающей сферы культурного влияния на юго-восточном побережье Ладоги в начале эпохи викингов нужно объяснить в свете условий, созданных походами и торговлей викингов. Только тогда население там усвоило подлинную металлическую культуру и стало археологически уловимым. Что-то подобное, очевидно, произошло также севернее и западнее от Ладоги. Невероятным кажется предположение, что процветающая и своеобразная культура Карелии эпохи крестовых походов создана единственно населением западнофинляндского происхождения».¹

Могильный инвентарь XII и XIII вв. в Карелии имеет целый ряд самобытных форм, свидетельствующих о самостоятельности и высоком уровне культуры. Можно лишь упомянуть продолговатые выпуклые фибулы, цепочки, подковообразные пряжки и серебряные спиральки. Эта культура обладала значительной силой экспансии не только по отношению к внутренним частям Финляндии, но и к востоку и юго-востоку от Карелии. Влияние на нее оказывали, в особенности вначале, западная Финляндия и Готланд, а позднее во все большей степени Новгород, из которого в виде наглядных доказательств влияния православной церкви поступали такие церковные предметы, как украшения, снабженные изображениями святых и крестами. Раннее распространение славянской культуры на север и запад можно установить не только по предметам славянского происхождения и церковным украшениям, но и по орудиям

¹ Kivikoski E. Suomen rautakausi. Eripainos teoksesta. — Oma Maa. Porvoo, 1958, IV.

труда. Это доказал Кустаа Вилкуна в 1934 г. на лингвистических и археологических основаниях.² Согласно Вилкуна, так называемый восточнофинляндский серп, который в отличие от западнофинляндского рубящего орудия является режущим орудием, возник в Карелии XI—XII вв., откуда он стал распространяться на запад и север. Карелы переняли этот новый тип серпа от новгородцев.

О карельской керамике Кивикоски без комментариев упоминает, что она в эпоху крестовых походов изготовлялась на гончарном круге, была плоскодонной и часто украшалась волнообразными линиями. Если это и не славянская керамика, то она, по-видимому, все же развивалась под сильным славянским влиянием.

Роль походов викингов в качестве стимулятора культурного развития карел обычно подчеркивалась в излишней степени, хотя наличие викингов на так называемом «Восточном пути» несомненно имело большое значение. Передвижение самих новгородцев, очевидно, также было оживленным, систематическим и еще до XII в. охватывало большие расстояния. Места остановок новгородцев, как установили историки и лингвисты, находились как в Турку в Финляндии, так и в Висби и, очевидно, в Сигтуне. Еще несколько десятилетий тому назад было высказано предположение, что название самого древнего города Финляндии Турку, очевидно, происходит от древнерусского слова «торгъ», которое означало место торговли.

В свете вышеизложенного автор считает, что походы викингов в сущности не повлияли на возникновение карельской культуры. Скорее всего культуры викингов и карелов являлись параллельными явлениями, последняя же возникла на основе высокоразвитой культуры Новгорода Великого. Отличие состоит в том, что карельская культура была создана поселившимся на постоянное жительство земледельческим населением, и что она вблизи Ладоги сохранилась более прочно, чем колонии викингов. Иначе говоря, в подъеме карельской культуры в IX—XIII вв. первостепенную роль играла расширяющаяся сфера власти Новгорода и начинающееся формирование Русского государства. Это объяснение кажется естественным в связи с изучением карт заселения IX—XI вв., включающих и области, находящиеся к югу от Карелии.

² Vilkuна K. Zur Geschichte der finnischen Sicheln.—SMYA, Helsinki, 1934, XL.

А. Н. Кирпичников

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕЙ КОРЕЛЫ («КОРЕЛЬСКИЙ ГОРОД» XIV В.)

I

Корела (ныне г. Приозерск Ленинградской обл.) являлась самым северо-западным городом Новгородской земли. Отмеченное имя закрепилось за городом в московское время, а в новгородское он именовался «Корельским городом» или городком. Предполагают, что первоначальным названием поселения или становища на Вуоксе было карельское Кякисальми или Кекисальми, что в переводе означает Кукушкин пролив. Производным от него явилось шведское Кекесхольм или Кексгольм — буквально остров Кекес. Все три разноязычных наименования зафиксированы источниками и в ходе переменчивых обстоятельств использовались как официальные, что отражало в свою очередь беспокойную судьбу самого населенного пункта. В русской истории Корела выступает и как форпост, обороняющий самые северо-западные рубежи страны от шведской экспансии в XIV—начале XVII вв., и как самостоятельный культурный и экономический центр на финноязычной окраине Руси.

История города на р. Вуоксе (древнерусск. Узерве) изучена неравномерно. Древнейшее прошлое Корелы освещено летописными источниками. Однако не они, а сведения, связанные со шведской оккупацией города в 1580—1597 и 1611—1710 гг., главным образом привлекали исследователей. В 1898 г. финский археолог Т. Швиндт выпустил книгу, посвященную укреплениям и постройкам Корелы—Кексгольма последней четверти XVI—XVII в.¹ В этом издании с большой обстоятельностью опубликованы документы шведского строительства в Кексгольме. Следует отметить капитальную монографию о истории Кякисальми, написанную финскими историками и изданную в 1958 г.² К чести авторов этого труда, в ней отсутствуют некоторые националистические преувеличения, одно время подогревавшиеся финской буржуазной историографией и связанные с утверждением вековечного финского характера города и его культуры.

Целостного труда о Кореле, равноценного финскому, у нас пока не создано.³ Однако в советской исторической литературе рассмотрены некоторые узловые моменты истории средневековой Корелы, связанные с ее новгородским периодом,⁴ укреплениями в XIV и XVII вв.,⁵ эконо-

¹ Schwindt Th. Käkisalmen pesälinan ja entisen linnoitetun kaupungin. Analecta archaeologica Fennica II: 2. Helsingissä, 1898.

² Кууйо Е., Ругамо Е., Сарканен J. Käkisamen historia. Lahti, 1958. — Раздел о средневековом периоде города написан проф. Э. Кууйо. Благодаря этого исследователя за помощь в данной работе и присылку редкой литературы и архивных чертежей.

³ Ср.: Громов В. И., Шаскольский И. П. Приозерск. Л., 1976.

⁴ Гадзяцкий С. Карелы и Карелия в Новгородское время. Петрозаводск, 1941, с. 97 и сл.; Шаскольский И. П. Политические отношения Новгорода и карел в XII—XIV вв. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 10. Новгород, 1961, с. 117.

⁵ Косточкин В. В., Драги А. А. Костер посадника Якова в Кореле. — Памятники культуры, вып. 4. М.—Л., 1963, с. 5—18; Кальюнди Е. А., Кирпичников А. Н. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 году. — Скандинавский сборник, XX, Таллин, 1975, с. 77.

мическим значением в XVI в.,⁶ обороной в русско-шведских войнах XVI—XVII вв.⁷ Внимание к Кореле—Кексгольму XVI—XVII вв. стимулировалось обилием письменных источников. Что касается первых веков существования города на Вуоксе, то здесь представления ученых, как правило, не шли дальше летописных известий. За пределами этих известий между тем существует много «темных мест». К ним относится вопрос о происхождении и первоначальном облике города.

Неясным представляется строительная биография города. Почти ничего достоверного не было известно о материальной культуре Корелы, равно как и о ее первоначальных постройках и роли как областного центра и новгородского пригорода. Факты письменной истории Корелы давно требовали археологического дополнения.

Первые археологические раскопки детинца Корелы были произведены в 1891 г. Т. Швиндтом, но их результаты, видимо, не вдохновили исследователя и не были опубликованы. Известно только, что во время раскопок были найдены части оружия, бытовой утвари, черепки посуды. О датировке предметов ученый сообщил лишь, что они «разного времени, в том числе и периода варварства».⁸ В дальнейшем находки были частично отнесены к XII в.,⁹ что породило легенду о возникновении Корелы по времени раньше появления первых письменных известий о ней. Знакомство с неопубликованным описанием находок, хранящихся в Национальном музее Финляндии, убедило нас в том, что среди найденных в 1891 г. вещей, видимо, нет относящихся к XII—XIII вв.¹⁰ Добытый археологический материал относится и XIV—XVIII вв., что подтверждено и нашими раскопками последних лет. Далее. В печать попали сведения о том, что в 1948 г. на территории Старой крепости Приозерска обнаружено несколько лепных черепков глиняной посуды, сделанной приблизительно в X в.¹¹ Руководитель обследования 1948 г. Н. Н. Гурина, однако, не подтвердила приписанное ей открытие. Таким образом, первые раскопки Корелы оказались явно недостаточными, чтобы удревнить дату ее возникновения, но они побудили к дальнейшим исследованиям.

Планомерные археологические изыскания древней Корелы были приняты в 1972—1973 и 1975—1976 гг. и ставили целью раскрыть, насколько это возможно, этнокультурную и строительную биографию этого поселения. Эти работы проводились археологической экспедицией ЛОИА АН СССР¹² и затронули детинец древней Корелы (ныне занятый историко-краеведческим музеем, рис. 1) и посад — некогда Спасский остров (ныне санаторий Ленинградского военного округа). Оба названных района до 1857 г. (когда произошло понижение уровня Вуоксы)¹³ представляли острова, отделенные от суши 60—290-метровыми по ширине водными протоками. Настоящая работа посвящена древностям детинца древней Корелы.¹⁴ В рассматриваемое время этот детинец и представлял первоначальное городское поселение, лишь с XV в. дополненное посадом.

⁶ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961, с. 131—132.

⁷ Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.

⁸ Schwindt Th. Käkisalmen..., S. 119.

⁹ Rinne J. Suomen karjalan vanhat linnat. Karjalan kirja. Porvoo—Helsinki, 1932, S. 267.

¹⁰ Описание любезно прислано проф. Э. Кууйо. Из него явствует, что раскопки происходили в центре крепостного двора, на месте фундамента кордегардии, построенной в 1780 г.

¹¹ Громов В. И., Потемкин Л. П., Шаскольский И. П. Приозерск. Л., 1963, с. 6—7.

¹² Экспедиция работала при участии Управления культуры Леноблсполкома и института ЛГУ.

¹³ Ныне рельеф города изменился, и эти острова фактически слились с сушей.

¹⁴ Крепостные сооружения города XIV в. рассмотрены: Кирпичников А. Н. Башня посадника Якова в средневековой Кореле. — Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 352—358.

В 1270-х гг. в летописях начинает упоминаться Корельская земля.¹⁵ В это время она входила в состав Новгородских владений. Отношения с иноязычными окраинами Новгород, как установлено, строил на началах широкой автономии. Русские военные гарнизоны и фактории в этих районах отсутствовали, сохранялись обычаи и уклад местной жизни. Финские племена водь, ижора и сильнейшая среди них корела платили дань и в качестве федератов входили в состав новгородского войска. Военные обстоятельства конца XIII в. нарушили этот распорядок, так как потребовали непосредственного вмешательства русской военной силы и укрепления северо-западной границы. Начиная с 1283 г. шведы развернули наступление на районы, прилегающие к Неве и Ладожскому озеру, «хотяще на кореле дань взяти».¹⁶ После основания в 1293 г. Выборга новгородским руководителям стало ясно, что противник преследует стратегические цели отторжения пограничных территорий. В 1295 г. шведский отряд проник к устью Вуоксы и «поставиша свейские немцы город в Кореле».¹⁷ Реакция новгородцев была быстрой. В тот же год шведский острожек был взят и «город разгребоша».¹⁸ Несколько иначе сообщает об этом событии составленная в 1320—1335 гг. шведская хроника Эрика. «Кексгольм (Kekes-holm), — рассказывает хронист, — был тогда взят христианами и уцелел от огня; много язычников было там побито и застрелено в тот самый день, а тех, что взяли в плен, они (шведы, — *А. К.*) увели в Выборг». Торжество победителей было недолгим. Подошли русские отряды и после 6-дневной осады перебили почти всех шведов во главе с их воеводой. «После этого островом тем владели русские и сильно укрепили его и посадили там мудрых и храбрых мужей, чтобы христиане не приближались к этому месту».¹⁹

Сопоставим приведенные разноречивые источники. По русской версии шведы впервые основали крепостцу в нижнем течении р. Вуоксы, по шведской — Кексгольм существовал до них. Исследователи отдают предпочтение шведскому известию и считают, что в хронике Эрика речь идет о карельском поселении, где не было русского гарнизона и которое возникло задолго до 1295 г.²⁰ Здесь следует заметить, что в довольно подробных летописных записях, касающихся набегов шведов на Приладожскую Карелию, например, в 1284 и 1292 гг.,²¹ нет и намек на существование карельского городка на Вуоксе, равно как и на территории всей Приладожской Карелии. Поэтому возможно, что под языческим Кексгольмом 1295 г. имелся в виду расположенный на острове временный военный лагерь — пункт сбора ратников и убежище. Кстати сказать, случай использования острова (в истоке Невы) для укрытия и русской рати летопись отмечает под 1228 г.²²

Местоположение Кексгольма 1295 г. до сих пор оставалось гадательным. Его помещали там, где в дальнейшем обосновался Корельский городок (будущий детинец Корелы), а также на Скалистом острове (Кал-

¹⁵ В тот период эта земля включала северное Приладожье и Карельский перешеек.

¹⁶ Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. М.—Л., 1950, с. 325.

¹⁷ Софийская I летопись. — ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, с. 202.

¹⁸ Этой победе придали общегосударственное значение. «По сему завету, что бог пособил новгородцем немцев побить и город Корелу разграбить» в 1296 г. в Новгороде была сооружена церковь Воскресения (Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 210).

¹⁹ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 112.

²⁰ Гадзяцкий С. Карелы. . . , с. 97 и 130; Шаскольский И. П. Политические отношения. . . , с. 135.

²¹ Новгородская первая летопись, с. 325 и 327.

²² Там же, с. 65.

лиосари) и на одном из островков устья реки Вуоксы.²³ Раскопки на месте Корельского городка (об этом ниже) не обнаружили материалов и построек конца XIII в. На Скалистом острове вообще нет и не было культурного слоя. Не случайно в одном источнике 1568 г. он поименован Мертвяч-островом.²⁴ В течение всего средневековья эта часть суши

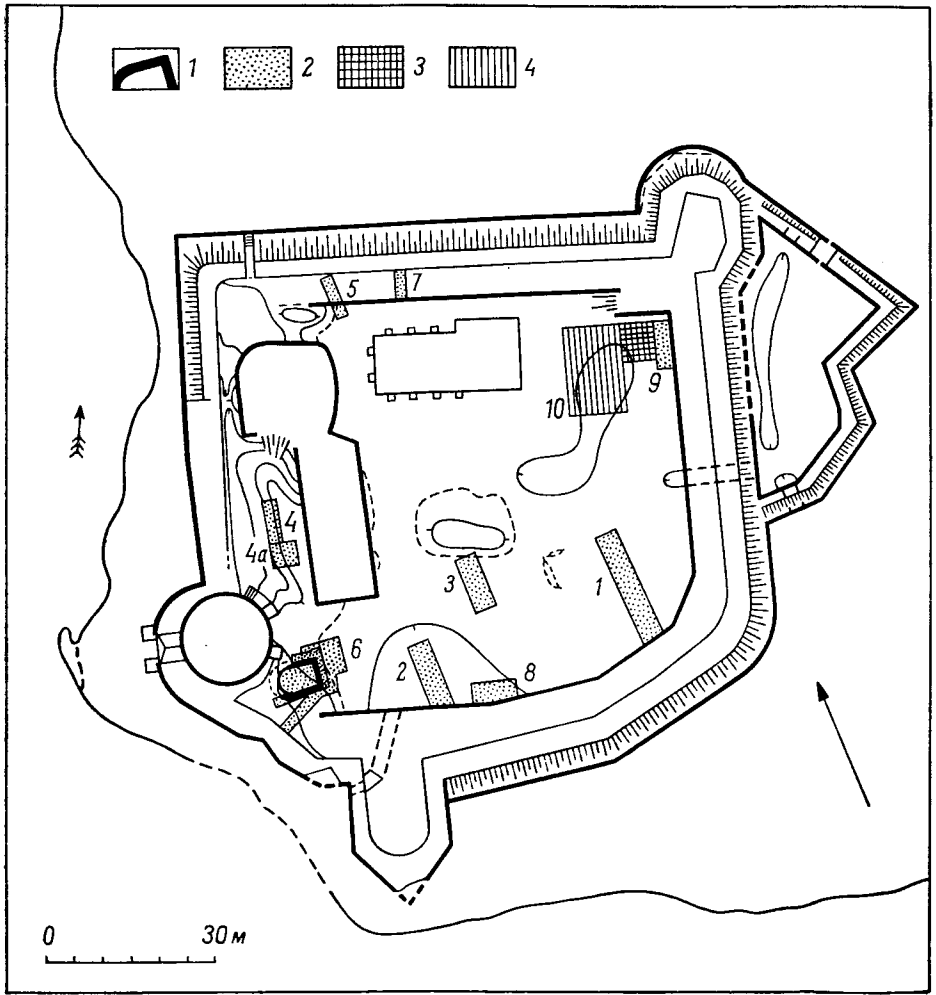

Рис. 1. Детинец древней Корелы («старая крепость»). План.

1 — части башни 1364 г., раскопанные в 1973 г.; 2 — раскопки 1972 г.; 3 — раскопки 1975 г.; 4 — раскопки 1976 г.

была необитаемой. Наиболее вероятным представляется усть-вуокский адрес первоначального городка. Он опознается по одной неопубликованной записи в писцовой книге Водской пятины 1568 г. В источнике упомянут находившийся в устье Вуоксы деревянный монастырь Иоанна Предтечи (в 1573 г. сожженный шведским полководцем Г. Флемингом). «Да под Иванским же монастырем на устье реки Узервы у городища монастырская мельница».²⁵ Упомянутый монастырь находился, по-види-

²³ Schwindt Th. Kakisalmen..., S. 1; Kuujo E., Puramo E., Sarkanen J. Kakisalmen historia, S. 14; Громов И. В., Шаскольский И. П. Приозерск, с. 3.

²⁴ ЦГАДА, ф. 137, Новгород, 7, л. 500 об.

²⁵ Там же, л. 505; ср.: Kuujo E., Puramo E., Sarkanen J. Kakisalmen historia, S. 11, 22.

тому, на мысообразном выступе на левом берегу р. Вуоксы при ее впадении в Вуоксинскую губу.²⁶ А рядом, как видно на картах XVIII в., существовали один-два островка (каждый размером 50×100 м).²⁷ После понижения реки в 1857 г. они слились с суши. В 1972 г. это место, представлявшее собой холмовидное возвышение, было обследовано. Культурный слой здесь обнаружить не удалось, так как вся интересующая нас поверхность участка сильно испорчена и превращена в свалку мебельной фабрики. Полученный отрицательный результат не должен обескураживать. И карельский лагерь, и шведский острожок, и даже деревянный монастырь — все эти сменявшие друг друга сооружения, видимо, не были достаточно долговечными, чтобы оставить отчетливые культурные следы. Как бы то ни было, ясное указание на существование в XVI в. городища именно в устье Вуоксы позволяет считать его местом первоначального Кексгольмского замка 1295 г.

Какова дальнейшая судьба усть-вуоксинского острожка? Согласно приведенному выше русскому свидетельству, новгородцы разрушили островную крепость; шведскому — наоборот, укрепили. Разрушение укреплений, однако, не противоречит их более позднему восстановлению. Так, в 1282 г. новгородцы сравняли с землей частновладельческий замок Копорье, но спустя 15 лет его отстроили вновь уже как государственное укрепление.²⁸ Возможно, нечто подобное произошло и с уничтоженным шведским острожком на Вуоксе. Примерно около 1300 г. новгородцы для руководства военными действиями стали посылать в Карелию служилого князя. В 1307—1308 гг. им был тверской князь Борис Константинович.²⁹ Военный предводитель не мог бы эффективно осуществлять своих функций, находясь в Новгороде и не имея на месте укрепленной резиденции. Таковой какое-то время мог быть восстановленный шведский замок или другое близлежащее укрепление. Последнее предположение получило некоторое археологическое обоснование во время раскопок 1976 г. В северо-восточной части упоминавшегося выше детинца Корелы на глубине 2 м на самом материке обнаружен полуразрушенный венец сруба со стороной 3,7 м, судя по стратиграфии, возможно, относящийся к первому десятилетию XIV в. В зоне сруба не оказалось других культурных остатков, из чего следует, что он существовал недолго. Далее. Намек на существование нового укрепления, находящегося от первоначального на расстоянии 1300 м вверх по течению реки Вуоксы, содержится и в следующем летописном известии, помещенном под 1310 г. «Поидоша новгородци в лодях и в лоивах в озеро (Ладожское, — А. К.) и идоша в реку Узьерву, и срубиша город на порозе нов, ветхый сметавше».³⁰ Судя по контексту, обветшавший «город» находился на том же месте, что и заложенный вновь. Необычным является указание на полную разборку, а не ремонт предшествовавшего укрепления. Очевидно, речь шла о совершенно новой, более обороноспособной, чем прежняя, твердыне. Что касается упоминания порогов, то они действительно располагались возле новопостроенной крепости и еще в XVIII в. обозначались на чертежах.³¹

Приведенное сообщение 1310 г. фиксирует существование крепости на новом месте. Налицо перенос укрепления из устья Вуоксы вверх по ее течению, т. е. дальше от берега Ладожского озера, в глубь материка.

²⁶ В 1919 г. на предполагаемом месте монастыря И. Предтечи обнаружено много человеческих костей и угля с землей — как думают, след нападения Г. Флеминга (Kuusi E., Puhama E., Sarkanen J. Käkisalmen. . ., S. 14, 22—23).

²⁷ Карта около 1762 г. (ЦГАВМФ СССР, ф. 3, оп. 23, № 951, л. 34); карта 1798 г. (ЦГВИА, ф. 349, оп. 17, дело 1776).

²⁸ Новгородская первая летопись, с. 324 и 328. Разрушение Копорья передается в тех же словах, что и Кексгольма: «город розгребоша».

²⁹ Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941, с. 76.

³⁰ Новгородская первая летопись, с. 92—93 и 333.

³¹ Пороги отчетливо показаны на генеральном плане Кексгольма 1798 г. (ЦГВИА, ф. 349, оп. 17, д. 1776, 1).

Очевидно, первоначальный замок располагался слишком близко к Ладожскому озеру, был недостаточно защищен и к тому же находился в районе непригодных для возделывания песчаных почв. Когда бы ни произошел перенос укрепления — около 1300 г. по воле тверского князя или в 1310 г. по инициативе Новгорода, — он означал более основательный, чем прежде, подход новгородцев к обороне их «корельского рубежа». Была осознана необходимость возведения в этом месте границы надежного оплота, без которого нельзя было бы сохранить окружающую территорию. Строительство крепости на Вуоксе явилось дальновидной акцией Новгородской республики, так как вовремя предотвратило захват шведами восточнокорельских земель и сохранило в руках «верхней» Руси важнейшую торговую магистраль по Ладожскому озеру и Вуоксе. Летописное сообщение 1310 г. примечательно и в отношении конкретных обстоятельств военного строительства. Флотилия новгородцев привезла, очевидно, не только воинов, но и мастеров-градодельцев, отстроивших остров, как показали раскопки, по единому плану, как государственный укрепленный форпост. Выразительные следы строительства 1310 г. удалось обнаружить археологически (см. ниже). Его дендрохронологическая дата³² совпала с летописной.

Можно предположить, что быстрая постройка крепости на острове площадью 6000 м² состоялась с помощью местного населения. Более того, сообщения летописи о жизни Корельского городка в первые 50 лет его существования свидетельствуют о том, что в составе его жителей находились и русские, и карелы. Иными словами, перед нами своеобразнейшее городское поселение, состоящее из двух разноязычных федеративных общин и редкий в средневековье пример сотрудничества более сильного народа со своим соседом. Следует отметить, что в городах Финляндии, основанных в XIII в. (Тавастегус, Ванай, Выборг), «свейские немцы», насколько известно, не привлекали в свои замки местных вождей и их окружение.

Заново построенный, как он именовался вплоть до конца XV в., «Корельский городок» или «Корельский город», давался новгородцами в кормление наемным, преимущественно литовским князьям-военачальникам республиканского войска. Присутствие военного предводителя в пограничном городе в первые десятилетия его существования не было обязательным. Действительно, сохраненные летописью события того времени отразили не столько ратные подвиги служилых князей, сколько порою неприязненные взаимоотношения провинции и метрополии, осложненные противоборством враждующих государств и столкновением разных религий. Сказались эти обстоятельства и на отношениях городских общин, которые, учитывая их близкое соседство и различие верований, не всегда были мирными. Так, в 1314 г. «избиша корела городчан, кто был руси в Корельском городке, и въведоша к собе немец». Подоспевший отряд новгородцев без боя вошел в город и покарал шведов и «корелу-переветников».³³ Спустя 23 года «измена» повторилась. На этот раз город передал шведам воевода Валит-карелянин.³⁴ Неповиновение русской власти перекинулось и на округу. При этом было избито много новгородских и ладожских купцов, а совместный шведско-карельский отряд напал на Обо-нежье и даже сжег посад Ладоги. Понадобился специальный поход новгородцев и 5-дневная осада Корельского городка, чтобы освободить

³² Благодарю Н. Б. Черных, выявившую дендрохронологические даты дерева из раскопок древней Корелы.

³³ Новгородская первая летопись, с. 94. — По мнению С. Гадзяцкого (см. его «Карелы и Карелия», с. 158) речь идет о крестьянском восстании, что не подтверждается текстом приведенной записи. В ней ясно говорится, что перебита была русская часть населения («кто был руси») города. Шведы же были позваны «к собе», т. е. в тот же Корельский городок. Таким образом, рассказ источника посвящен внутригородской расправе.

³⁴ Софийская I летопись. ПСРЛ, т. V, с. 220.

его от «свейских немец». Вскоре была замирена и вся Карельская земля. По миру 1339 г. со Швецией было решено выдавать карельских перебежчиков, «да не польстят промежу нами».³⁵

В событиях 1337 г. отмечен воевода Валит.³⁶ Об этом лице, возможно, вспоминает записанное в 1592 г. предание, называя его «большим владетелем», «посажеником на Корельское владение от новгородских посадчиков». Этот Валит, в крещении Василий, согласно этому же преданию, завоевал для Новгорода Мурманскую землю и покорил Лапландию. Он же построил в Коле и Варенге каменные сооружения, «выкладено камнем, кабы городской оклад».³⁷ Соответствует ли легендарный Валит своему историческому тезке, достоверно не выяснено. Одно все же ясно. Валит 1337 г. был доверенным лицом Новгорода и одновременно тем влиятельным представителем своего племени, при котором приладожская корела осмелилась на широкое оппозиционное выступление, принявшее окраску защиты языческих порядков. 1310—1330 гг. были, похоже, периодом наивысшего карельского сепаратизма. Не результатом ли племенных претензий явилась передача новгородцами власти в Корельском городке ставленнику местной знати? Признание самостоятельных устремлений карельской старшины зашло так далеко, что по-соседству с новгородским форпостом обосновался особый племенной острожек Тиверский, возможно, основанный в Валитово время³⁸ и укрепленный валунной стеной, поразительно напоминающий городской оклад легендарного покорителя Лапландии. XIV в. вообще явился для Карелии временем всеобщих перемен. Дорогу пробивали феодальные порядки, язычество шло к закату, нарастали русско-шведские столкновения. В этих условиях карельская знать, лавируя между Новгородом и Швецией, пыталась отстаивать собственные интересы. Стремление старшины могли поддержать сельские землевладельцы. В это время в деревне шел процесс классообразования и выделились зажиточные семьи. Показательно, что к 1300—1350 гг. относятся наиболее выразительные богатые карельские погребения, обнаруженные в конце XIX в. Т. Швиндтом в окрестностях Кексгольма.³⁹ В середине XIV в. языческие погребения этого рода постепенно исчезают, что, очевидно, объясняется активизацией на Карельском перешейке после событий 1337—1339 гг. православия. Одновременно с церковными запретами происходило и вытеснение из городской политической жизни местной знати. Опыт подсказывал новгородцам, что только когда горожане действовали единодушно, им, как это, например, имело место в 1322 и 1348 гг., удавалось самостоятельно отбиться от шведских нападений.⁴⁰ Судя по

³⁵ Новгородская первая летопись, с. 350.

³⁶ Источники упоминают о нескольких знатных Валитах XIV—XV вв. (Поннов А. И. Валит. Советское финно-угроведение, т. V. Петрозаводск, 1941, с. 132—138).

³⁷ Там же, с. 133.

³⁸ Полагают, что Тиверский городок, находящийся в 25 км на юго-запад от Корельского, возник до 1323 г., так как одна из статей заключенного в этом году между новгородцами и шведами договора запрещала враждующим сторонам строить новые укрепления об обе стороны границы (Appelgren H. Suomen Muinaislinnat. — СМЯ, 1890, XII, S. 102). Однако соблюдение этого договора длилось до 1337 г. и в дальнейшем часто нарушалось. Строительство городка, таким образом, могло быть предпринято и после 1337 г. К тому же в наиболее подробном перечислении владений, в том числе и всех карельских, данных в 1333 г. в кормление князю Наримонту, Тиверский городок еще не упоминается (Новгородская первая летопись, с. 346). Исходя из незначительности культурного слоя городка, его выраженной однослойности, позднего характера находок, основание крепости здесь можно отнести к 40-м гг. или даже последующим десятилетиям XIV в. (Жирячников А. Н., Петренко В. П. Тиверский городок. — КСИА, 1974, № 139, с. 108).

³⁹ Schwindt Th. Tietoja Karjalan rautakaudesta. — СМЯ, Helsinki, 1893, XIII. Общая дата кексгольмских могильников — 1100—1350 гг. Хронологическое определение комплексов не производилось. Новые находки в Орешке и Приозерске дают повод уверенно отнести часть из них к первой половине XIV в. (если не позже).

⁴⁰ Новгородская первая летопись, с. 96; Новгородская четвертая летопись, ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. I. Пгр., 1915, с. 278.

тому, что после 1337 г. карельские представители в событиях, связанных с Корельским городком, не упоминаются, их, похоже, отстранили от участия в городском управлении. Этим путем Новгород надеялся усилить сплоченность города перед лицом внешней угрозы. Так, во второй половине XIV в. власть в Корельском городке, очевидно, полностью перешла в руки новгородской администрации.⁴¹ Период, когда город был центром своеобразного русско-карельского симбиоза, а финны, по свидетельству одного источника XVII в., «с русскими были настолько соединены, что трудно сказать, на чьей стороне была высшая власть»,⁴² остался позади.

III

Факты письменной истории Корельского городка ныне могут быть дополнены археологическими (рис. 1). Четырехлетние раскопки экспедиции ЛОИА АН СССР, проведенные на месте древнего города, охватили территорию, в общей сложности составившую 666 м². При закладке раскопов первоначально преследовалась цель обнаружения и зондирования культурных напластований. Результаты этого поиска, однако, скоро вышли за пределы разведочных. В ходе работы были выявлены наиболее перспективные участки. Ныне можно подвести итоги определенному циклу исследований средневекового поселения на Вуоксе.⁴³ Уже первые раскопки острова в 1972 г. обнаружили своеобразие его стратиграфии. Культурные остатки, связанные с периодом средневековья, подразделялись на два утолщающихся к краям острова строительных горизонта общей толщиной 0.5—1.8 м. Верхний строительный горизонт (толщью 0.2—0.9 м) был открыт на глубине 0.5—0.7 м (ближе к краю острова на глубине до 1.5—2.6 м). Его выявленная по данным дендрохронологии дата — 1360—1380 гг.⁴⁴ Постройки этого горизонта сгорели, видимо, в конце XIV в. Они были воздвигнуты на углистом слое, который сопоставляется с летописным пожаром 1360 г. Бедствие было тотальным. «Погоре Корельский город напрасно и много пакости створися доспеху и животу, а городчане только душами оставшися». ⁴⁵ Под пожарищем 1360 г. на глубине 0.7—1 м (к краю острова — на глубине до 2.7—3.7 м) залегает нижний строительный горизонт (его общая толщина 0.3—1 м), дендрохронологически отнесенный к 1310—1360 гг.⁴⁶ Если в центре городища дерево в культурном слое почти не сохранилось, то ближе к берегу (где высятся куртины и бастионы) достаточно влажная почва сберегала органический материал удовлетворительной сохранности. В этом отношении окраинные части городища не отличаются от таких городов, как Новгород, Орешек, Белоозеро. Итак, городищенский слой представлен двумя четкими по дате напластованиями, связанными с двумя-тремя поколениями первых жителей города. Что касается более поздних слоев, то они не сохранились, так как были по всей видимости скопаны при возведении земляных укреплений острова в XVI в. Переходим здесь к характеристике строительных горизонтов начального периода жизни Ко-

⁴¹ Это заключение не отрицает того, что вплоть до середины XV в. карелы сохраняли свою областную автономию и, в частности, выставляли собственное войско.

⁴² Шаскольский И. П. Емь и Новгород в XI—XIII вв. — Уч. зап. ЛГУ, № 80. Сер. истор. наук, вып. 10, 1941, с. 102.

⁴³ Ниже излагаются основные результаты археологических изысканий. Более подробно см. наши отчеты о раскопках в Приозерске в 1972, 1973 и 1976 гг. (в Архиве ИА АН СССР). В 1975 г. работы в городе по заданию ЛОИА АН СССР проводил В. А. Назаренко. Он же активно участвовал в раскопках 1976 г.

⁴⁴ Н. Б. Черных смогла датировать три образца из этого слоя соответственно 1360, 1367 и 1389 гг. (у двух первых спилов нет внешних колец).

⁴⁵ Новгородская первая летопись, с. 367.

⁴⁶ Девять спилов датированы Н. Б. Черных 1303—1313 гг., но у них не сохранились внешние кольца. В 1976 г. нами посланы Н. Б. Черных еще 30 спилов нижнего строительного горизонта.

рельского городка и начнем с нижнего из них, основанного согласно с летописной датой не позже 1310 г.

При разборке нижнего строительного горизонта обнаружено в разных местах острова 8 срубных жилищ со стороной 3.5—5 м. Печи помещались в одном из углов и выделялись скоплением глины и угля. Лучший по сохранности участок был исследован в северо-восточной части острова (рис. 2, А и Б). В этом месте на глубине 1.3—2 м обнаружены четыре (полностью изучены два) сруба размером до 5×5 м с черным полом из тонкоствольных бревен. Срубы были поставлены на сплошную деревянную платформу из двух рядов, частью связанных врубками стволов. Эти подкладочные окоренные бревна достигали длины 6.7—6.9 м и в поперечнике 0.5 м. Некоторые из этих стволов были снабжены торцевой петлей, очевидно, для пропуска сплавных, связывающих плот канатов. Упомянутая подкладочная конструкция предохраняла дома островного городка от подтопления. К центру остров поднимался примерно на 1 м. Строители, вступившие на его неровную поверхность, спланировали ее примерно на один уровень, что и потребовало специального повышения береговых построек. Подкладочный помост в виде продольно и поперечно уложенных бревен обнаружен, кроме северо-восточной, в южной и западной сторонах острова. Иными словами, потребовалось, вероятно, круговое подвышение берега, прежде чем приступили к разметке домов. Уже это устройство, прослеженное по трассе длиной 170 м, потребовало одновременных усилий целой артели мастеров и свидетельствовало о едином замысле всего строительства. Подтверждает это и планировка расположенных в определенном, подчиненном береговой линии порядке домов, отстоящих друг от друга на расстоянии 1—2.5 м.⁴⁷ Все обнаруженные срубы были, по-видимому, жилыми; хозяйственных построек не обнаружено. Скопления навоза оказались в проходах между домами, что свидетельствует о местоположении хлевов или навесов для скота рядом с жильем.

В целом создается впечатление, что поселенцы, во-первых, заселили всю площадь острова, во-вторых, из-за тесноты дорожили каждым клочком земли, и поэтому дома возводились однокамерными без самостоятельных дворских построек. Исходя из того, что площадь острова составляла примерно 6000 м², а жилище в среднем занимало 50 м², можно считать, что в 1310 г. в крепости (с учетом существования по меньшей мере двух улиц и церкви) было построено 100—110 изб с населением — включая женщин и детей — 300—330 человек. Допустимо, что гарнизон городка был представлен взрослыми мужчинами, владельцами домов, т. е. насчитывал около 100 человек, пригодных для войсковой службы. Насельниками острова были отправившиеся согласно летописи в 1310 г. в поход новгородцы. Такие отряды, как установлено, состояли из вольных «охочих людей», «молодцев». Попад на Вуоксу, они создали своеобразное военное поселение свободных колонистов. В 1314 г. летопись называет их городчанами, что приравнивает этих людей к посадскому населению. Городчане XIV в. — одновременно воины, торговцы и ремесленники — отличались, очевидно, универсальностью своих занятий больше, чем их потомки XVI в. На примере Корельского городка, таким образом, приоткрывается завеса, обычно скрывающая обстоятельства сооружения новооснованных в XIV в. крепостей, защищавших северо-западные рубежи Руси.

Высказанные суждения требуют, разумеется, дальнейших обоснований. Содержимое раскопанных построек в этом плане, к сожалению, мало что прибавляет к сказанному выше. Предметы быта в исследованных постройках почти не сохранились. Дело в том, что после пожара 1360 г. жители, видимо, вернулись к своим пепелищам. Несгораемое имущество

⁴⁷ В раскопе в северо-восточной части острова перед линией домов располагался самостоятельный помост шириной 4.8 м также подкладочного назначения — может быть, основание набережной или оборонительных клетей.

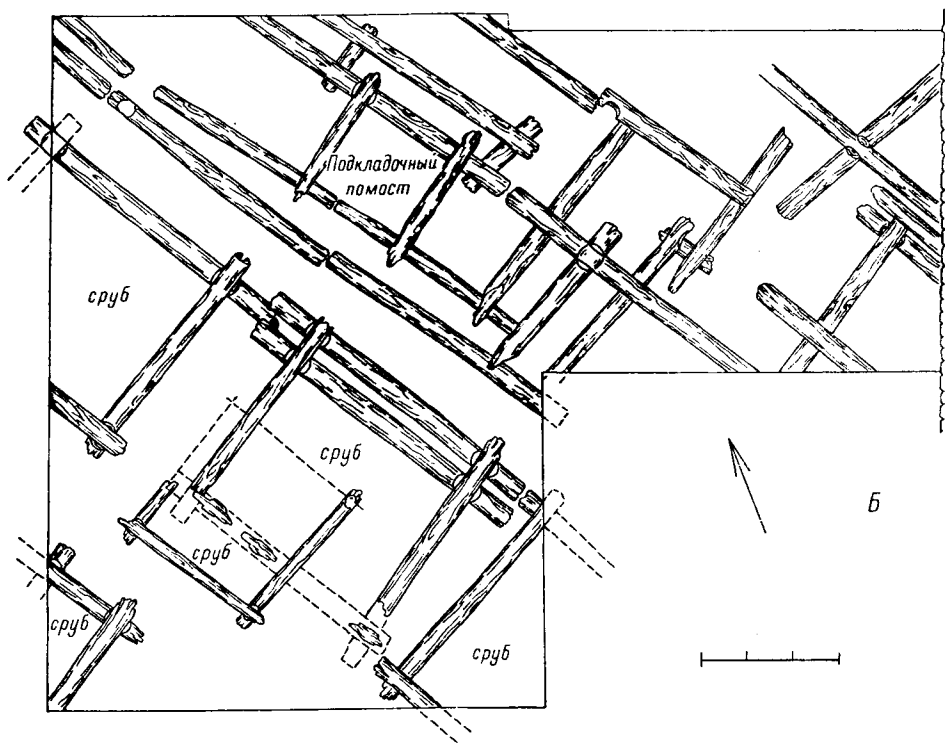
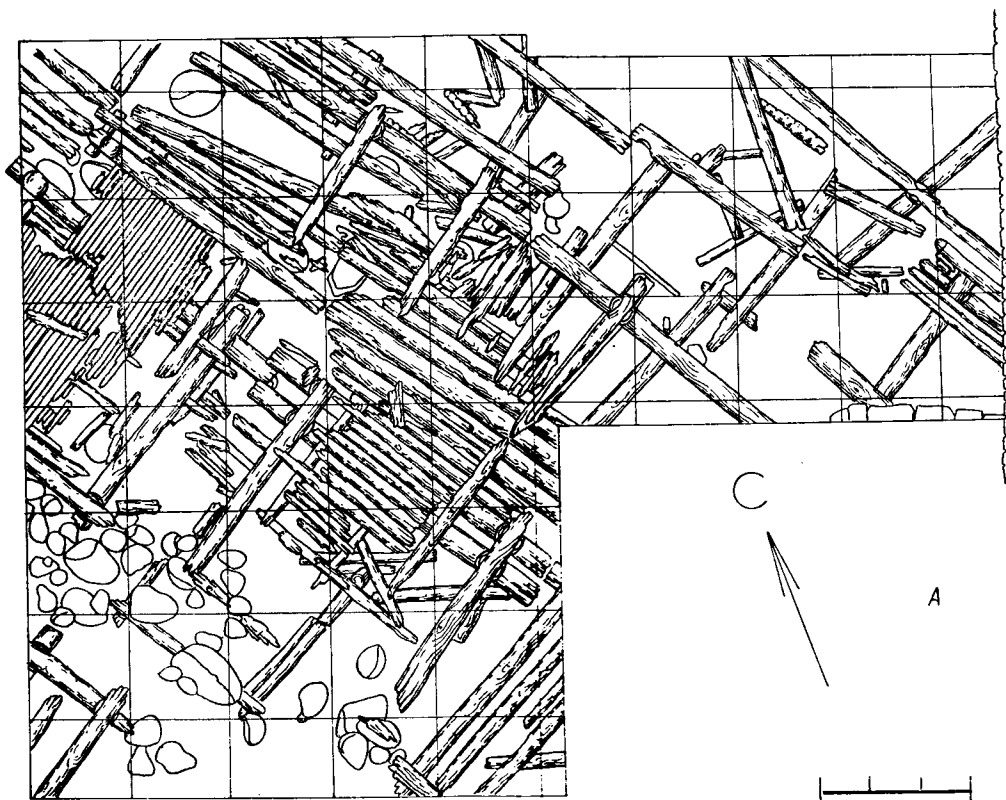

Рис. 2. Постройки строительного горизонта 1310—1360 гг. в раскопе 9—10.
 А — план сооружений после расчистки; Б — план тех же сооружений после удаления деталей.

было, по-видимому, извлечено и удалено, вплоть до опаленных, но не сгоревших бревен подкладочной конструкции. Найденные здесь по большей части в разрозненном виде вещи не отличались от обычных изделий русских городов. Назову археологически редкое для этого времени пряслице из шифера, овалыные кресала, скобель, три остроги для рыбной ловли.⁴⁸ Среди военных предметов оказались обрывок кольчуги, пикообразное копьё, шпора с колесиковой звездочкой.⁴⁹ В ряду художественных изделий достойны упоминания уникальная бронзовая лампадка с шарнирной ручкой (к ней была прикреплена несохранившаяся крышка, рис. 4, 7), типичный для новгородских древностей XIII—XIV вв. биллоновый овално-щитковый перстень с изображением двузубца,⁵⁰ равноконечный янтарный крестик — обычная находка в северорусских городах XIV в. (рис. 3, 1).⁵¹ В 1976 г. в северо-восточной части городища на материке найден бронзовый нательный крестик с фигурно оформленными перекадинами (рис. 3, 2). Такие изделия во множестве расходились в период зрелого средневековья не только на Руси, но и попадали к народам юго-восточной Прибалтики и Финляндии.⁵² Один такой образец найден в XIX в. и в окрестностях Кексгольма.⁵³

Исследование нижнего строительного горизонта приводит в согласии с летописью к заключению, что новгородцы не были единственными обитателями новосозданного форпоста. При разборке нижнего строительного горизонта в соседстве с русскими изделиями встречены вещи карело-финского облика. Так, вместе с упомянутой выше шпорой, овальным кресалом и скобелем оказался уникальный обломок недоделанной серебряной подковообразной фибулы (рис. 3, 3). Рассматриваемый фрагмент — брак производства, важен для установления возможного места производства этих образцов. Подобного рода крупные серебряные фибулы с широкими тонколистными дужками, украшенными ветвями аканта, считаются характерными для карельских древностей.⁵⁴ Кроме Карелии (где их известно до 30), эти застёжки встречены в курганах Ленинградской области.⁵⁵ При обсуждении вопроса о происхождении крупных серебряных застёжек ссылались на то, что их орнаментация выполнялась под влиянием Востока или Византии мастерами, творившими в эпоху так называемого «карельского ренессанса». Источник орнаментального искусства, представленного на упомянутых застёжках, на наш взгляд, проницательно прогнозировал в 1938 г. Р. Страпберг.⁵⁶ Он писал, что орнаментация карельских находок является «проявлением стиля, который, по-видимому, исчез в самом Новгороде или до сих пор там не обнаружен». Последняя догадка ныне полностью подтвердилась, хотя еще и не получила должной оценки. После археологических открытий в Новгороде⁵⁷ оказалось, что приписываемый далеким странам орнаментальный стиль процветал в художественном отделочном северорусском искусстве XIII—XIV вв., что, разумеется, не исключает всякого рода местных, в том числе ка-

⁴⁸ Типа: Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, 65, рис. 64, 8.

⁴⁹ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси XIII—XV вв. Л., 1976, табл. XX, 1.

⁵⁰ Ср.: Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. — МИА, 1959, 65, с. 255 и рис. 10, 25.

⁵¹ Такие же найдены в Опешке и Новгороде.

⁵² M u g u r ē v i č s E. Krustinveida piekarini Latvija. — Archeolģija un etnogrāfija, XI. Riga, 1976, рис. 14 и 15.

⁵³ Schvindt Th. Tietoja..., рис. 228.

⁵⁴ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973, S. 132, рис. 1043 и 1044.

⁵⁵ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР. СПб., 1896, 20, табл. X, 47 и 18.

⁵⁶ Strandberg R. Les broches d'argent careliennes en forme de fer à cheval et leurs ornements. — ESA, 1938, XII, S. 167—202.

⁵⁷ Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1974, табл. 18, 3 и 46.

рельских подражаний. Рассматриваемая находка обеим этим возможностям не противоречит.

Далее. В 1976 г. в северо-восточной части городища на материке обнаружена скорлупообразная бронзовая фибула, орнаментированная лен-

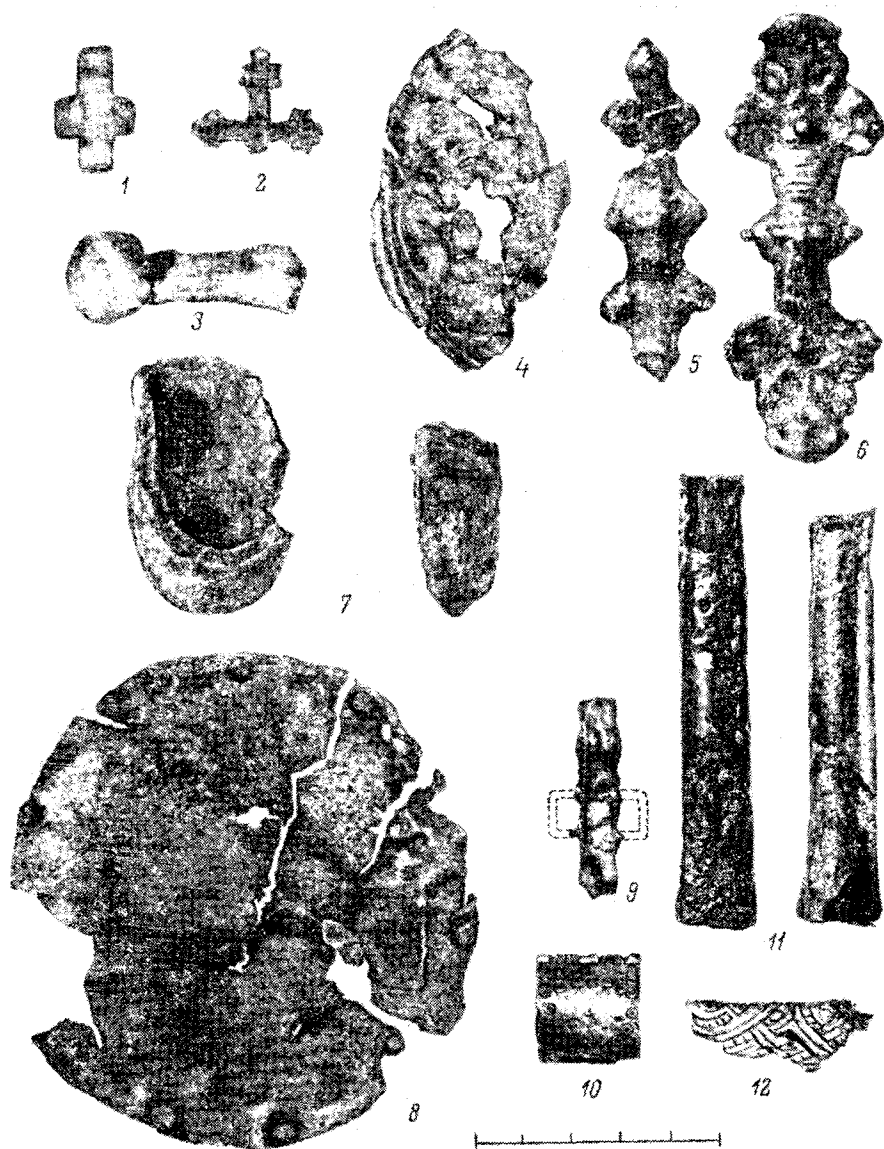

Рис. 3. Находки из строительных горизонтов 1310—1360 гг. (1—5, 7) и 1360—1380 гг. (6, 8—12).

1, 2 — крестинки; 3 — обломок подковообразной застежки; 4—6 — фибулы; 7 — тигель и слиток бронзы; 8 — бляха; 9 — пронизка; 10 — шарнирная обойма; 11 — бронзовые рукояти ножей; 12 — обломок костяной пластины.

точным плетением (рис. 3, 4). Узор плетения, как полагали, характерен для романского искусства. Типичным оказался этот мотив и для множества русских, а именно новгородских изделий начиная с XI в.⁵⁸ Перед нами вещь-гибрид. На украшении, свойственном чудскому костюму, ис-

⁵⁸ Там же. табл. 9, 10 и 18, 1.

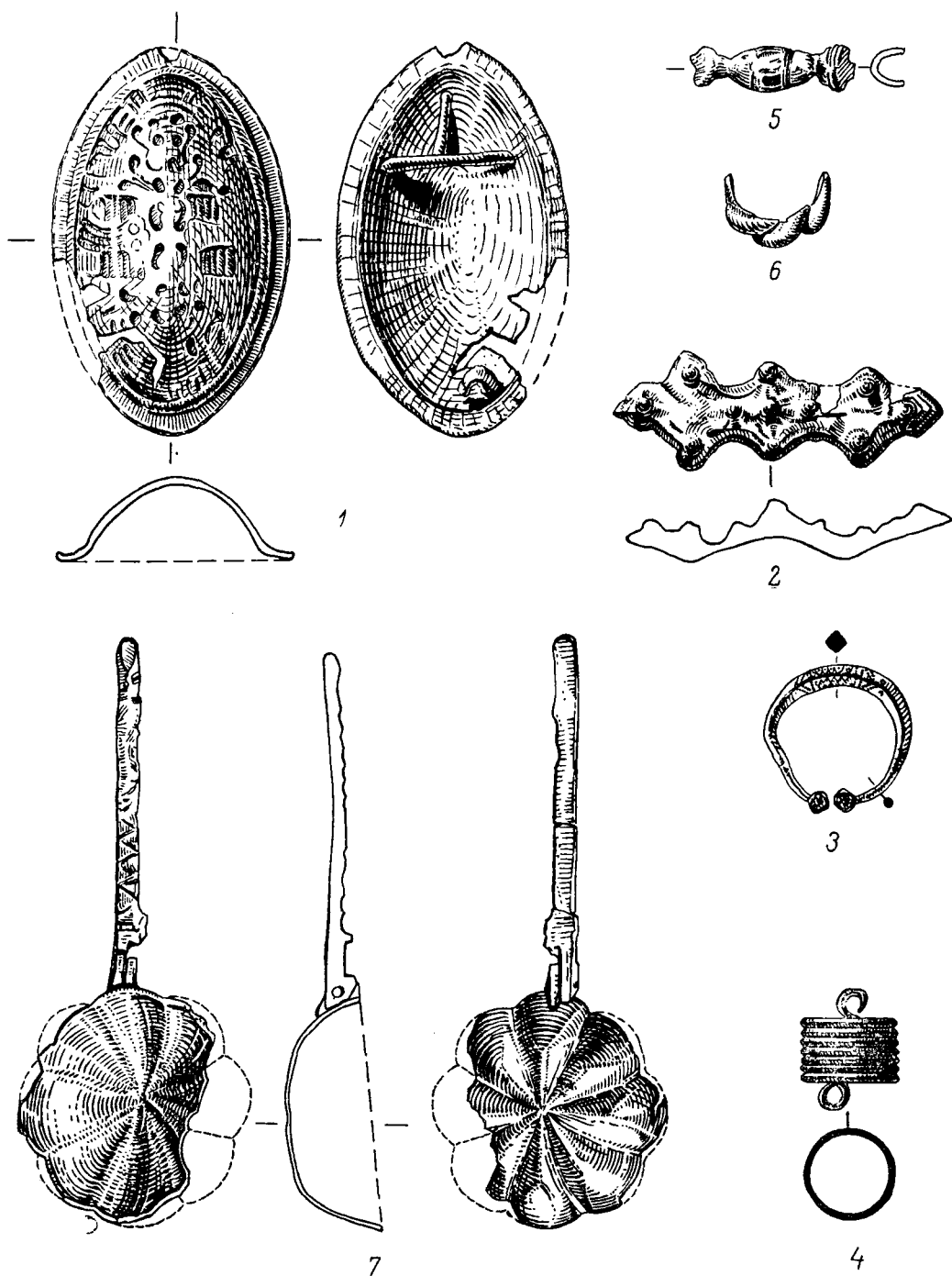
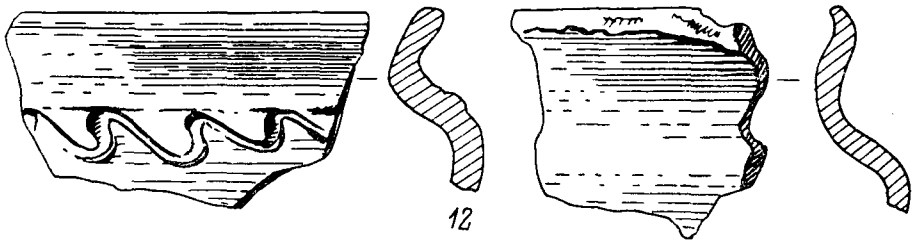
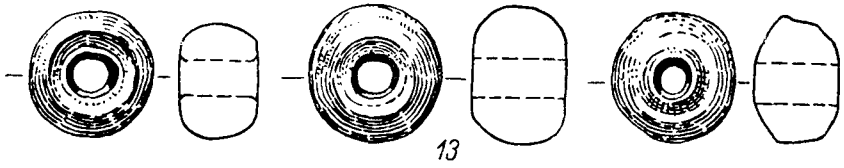
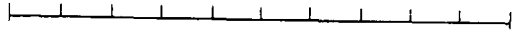
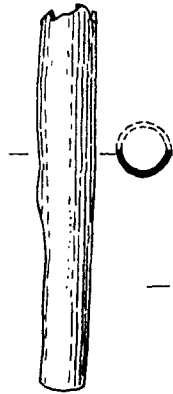
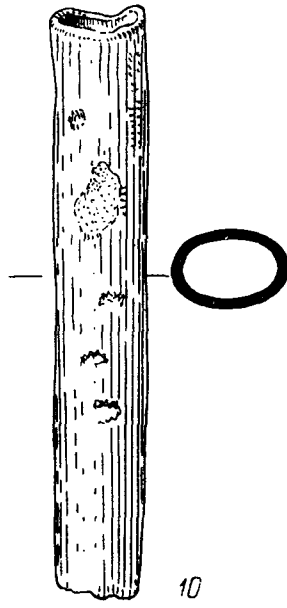
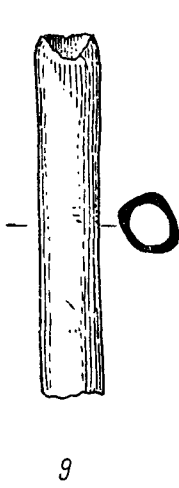
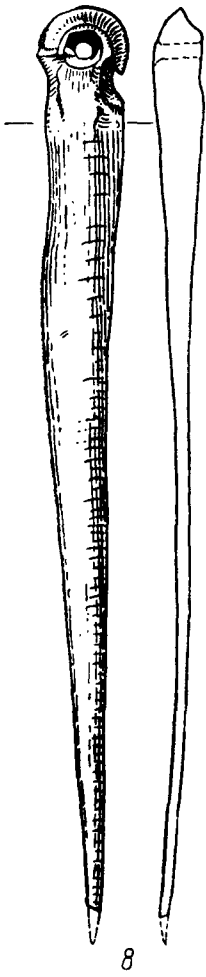

Рис. 4. Комплекс вещей из строительного горизонта 1310—1360 гг.

1—3 — фибулы; 4, 6 — перстни; 5 — пронизка; 7 — лампадка; 8 — игла; 9—11 — рукояти; 12, 13 — венчики сосудов и пряслица; 14 — бусина.

пользован привнесенный извне орнамент. Будущие исследования должны прояснить, в чем заключалась и как далеко простиралась определенная стилистическая близость русского и карельского средневекового орнаментального искусства. Что касается распространения описанных фибул, то они типичны для Карелии и Финляндии, где подсчитано 12 находок, по ряду мельчайших совпадений отнесенных Ю. Айлио к типу F₁.⁵⁹

Для представления об этническом составе первых поселенцев Корельского городка показательной оказалась исследованная в 1972 г. южная часть раскопа 2, непосредственно примыкающая к существующей куртине. Здесь на глубине 1.1—1.4 м на пространстве 2×4 м в пласте «раскисшего», не поддающегося ясной графической фиксации дерева, соответствующего нижнему строительному горизонту, было открыто скопление вещей, а именно бронзовая скорлупообразная фибула с деградировавшим звериным орнаментом (типа С₂ по Ю. Айлио), обломки двух перстней — спирального и ложновитого, равноплечная и подковообразная бронзовые фибулы, бронзовая пронизка, пастовая буса, уже упоминавшаяся бронзовая лампадка с шарнирной ручкой, костяные игла, ручки пожей, три глиняных пряслица, точильный камень, оплавленные кусочки и окислы бронзы, жернов⁶⁰ (рис. 4).

Привлекают внимание некоторые бронзовые вещи комплекса. Такова прежде всего скорлупообразная фибула с деградировавшим звериным орнаментом (рис. 4, 1). Еще одна такая же застежка найдена на нашем городище еще в XIX в. Карта распространения 53 изделий этого типа, восходящих к скандинавским оригиналам XI в., показательна. В Саво пх найдено 11, в Восточной Приботнии — 2, в Хяме — 3, Швеции — 2,⁶¹ на территории Ижорской земли — 3,⁶² в Орешке — 2,⁶³ в костромских курганах — не менее 2.⁶⁴ Основное скопление «звериных» фибул приходится на территорию Карелии. Почти все из 27 находок происходят из 6 округов Суотниеме, Ряйселя, Каукола, Рауту, Сакокола, Пюхяярви, Гиттола, Кирккйоки, тесным полукольцом окружающих древний город на берегах Вуоксы. Сразу по несколько фибул рассматриваемого типа найдены Т. Швиндтом в карельских могильниках Суотниеме, ряйсельском Ховинсари, каукольской Ковериле. Определенная сконцентрированность и местонахождение находок, удаленных от Корельского городка на 5—50 км, несомненно очерчивают район сбыта городской продукции. К тому же сходство самих изделий настолько велико, что они производят впечатлительный отрезок времени. Находящийся в центре данного района Корельский городок можно рассматривать в качестве естественного и наиболее вероятного центра, производившего популярные у карельских женщин изделия. Предположение о местном производстве бронзовых (и не только рассматриваемого типа) украшений подтверждается и находжением в нижнем строительном горизонте тиглей для плавки бронзы и их обломков. А в 1976 г. обнаружена бронзовая чашка, приготовленная в тигельной форме, но почему-то в дальнейшем не использованная (рис. 3, 7). Разумеется, географическая рассредоточенность так называемых звериных фибул, широкая дата их бытования в пределах XII—XIV вв. и некоторые орнаментальные различия предполагают несколько мест их изготовления.

⁵⁹ Ailio J. Karjalaiset soikeat kupurasoljet. — SMYA, 1922, t. XXXII: 3, S. 32—34, рис. 12.

⁶⁰ В этом же месте оказались 7 плоских овальных по очертанию поплавок из коры, два берестяных поплавок, круглый плоский и трубчатый, обрывки кожи, часть бочки, обломки нескольких венчиков горшков.

⁶¹ Ailio J. Karjalaiset. . ., S. 21—28, рис. 8, перечень находок: № 1, 5, 20 и сл.; Kivikoski E. Die Eisenzeit, S. 32, рис. 1055.

⁶² Tallgren A. M. The prehistory of Ingria. — ESA, 1938, XII, рис. 21, 28.

⁶³ Любезная информация В. И. Кильдюшевского.

⁶⁴ Сведения любезно представлены Е. А. Рябиным.

Однако вуоксинское в этом ряду пока является наиболее компактным по территории и дате.

Возвращаясь к описанному выше комплексу вещей, укажем равноплечную бронзовую фибулу, отделанную линейным орнаментом и 11 выпуклостями (рис. 3, 5). Фибул этого типа в Финляндии 20, и по своему типу они рассматриваются как местные.⁶⁵ В отличие от некоторых классических образцов наша фибула меньше и ее отделка схематичнее. В 1973 г. на исследуемом городище в срубе верхнего строительного горизонта, дендрохронологически датированного 1389 г., найдена вторая равноплечная фибула несколько иного облика с фигурно оформленными краями (рис. 3, 6). Подобная же обнаружена в слое первой половины XIV в. в раскопках крепости Орешек. 30 застежек этого последнего типа происходят из Финляндии и 5 из Карелии; как и первые, все они отнесены к IX—XI вв.⁶⁶ Что касается трех новых рассматриваемых находок, то они, возможно, омолаживают верхнюю дату бытования равноплечных застежек вплоть до XIV в. включительно. Такое определение, по мнению финских археологов, однако, требует проверки и пока не подтверждается хронологией финляндского материала. Укажем в связи с этим, что на нашем острове нет слоев IX—XI вв., а многовековое сохранение украшений «финского времени викингов», позднее оказавшихся на новооснованных в начале XIV в. поселениях возле рр. Вуоксы и Невы, представить трудно. Может быть, равноплечные фибулы достались XIV веку из каких-либо нарушенных погребений или старая мода вновь ожила. Будущие исследования, надеемся, уточнят эту неясность.

Возвращаясь к другим украшениям обсуждаемого комплекса вещей из раскопа 2, отметим спиральный перстень и подковообразную серебряную фибулу ромбического сечения с дужками, орнаментированными штампованными треугольниками (рис. 4, 3). Эти изделия не имеют пока локального адреса, они встречены на большой территории и особенно присущи финским средневековым древностям.⁶⁷

Перечисленные бронзовые вещи, фибулы и перстни датируются в широких пределах XI—XIII вв., и лишь равноплечные застежки, как упоминалось, соотносятся с IX—XI вв. Между тем эти находки происходят из слоя, современного основанию Корельского городка и, следовательно, использовались в первой половине XIV в. Таким образом, раскопки поселения на Вуоксе заставляют нас уточнить и омолодить даты некоторых чудских древностей, определявшихся более ранним временем.⁶⁸ Недавние раскопки в Орешке, Тиверском городке, Копорье обнаружили серии вещей, в том числе и карельско-финских (например, скорлупообразные фибулы), по внешнему облику, казалось, архаичных для XIV—XV вв. При этом было установлено, что эти вещи современны своему слою, т. е. изготовлены в XIV—XV вв. В одном случае речь идет о длительном существовании в новгородской провинции старых ремесленных традиций, в другом — о несовершенстве принятых в науке дат. Находки Корельского городка во многом рассеивают хронологические неясности и, в частности, приобретают эталонное значение при установлении верхней даты карельских кексгольмских могильников. Эти захоронения относят к XI—XIII вв. (по Т. Швиндту — 1100—1350 гг.). Теперь становится ясным, что некоторые богатые погребения этой культуры синхронны городу в низовьях Ву-

⁶⁵ Kivikoski E. Die Eisenzeit..., S. 93, рис. 678.

⁶⁶ Ibid., S. 93—94, рис. 679.

⁶⁷ М а л ь м В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. Очерки по истории русской деревни. — Труды ГИМ, вып. 43. М., 1967, с. 166—167.

⁶⁸ К и р п и ч н и к о в А. Н., П е т р е н к о В. П. Тиверский городок. — КСИА, вып. 139. М., 1974, с. 108. Мысль о передатировке некоторых финских древностей, равно как сообщение об относительно поздней дате Тиверского городка без ссылки на приведенную статью, повторила С. И. Кочкуркина (см.: Кочкуркина С. И. Тиверск. — КСИА, 146. М., 1976, с. 70).

оксы.⁶⁹ Похоже, что в этот же период карельская женская мода с присущим ей металлическим убором переживает, если судить по изобилию заупокных даров, свой украшательский расцвет. Важная роль принадлежала здесь городской продукции и установлению налаженных, в том числе и внутриобластных, рыночных связей. Из всего сказанного явствует, что вещи местного облика, найденные в Корельском городке, не только свидетельствуют о присутствии здесь карел, но и, очевидно, о производстве ряда популярных украшений на вывоз. Таким образом, Корельский городок с самого начала своего возникновения был не только военно-административным, но и торгово-ремесленным пунктом. Что же касается городских мастеров, то ими могли быть как финны, так и русские. Русское городское ремесло не позже XIII в. обратилось к изготовлению популярных у финноязычных племен украшений. Чудские подвески — как, например, установил Е. А. Рябинин — изготовлялись в Новгороде.⁷⁰ Нечто аналогичное, очевидно, происходило и в самом северо-западном новгородском пригороде. Характерно, что выделенные нами как карельские изделия относились к убору местного костюма. Что касается массы других найденных в нижнем горизонте Корельского городка находок, то они, как уже обращалось внимание, не отличались от новгородских и шире — общерусских.

Переходя к верхнему, относящемуся к 1360—1380 гг., строительному горизонту Корельского городка, следует прежде всего сказать о худшей, чем в нижнем, сохранности встреченных в нем построек. Удалось обнаружить лишь окладные бревна (длиной 5.5 м) двух сгоревших в огне изб. Судя по их расположению, планировка острова после пожара 1360 г. значительно изменилась. Однако прежние культурные традиции угадываются в сохранении отдельных найденных в данном слое корельских украшений (рис. 3, 8—10). К ним относятся бронзовые: пронизка с Ф-образными ушками, характерная для металлического убора карельского костюма, обойма на шарнире — очевидно, принадлежность прически, круглая выпуклая бляха — возможно, упомянутая в Калевале деталь чудского костюма,⁷¹ наконец, упоминавшаяся выше равноплечная фибула.

Подавляющее большинство изделий верхнего строительного горизонта бесспорно связано с русским городским ремеслом. Из этого можно заключить, что карельское присутствие в городе во второй половине XIV в. пошло на убыль.

Чтобы не быть голословным, перечислим некоторые изделия общерусского облика, найденные в верхнем строительном горизонте Корельского городка. Таковы украшенный трилистником бронзовый наконечник ножен меча,⁷² четыре шиферных пряслица из сиреневого шифера — южнорусское наследие XIII в. Выделяется обломок (рис. 3, 12) костяной пластинки с плетеным орнаментом, типичным для ряда новгородских художественных изделий зрелого средневековья.⁷³ Этот узор вводит нас в круг произведений русского бытового искусства, проникших на Карельский перешеек или прямо из Новгорода, или через посредство его вуоксинского «пригорода».⁷⁴ Вспомним в связи с этим расписные узорчатые туеса, най-

⁶⁹ В этих погребениях содержатся поздние по дате топоры, овальные кресала, копоушки, некоторые скорлупообразные и подкововидные фибулы, металлические бусы, медальоны. Датировка кексгольмских могильников по происхождению найденных в них изделий заслуживают тщательного изучения с учетом данных новых археологических изысканий на Северо-Западе РСФСР.

⁷⁰ Рябинин Е. А. Новгород и северо-западная область Новгородской земли. — В кн.: Культура средневековой Руси. (Сб. статей). Л., 1974, с. 60—61.

⁷¹ На эту бляху обратил мое внимание Е. А. Рябинин. По мнению П. Н. Третьякова, подобные бляхи могли символизировать солнце.

⁷² Типа: Paulsen P. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953, рис. 146 и 147.

⁷³ Колчин Б. А. Новгородские древности, рис. 7, 11.

⁷⁴ Впервые русские вещи кексгольмских могильников заметил В. И. Равдоникас (см.: Равдоникас В. И. Археологические памятники западной части Ка-

денные Т. Швиндтом в карельских могильниках Суотниemi, Кекомьяки и Ховинсари.⁷⁵ Показательно, что узоры на бересте из Ховинсари и упомянутой костяной пластины из слоя 1360—1380 гг. полностью совпали. Выше рассматривались карельские фибулы, снабженные новгородским по происхождению линейно-ленточным орнаментом. Восприятие этого отделочного стиля было более широким. Находки показывают, что мода на туеса и другие поделки, украшенные ленточной плетенкой, заимствована в западное Приладожье скорее всего из Новгорода.⁷⁶ Распространение рус-

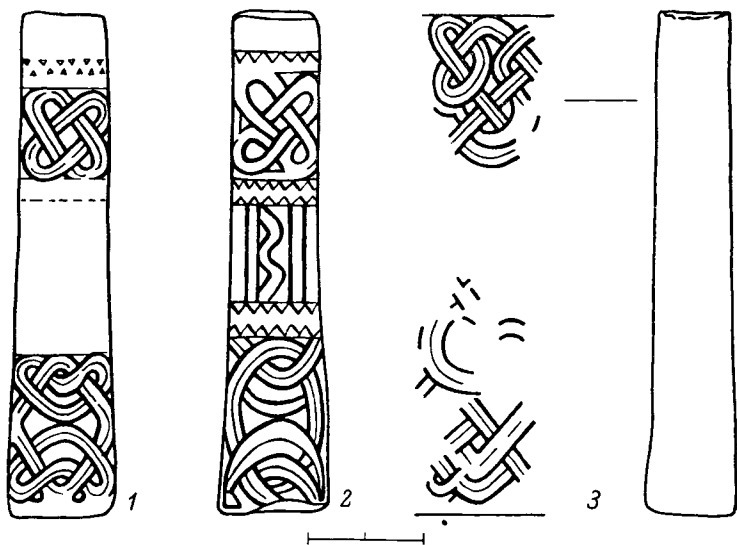

Рис. 5. Рукоятки ножей.

1 — Волковицы, Ленинградская обл.; 2 — Копорье; 3 — Приозерск (горизонт 1360—1380 гг.).

ских художественных изделий с петлевидным переплетающимся узором иллюстрируется также на примере ножей с орнаментированными бронзовыми рукоятками. Такие произведения в XIII—XIV вв. пользовались, видимо, широким спросом. Характерно их обнаружение в северно-русских городах и тяготеющих к ним чудских районах. «Узорчатые» ножи найдены, кроме Корельского городка (рис. 3, 11 и 5), в Тиверском городке,⁷⁷ в Орешке, Копорье,⁷⁸ Ладоге,⁷⁹ Ленинградских курганах,⁸⁰ в Карельских могильниках Кекомьяки (б. округ Каукола близ Кексгольма) и Каускила (близ г. Лаппинранты в Финляндии),⁸¹ в могильнике близ д. Тамировой б. Весеьонского уезда Тверской губ.,⁸² наконец, в Новгороде.⁸³ Среди перечисленных ножей есть совершенно одинаковые или близкие по отделке (Корельский городок, Тиверский городок, Кекомьяки, Каускила, Копорье, Ленинградские курганы), из чего можно заключить, что речь идет

рело-Финской ССР. — КСИМК, вып. VII, М.—Л., 1940, с. 17). Новые находки побуждают продолжить эту линию исследования.

⁷⁵ Schwindt Th. Tietoja. . ., рис. 177—179.

⁷⁶ Колчин Б. А. Новгородские древности, рис. 7, 3 и сл., а также 25.

⁷⁷ Кочкуркина С. И. Тиверск, рис. 5, 4.

⁷⁸ Любезная информация руководителей раскопок в Копорье в 1972 г. и Орешке 1973 г. О. В. Овсянникова и В. И. Кильдюшевского.

⁷⁹ Давидан О. И. Староладожские изделия из кости и рога. — Археологический сборник, 8. Л., 1966, рис. 6, 4.

⁸⁰ Спицын А. А. Курганы, табл. XI, 12. — Интересующих нас ножей, видимо, найдено несколько.

⁸¹ Schwindt Th. Tietoja, рис. 2 и 12; Salo U. Lappeen kauskilan varhaiskeskiaikainen kalmisto. — SM, LXIV, 1957.

⁸² Находка 1924 г. любезно подсказана Е. А. Рябининым [ГИМ, хр. 125, 49 б.]

⁸³ Кочкуркина С. И. Тиверск, с. 69.

о серпийном производстве и массовом распространении популярной бытовой принадлежности, которой стремились иногда подражать мастера Карельской земли.⁸⁴

В одном случае в 1972 г. в раскопе 4 на глубине 1,8—2 м удалось наткнуться на целый «склад» 115 разнообразных вещей, которые достаточно выразительно воссоздают типичную для провинциального новгородского города обстановку дома⁸⁵ и позволяют судить о имевших отношение к военной службе, рыболовству и ткачеству занятиях его обитателей. Дендрохронологическая дата комплекса — 1367 г. Здесь найдены: обломок янтарного равноконечного креста, железная шпора⁸⁶ с прорезью для звездочки, кожаные — поясной кошелек с несколькими отделениями, голенище сапога, поршень, 38 деталей обуви, части трех ткацких челноков, юрок, детали ткацкого станка, включая ниченку, чесало; берестяные — 18 трубчатых и 4 плоских овальных поплавок, части деревянных сделанных на токарном круге блюда и двух крышек, детали бочек и ушата, мутовка, орнаментированная доска (лодочное сиденье?), железное ботало и другое. Здесь же оказалась печать с изображением богородицы «Знамение» и сложного восьмиконечного креста на ее обороте (рис. 6, 1). Вторая аналогичная, но другого оттиска печать найдена в верхнем строительном слое в 1976 г. (рис. 6, 2). Печати такого типа ставились владычными наместниками и на грамотах фиксировали разного рода имущественные и прежде всего поземельные сделки. За пределами Новгорода такие печати — редчайшее явление. По новгородским анаэпиграфическим аналогиям, собранным В. Л. Яниным, они относятся к 1360—1390 гг.,⁸⁷ что соответствует предложенной выше дате верхнего строительного горизонта. Находки двух однотипных печатей владычных наместников указывают на то, в чьих руках находилась административная власть в Карельском городке во второй половине XIV в.

Укрепление городского ремесла в середине и во второй половине XIV в. демонстрирует такой массовый археологический материал, как глиняная посуда. Изучение этой посуды имеет опорное значение вообще для карельских древностей, и в отношении уточнения ряда датировок, и по вопросу о влиянии русского керамического производства на местное ремесло, как известно, получившее гончарный круг в «историческое время»⁸⁸ из русских рук. По крайней мере гончарная посуда, найденная в Карелии (включая Тиверское городище и кексгольмские могильники),⁸⁹

⁸⁴ Kivikoski E. Eisenzeit..., рис. 1225 и 1226; Schwindt Th. Tietoja..., рис. 4 и 10. Считают, что ножи с орнаментированными рукоятками типичны для карельских средневековых древностей. Соглашаясь с этим, полагаем, что новые находки расширяют наши представления о месте изготовления и распространении этих типологических разносерийных изделий. Изучение карельских древностей нельзя ограничить территорией летописной карелы. Скопление художественно отделанных вещей в местах карельских могильников свидетельствует, во-первых, о выделении зажиточных семей, и во-вторых, о своеобразном расцвете языческой обрядовой культуры, что вовсе не исключает многообразного происхождения составляющих ее элементов. Местные металлические украшения костюма, такие, как фибулы, застежки для волос, цепедержатели, бусы с напаянными спиральками дополняли привозными изделиями, по-видимому, преимущественно изготовленными городскими ремесленниками (например, медалионы и крестики с христианскими изображениями, мечи и др.). В этой связи следует заново оценить активность торговли карел с близлежащими странами Балтийского бассейна, Западной Финляндией, а также Русью.

⁸⁵ Находки извлечены из слоя навоза и земли и лежали на настиле, принадлежавшем одной постройке. Ее оконтурить не удалось, так как этому воспрепятствовали близость современной куртины и каменного арсенала.

⁸⁶ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси XIII—XV вв. Л., 1976, табл. XX, 5. — Данную шпору следует датировать второй, а не первой (как указано в книге) половиной XIV в.

⁸⁷ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. Т. II. М., 1970, с. 57 и №№ 509—510, а также 494, 496 и 505.

⁸⁸ Kivikoski E. Eisenzeit..., S. 149, рис. 1257.

⁸⁹ Schwindt Th. Tietoja..., рис. 100 и сл.

совершенно тождественна (о чем скажем ниже) найденной в Корельском городке и даже в Орешке.

При раскопках Корельского городка найдено 1600 венчиков горшков, 30 фрагментов кувшинов, 11 обломков мисок. Целых форм, к сожалению, не встречено. Эта коллекция обработана и классифицирована в отношении (что, видимо, наиболее результативно) очертаний профиля сосудов с учетом также их теста и орнаментации. Тенденции развития подавляющей массы кухонной посуды можно проследить с точностью до полувека.

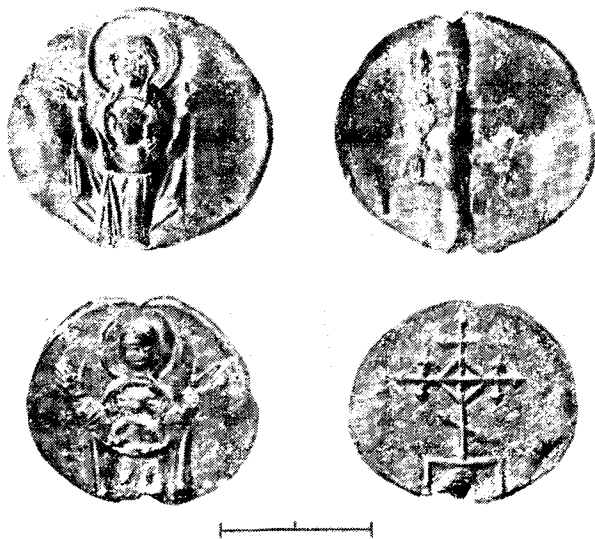

Рис. 6. Печати горизонта 1360—1380 гг.

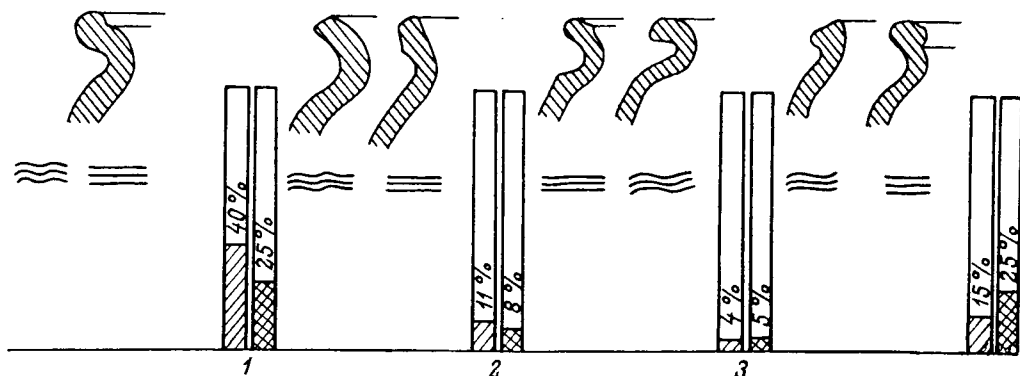
В верхнем строительном горизонте найдено 670 обломков сосудов, в нижнем — 940. Все образцы сделаны на круге, хорошо обожжены, в качестве примеси заметен кварцевый песок. От 1/5 до 1/2 упомянутых фрагментов орнаментированы по плечикам линейным и волнистым орнаментом. Единично встречаются также ряды косых насечек, ямок, прямоугольных углублений. Диаметр сосудов 16—30, чаще 18—26 см. Предлагаемая классификация в следующей последовательности отдельно по горизонтам демонстрирует серийные формы глиняных горшков XIV в. (см. таблицу, а также рис. 7).

В первую группу объединены сосуды (тип 1, рис. 7) с плавно изогнутым венчиком и внутренним валиком, по форме восходящие к прототипам XII—XIII вв. Треть этих форм снабжена по плечикам линейным и вол-

Типологическое распределение венчиков кухонной посуды Корельского городка

Горизонты	Типы						Всего
	1	2	3	4	5	6	
Верхний строительный горизонт	167	53	34	168	235	13	670
Нижний строительный горизонт	376	103	38	141	254	28	940
Итого	543	156	72	309	489	41	1610

нистым орнаментом. Чем глубже, тем таких горшков больше. В нижнем горизонте их 40% (376 экз.), в то время как в верхнем они составляют уже 25% (167 экз.). В северо-восточной части городища в раскопе 10 в предматериковом слое нижнего строительного горизонта из 65 найденных черепков 41 относились к описываемому типу 1. Таким образом, около 1310 г. эта керамика явно преобладала. Горшки этого типа являются обычными среди посуды XIII—XIV вв., найденной на территории Карельского перешейка⁹⁰ и в Орешке. К следующим двум, впрочем, не массовым категориям (тип 2 и 3, рис. 7) относятся сосуды с плавным изогнутым в профиле горлом, но уже без внутреннего валика и с плоским срезом края. С ними соседствуют образцы с полуциркульным в профиле венчиком и мысообразным внутренним выступом вместо валика. Число образцов названных двух типов не превышало 4—11%, примерно половина их снабжена линейной и волнистой орнаментацией.⁹¹ Последующие

группы объединяют образцы, представляющие новые формы своего времени. К тому же и изготовлены они не из серой, как было до сих пор, а из беложгущейся глины. Для этих форм характерны звонкий черепок, отсутствие грубых крупных примесей в тесте, снижение до 1/4—1/5 и ниже количества орнаментированных образцов. Таковы, в частности, горшки с грибовидным в профиле венчиком (тип 4, рис. 7). В нижнем горизонте их 15% (141 экз.) общего числа черепков, в верхнем — уже 25% (168 экз.). Эволюция этой формы, видимо, породила сосуды с вертикальным горлом, увенчанным небольшим односторонним козырьковым валиком (тип 5, рис. 7). Качество, прочность, привлекательный вид обеспечили этим образцам все большую популярность. Характерно, что в количественном отношении они опередили сосуды других типов. В нижнем горизонте черепков данного типа подсчитано 27% (254 экз.) всех находок, в верхнем — 35% (235 экз.). Обломки сосудов из беложгущейся глины неоднократно находились в кексгольмских могильниках и Тиверском городке.⁹² Но только теперь они получают надежную дату и по крайней мере частично единый производственный адрес.⁹³

В заключение отметим образцы со своеобразным изгибом горла в виде фигурной скобки с внутренним валиком. Эта форма известна в северорусских древностях начиная с XI в., она популярна в Псковской земле, но для более северных районов не типична. Малочисленность наших находок (от 2 до 3%) это подтверждает.

Итак, археологические изыскания Корельского городка XIV в. выявили новые данные как о возникновении и значении самого города, так и

⁹⁰ Schwindt Th. Tietoja, рис. 117—119 и сл., целые формы — рис. 133 и 165.

⁹¹ Сравни: Schwindt Th. Tietoja, рис. 122, 467, 473, 474, 481.

⁹² Schwindt Th. Tietoja..., тип 4 — рис. 134, 473, 489; тип 5 — рис. 125, 131, 135, 137, 147, 436, 452, 453, 485.

⁹³ Разумеется, нельзя отрицать производство этой посуды в сельской местности по высококачественным городским образцам.

о взаимодействии города и округа, в данном контексте карельской и русской ремесленной культур. Появление в западном Приладожье новой для своего времени городской организации способствовало экономическому подъему всей Карельской земли, а также ее хозяйственной и социально-политической интеграции в рамках Северной Руси. Местное население было втянуто в общерусскую торговлю и в свою очередь само стало посредничать в деле распространения городской продукции среди западных карелов и финнов. В то же время активизируются внутриобластные связи, соответствующие растущим потребностям сельских поселений. Все эти процессы ускорили внедрение феодальных порядков, что до той поры происходило в более замедленном виде. Перемены, однако, не только не придавили самобытную карельскую культуру, но и способствовали ее явному расцвету. Язычество уживалось с христианством. Был, в частности, сохранен и, похоже, еще более разработан племенной, в особенности жен-

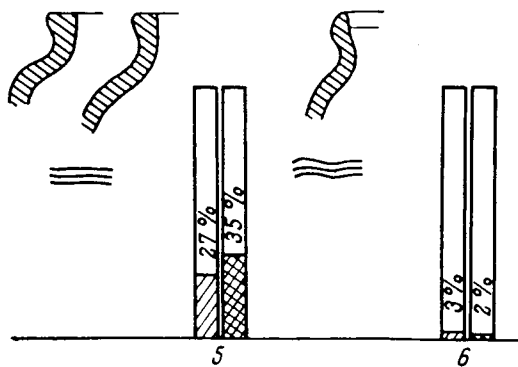

Рис. 7. Венчики сосудов XIV в. Типологическая схема. Косая штриховка показывает количество находок строительного горизонта 1310—1360 гг., перекрестная — 1360—1380 гг.

ский, убор. Местное население получило возможность все в возрастающих количествах приобретать украшения привычных форм, выработанные в городских мастерских. Сюда прибавляется взаимная веротерпимость и отсутствие религиозного антагонизма, что создало основу для беспрепятственного производства таких предметов, которые носили очевидные признаки языческих верований (например, так называемые звериные фибулы). Влияние русского ремесла на карельское, однако, вовсе не сводилось к подлаживанию мастеров к местным вкусам. Высокоразвитая продукция новгородцев, видимо, оказала преобразующее воздействие на технику всего края. Новый стимул получили бронзолитейное, кузнечное, особенно гончарное ремесло. Серийные партии доступных городских изделий хлынули на местный рынок, как только сформировался свой областной производящий центр и наладилось обоюдывыгодное торговое сообщество с Новгородом. Однако роль Карельского городка как своеобразного русско-карельского центра и проводника новгородского влияния не была все время одинаковой. Подъем к самостоятельности карельской знати, ее временами недовольство новгородскими порядками и своевольные «переветы» к шведам, общее усиление феодальной эксплуатации, рост военной угрозы на ближайших рубежах — все это во второй половине XIV в. наложило свой отпечаток на русско-карельские отношения и привело к постепенному устранению карельских валитов от участия в городских делах.

В. В. Седов

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Новгородская земля с глубокой древности была заселена племенами финно-угорской языковой группы. Об этом свидетельствуют и археология и гидронимия. К раннему железному веку относятся здесь поселения с текстильной керамикой. Водные названия финно-угорского происхождения составляют значительный пласт в гидронимии всей северной части Восточной Европы. Многочисленны они и на территории Новгородской земли. Последняя вместе с Эстонией, Северной Латвией, Карелией и Финляндией входит в ареал прибалтийскофинских, или западнофинских гидронимических типов.¹

Для изучения этнической истории Новгородской земли первостепенное значение имеют могильные древности. К сожалению, погребальные памятники прибалтийскофинского населения, занимавшего будущую Новгородскую землю в период, непосредственно предшествовавший славянскому расселению, пока неизвестны. Обширный регион, принадлежавший древним прибалтийскофинским племенам, в первой половине I тысячелетия н. э. по характеру погребений дифференцировался на две части. Для его западных районов свойственны наземные могильные сооружения из валунов и плит — каменные могильники с оградками, заключающие захоронения по обряду кремации. В более обширной восточной части древнего прибалтийскофинского региона могильники этого времени не выявлены. Только в отдельных местах Западного Приильменя известны единичные каменные могильники,² скорей всего не имевшие здесь широкого распространения.

К первой половине VI в. н. э. относятся этногеографические сведения готского историка Иордана. Среди восточноевропейских племен называются *Thiudos* и *Vasi* без указания географических координат.³ Очевидно, что первый этноним соответствует чуди русских летописей — группе прибалтийскофинских племен. Во втором этнониме, по-видимому, нужно видеть весь, заселявшую Белоозерье с прилегающими к нему территориями.

С VI—VII вв. на территории Новгородской земли получили распространение оригинальные погребальные сооружения — сопки и длинные курганы.⁴ Их появление несомненно обусловлено появлением здесь нового населения. На основе генетической преемственности этих памятников с последующими за ними достоверно славянскими курганами можно утверждать, что время сооружения сопок и длинных курганов и захоронения в них соответствует первому этапу славянского освоения Новгородской земли.

¹ Vasmer M. 1) Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas; 2) Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. — Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin, 1934, S. 351—440.

² Седов В. В. Новгородские сопки. — САИ, 1970, вып. Е1—8, с. 17, 18.

³ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, с. 150.

⁴ Седов В. В. 1) Новгородские сопки; 2) Длинные курганы кривичей. — САИ, 1974, вып. Е1—8.

Сопки — высокие крутобокие насыпи, как правило, с уплощенной вершиной и кольцевой валуной обкладкой в основании. Сооружались они в несколько приемов, поэтому имеют многоярусное строение. Умерших хоронили по обряду кремации, совершаемому на стороне. Кальцинированные кости, собранные с погребального костра, помещались в неглубоких ямах в верхней части насыпи или бросались прямо в насыпь, видимо, при ее сооружении. Количество захоронений в каждой сопке исчислялось десятками, но далеко не все из них сохранились до наших дней.

В новгородских сопках отчетливо проявляются элементы, не связанные со славянской погребальной традицией.⁵ Это прежде всего — наличие во многих насыпях разнообразных сооружений из камней — площадки, выложенные из камней в один или несколько ярусов, полукруги из валунов или просто груды камней. Они встречаются как в основаниях сопок, так и выше в насыпях и связаны с захоронениями. Каменные кладки имеют ближайшие аналогии среди могильных памятников прибалтийских финнов — води и эсто-ливских племен. Груды, сложенные из камней, обнаруживают сходство с сооружениями, зафиксированными в водских и водско-славянских курганах Ижорского плато.

Финно-угорской традицией в сопках является и ритуал жертвоприношения животных. Кальцинированные или несожженные кости животных (лошади, коровы, барана, медведя, зайца и птиц) встречены во многих сопках при захоронениях остатков трупосожжений или непосредственно в насыпях. Следы подобных жертвоприношений животных многократно зафиксированы в ряде финно-угорских регионов — в Водской земле, Приладжье, Ярославском Поволжье, мерянском Ростово-Суздальском крае, Прикамье и др. Культурное почитание животных у древних обитателей лесной полосы Восточной Европы не раз отмечалось исследователями.

Основной район распространения сопок — бассейн Ильменя со смежными областями бассейнов Луги, Плюсы и Мологи. Как раз здесь «Повесть временных лет» локализует словен новгородских — «Словени же седоша около озера Илмера».

Финно-угорские элементы выявляются и в длинных курганах Псковщины — невысоких валообразных насыпях, содержащих по несколько захоронений по обряду трупосожжения. Таковыми являются ритуал очищения огнем площадки, выбранной для сооружения курганной насыпи, от которого в основании последней остается зольно-угольная прослойка и кладки из камней, имеющие параллели в погребальных памятниках западнофинского населения.⁶ Аналогичный ритуал очищения огнем могильных сооружений среди эсто-ливских племен бытовал уже со II в. н. э., а в начале 2-го тысячелетия н. э. зафиксирован у води.

Материалы сопок и длинных курганов свидетельствуют, что в процессе славянского расселения местное население не покидало мест своего обитания. Славяне и финноязычное население некоторое время жили на одной территории и постепенно смешивались между собой. Поэтому и новгородские сопки, и псковские длинные курганы можно рассматривать как памятники славяно-финского населения (рис. 1). Следовательно, словене новгородские и псковские кривичи были наследниками культуры местных финнов, так как они сформировались в результате метисации племен, принесших славянский язык, с финноязычными абorigенами.

Таким образом, ядро населения Новгородской земли сложилось в условиях славяно-финского симбиоза, что оказало заметное влияние на дальнейшую этническую историю этого края. Помимо словен и кривичей псковских в состав Новгородской земли с самого начала формирования ее территории вошло финноязычное население низовьев Волхова и юго-вос-

⁵ Седов В. В. Новгородские сопки, с. 16—22.

⁶ Седов В. В. Длинные курганы кривичей, с. 16—18.

точного Приладожья. Сопоставление исторической карты с археологической показывает, что древнейшая часть Новгородской земли охватывает исключительно области, в которых в IX—X вв. был распространен курганный обряд погребения (рис. 2).

Во второй половине IX в., как свидетельствуют древнейшие русские летописи и восточные источники, на территории Новгородской земли сложилось одно из государственных образований, предшествующих единому

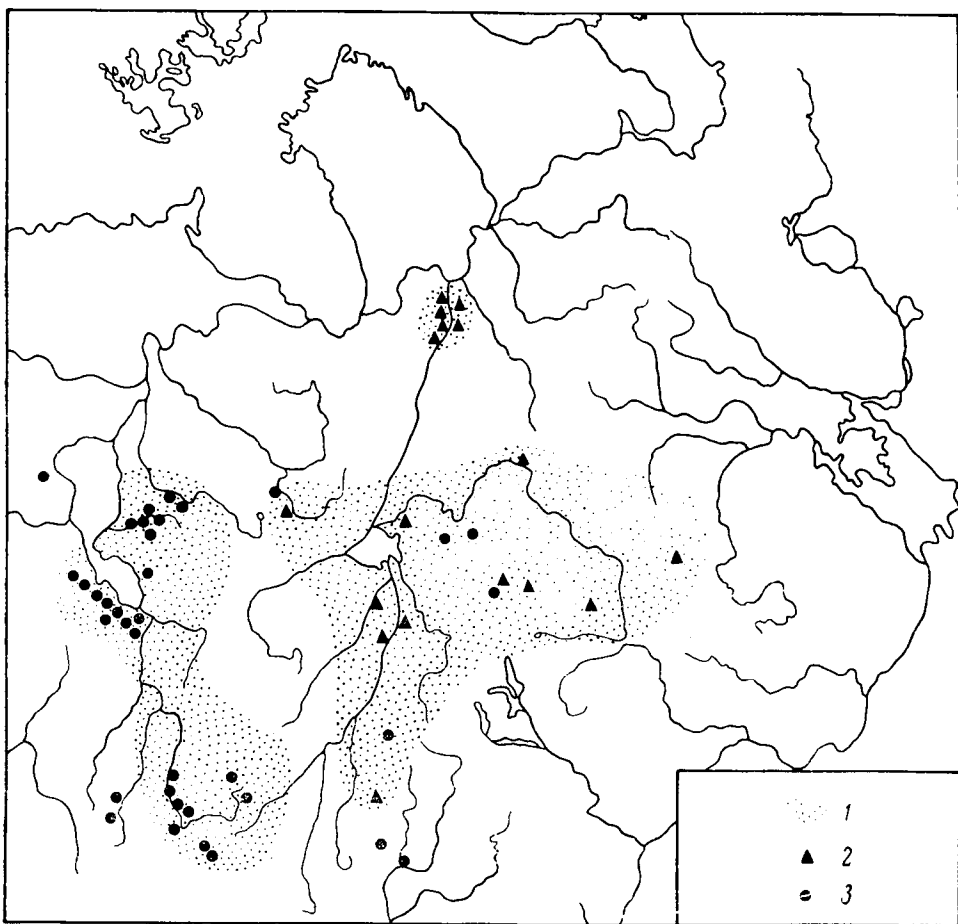

Рис. 1. Формирование ядра славянского населения Новгородской земли.

1 — регионы плотного распространения сопки (Приильменье) и длинных курганов (бассейны р. Великой и Псковского озера); 2 — сопки с финно-угорскими элементами; 3 — могильники с длинными курганами, содержащими финно-угорские элементы.

древнерусскому государству. Арабские источники называют его Славией,⁷ а летописи — княжение словен с Новгородом во главе.⁸

Легенда о призвании варягов на Русь, попавшая в летопись сравнительно поздно, не ранее конца XI в., неоднократно анализируемая историками, показавшими ее тенденциозность и политический характер, рассказывает об этом объединении несколько подробнее.⁹ Общим для всех

⁷ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 416.

⁸ Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950, с. 11, 13.

⁹ Там же, с. 18.

ее вариантов является рассказ о том, что сначала словене, кривичи, меря и чудь платили дань варягам, а после изгнания последних «начаша владети сами себе». В результате междоусобиц, согласно легенде, словене, кривичи и чудь приглашают князей со стороны. Рюрик стал княжить в земле словен, Трувор — в Изборске, центре псковских кривичей, а Синеус — в собственно финской части Новгородской земли. Через два года новгородский князь, по-видимому, объединил эти три княжества.

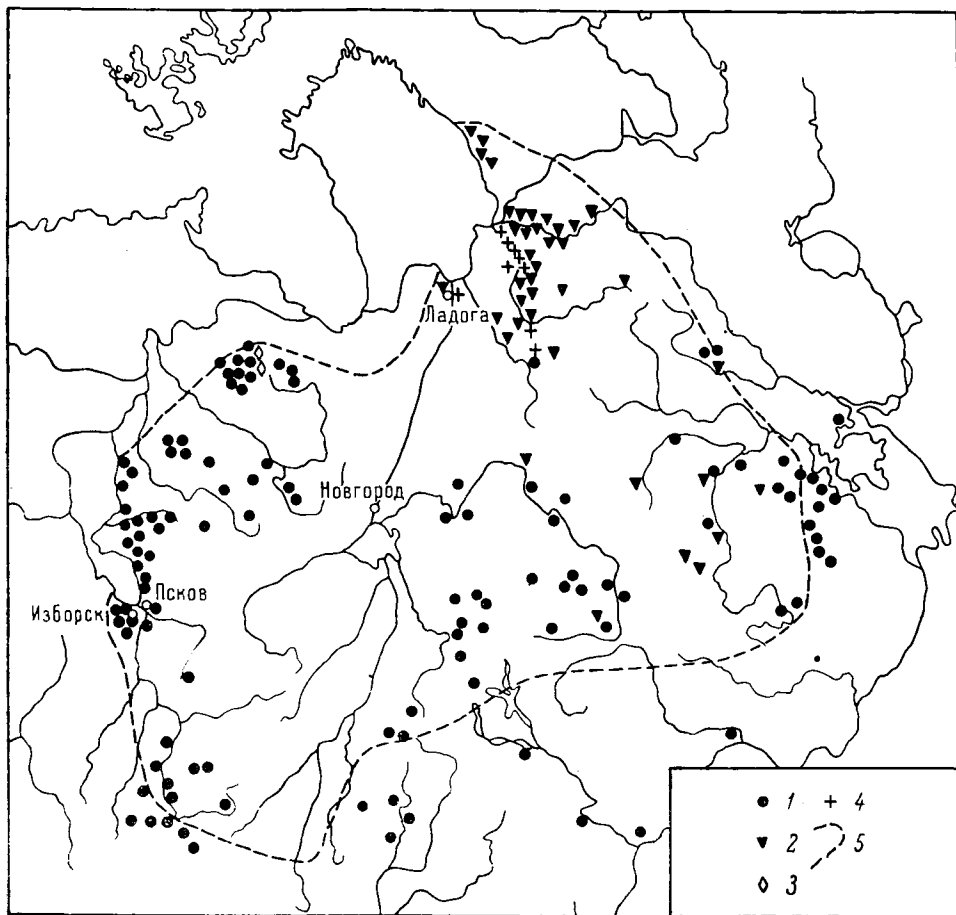

Рис. 2. Новгородская земля в X—начале XI в.

1 — курганные могильники словен новгородских и кривичей; 2 — курганные группы веси; 3 — могильники води; 4 — могильники со скандинавскими курганами; 5 — приблизительная граница Новгородской земли.

Источники не едины в перечне участников этого государственного объединения. Бесспорно, что в составе последнего были словене новгородские и кривичи. Третьим конфедератом называют чудь, мерю или весь. Археология свидетельствует, что ядро населения Новгородской земли составили словене, псковские кривичи и приладожская чудь — одна из групп племени веси.

Федеративное строение первого государственного образования в Новгородской земле нашло отражение и в структуре самого Новгорода. Первоначально этот город подразделялся на три конца — Словенский, Неревский и Людин. По-видимому, Новгород объединил в себе три разноплеменных поселения, одно из которых находилось на Словенском холме и, очевидно, принадлежало словенам, два других — на левом берегу Вол-

хова, в будущем Неревском конце, связанное с финским населением, и в будущем Людином конце, вероятно, кривичское.

Со временем, когда Новгородская земля вошла в состав Древнерусского государства, ее прежняя трехчастная структура не стерлась. Следы последней отчетливо проявляются в летописных записях, освещающих события второй половины X и XI в. Так, новгородское войско в это время обычно составлялось из словен, чуди, кривичей и наемных варягов. В военно-административном отношении Новгородская земля делилась на три сотни.¹⁰ В XII в., когда Новгородская земля стала самостоятельной единицей Древней Руси, в летописях называются ее три главных центра — Новгород, Псков и Ладога. Эти города связаны с определенными округами. Новгород был центром словен, Псков стал главным городом псковских кривичей, а Ладога — славяно-финского населения нижнего Волхова и тяготеющего к нему юго-восточного Приладожья. Новгородцы, ладожане и псковичи — термины XII в., заменившие прежние племенные названия. Ареал приладожской чуди составил Ладожское наместничество, одну из составных частей Новгородской земли.

В XII—XIII вв. основу населения Приильменья и Псковщины составляли славяне, а в северных и северо-восточных областях расширяющейся Новгородской земли по-прежнему преобладало финноязычное население (рис. 3).

В это время новгородцы осваивают Заонежье, Двинские земли и продвигаются далее на восток. К сожалению, археология не располагает достаточными материалами для характеристики этнической структуры северо-восточных территорий Новгородской земли. Их освоение славянами началось уже не в курганную, а в христианскую эпоху.

Северо-западную часть Новгородской земли заселяла водь — одно из прибалтийскофинских племен. Уже в XI—XII вв. в культурном отношении водь сближается со славянами. Под воздействием расселившихся на Ижорском плато славян среди водского населения распространяется курганный погребальный обряд и древнерусская культура. Собственно водские курганы выделяются среди славянских подбором женских украшений. Характерными для этого племени стали многобусинные височные кольца, полые подвески-уточки и различные шумящие привески.¹¹ Выделяются водские захоронения и по данным антропологии.¹² Курганные материалы дают возможность проследить постепенное смещение воды со славянами, что привело к славянизации значительных масс финно-угорского населения.

В XIII—XIV вв. собственно водской оставалась лишь прибрежная полоса Финского залива. Курганные насыпи здесь неизвестны. Однако не выявлено здесь и иных погребальных памятников этого времени. Очевидно, водское население, не затронутое древнерусской культурой, хоронило умерших по каким-то старым обычаям.

До XII в. погребальных памятников корелы — прибалтийскофинского племени, заселявшего пространство между Финским заливом и Ладожским озером, нам неизвестно. Однако было бы преждевременным делать на этом основании вывод о том, что население здесь появилось лишь в столь позднее время, или о том, что это племя сформировалось лишь в XII в. Скорее всего, финноязычное население западного Приладожья, как и другие племена восточной группы прибалтийских финнов, хоронило умерших каким-то наземным способом. Появление курганного об-

¹⁰ Куза А. В. Новгородская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 147, 148.

¹¹ Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода. — СА, 1953, XVIII, с. 190—229; Моора Х. А., Моора А. Х. Из этнической истории воды и ижоры. — В кн.: Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Сб. статей. Таллин, 1955, с. 63—74.

¹² Седов В. В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода. — КСИЭ, 1962, вып. XV, с. 72—85.

ряда погребения в землях води и веси обусловлено славянским воздействием, а среди приладожской чуди — скандинавским или скандинавско-славянским влиянием.

Финского населения западного Приладожья подобное воздействие не коснулось. В период первоначального формирования территории Новгородской земли регион корелы находился за пределами ее границ. Трудно сказать, когда область расселения корелы вошла в состав Новгородской земли, но несомненно, что в XII и последующих столетиях она уже со-

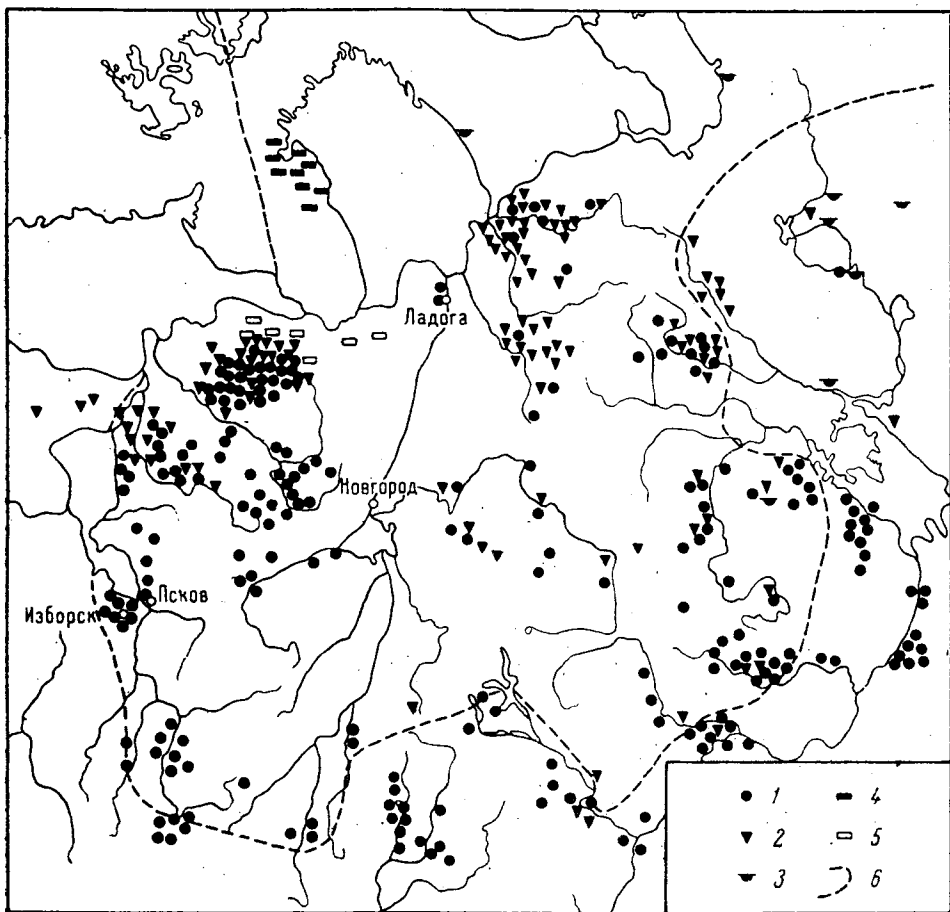

Рис. 3. Новгородская земля в XII—XIV вв.

1 — курганные могильники словен новгородских и кривичей; 2 — курганные могильники води и веси; 3 — грунтовые могильники веси; 4 — могильники корелы; 5 — могильники ижоры; 6 — приблизительная граница Новгородской земли.

ставляла часть этой земли. Новгородцы не ломали местного уклада жизни этого племени и не вводили здесь своей администрации. Корела, признав себя зависимой от Новгорода и согласившись на уплату дани, сохранила внутреннюю самостоятельность и создала собственную культуру.

Влияние Новгорода на культуру корелы XII—XIV вв. несомненно. В частности, корельский растительный орнамент впитал в себя византийские особенности изображения растений и пальметок через новгородскую культуру. Среди корельских металлических украшений появляются изделия новгородских ремесленников. Наряду с культурным воздействием из Новгорода распространяется и христианское влияние. В корельских могильниках нередко встречаются предметы — христианские символы, в том

числе и крестики. Не исключено, что появление у корелы грунтовых захоронений по обряду трущоположений в земле является результатом влияния христианства. В пользу этого свидетельствует и то, что так называемые кексгольмские могильники¹³ имеют весьма небольшое распространение и безусловно не очерчивают всего региона расселения корелы. По-видимому, христианское влияние затронуло в XII—XIII вв. лишь небольшую часть этого племени, остальная же его часть продолжала хоронить умерших каким-то старым, неизвестным археологам способом.

При этом необходимо подчеркнуть, что кексгольмские могильники ни в коем случае нельзя считать христианскими. Погребения в них совершались в срубах и на шкурах животных, что, очевидно, является реликтами прежней погребальной обрядности, а также сопровождалось по языческому обычаю многочисленными предметами.

Аналогичная ситуация наблюдается в земле ижоры. Это племя, занимавшее земли по обе стороны р. Невы, находилось в союзническо-данических отношениях с Новгородом. Как и в земле корелы, здесь на первых порах не было новгородской администрации. Племенем ведала собственная знать. Курганный обряд захоронения не распространился от славян к ижорскому населению. Могильники ижоры относятся только к XIII—XV вв. и содержат грунтовые захоронения по обряду пнгумации, преимущественно безы Inventарные и часто ориентированные по христианскому обычаю головой на запад.¹⁴ Скорей всего, они оставлены христианизированной частью ижоры, а остальная часть этого племени продолжала хоронить умерших по прежнему языческому ритуалу, реликтивно дожившему до XIX в. Еще в 50-х гг. прошлого столетия на некоторых так называемых «чухонских» кладбищах юго-западнее Петербурга наряду с обычными могилами существовали «дома мертвых» — старые деревянные продолговатые строения с низкими стенами под крышей, разделенные на несколько отделений. Каждое отделение принадлежало определенной деревне, куда и свозили умерших и погребали, не закапывая в землю.¹⁵

Таким образом, этническая история Новгородской земли подразделяется на два периода. Первый из них можно назвать периодом славяно-финского симбиоза. В это время в результате тесного, в основном внутрирегионального взаимодействия новгородских словен и псковских кривичей с местным прибалтийско-финским населением формируется ядро населения Новгородской земли. Этот процесс оказал воздействие и на языковое развитие новгородцев. Их диалект, как и некоторые другие диалекты северно-русского наречия, характеризуется финно-угорскими лексическими элементами и некоторыми фонетическими особенностями, оформившимися в результате действия финского субстрата.¹⁶

Второй период датируется XI—XIV вв. и характеризуется расширением территории Новгородской земли за счет вхождения в ее состав прибалтийско-финских племенных регионов. Только в ряде случаев при этом имели место расселение новгородцев и установление в этих районах администрации Великого Новгорода. В основном же расширение Новгородской земли осуществлялось в результате союзнического присоединения к Новгороду племенных территорий прибалтийских финнов. Очевидно, то обстоятельство, что новгородцы сформировались в условиях славяно-финского симбиоза, во многом способствовало сложению союзнических отношений прибалтийско-финских племен с Новгородом.

¹³ Schwindt Th. Tietoja Karjalan rautakaudesta. — SMYA, Helsinki, 1893. XIII; Nordman C. A. Karelska järnåldersstudier. — SMYA, 1924, XXXIV.

¹⁴ Седов В. В. Этнический состав населения. . . с. 200—202.

¹⁵ Висковатов П. А. Тюрельские раскопки. — Труды VII археологического съезда, т. 2. М., 1891, с. 207. — Очень вероятно, что предшественниками этих могильных сооружений являются «домики мертвых» — наземные бревенчатые погребальные постройки, исследованные археологами на городищах Волго-Окского междуречья.

¹⁶ Veenker W. Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington, 1967.

СВЯЗИ ЗАПАДНЫХ ФИННОВ С ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПОЙ В ЭПОХУ ВИКИНГОВ

Новейшие сведения о железном веке Финляндии были получены за последние годы во время раскопок в районе Эура. Этот район расположен примерно в сорока километрах от побережья Ботнического залива, на северном берегу озера Пуохаярви. Область Эура уже давно известна своими замечательными находками, самыми знаменитыми из которых являются, пожалуй, два меча, найденные в Паппиланмяки. Один из них относится к эпохе Меровингов, другой — ко времени крестовых походов.¹

Район Эура и соседний с ним район Кеюлие являются исключительными в том смысле, что здесь ингумация началась уже примерно к 600 г., тогда как в остальной части Финляндии захоронения по обряду ингумации сменили погребения с сожжением лишь в одиннадцатом веке.² Например, в могильнике Луистари в Эура, являющемся самым большим языческим кладбищем из найденных до настоящего времени в Финляндии, мы можем проследить развитие способа захоронения начиная от седьмого века н. э. до времени принятия христианства. Этот могильник был открыт только в 1969 г., и в течение 1969—1972 гг. раскопками было вскрыто более 400 могил, что представляет собой, возможно, только половину общего количества захоронений этого некрополя. Среди обнаруженных могил, относящихся к эпохе викингов, особенно интересными оказались несколько погребений, в том числе одно, самое богатое, вскрытое в 1972 г.

Это погребение, зарегистрированное под № 348, имело размеры на уровне дневной поверхности 4×2 м, а глубина от поверхности составляла от 85 до 95 см. Здесь открыта деревянная конструкция, занимавшая пространство примерно в 320×130 см (рис. 1). На остатки гроба это сооружение не похоже. Погребение ориентировано с юго-запада на северо-восток, как и большая часть захоронений в Луистари. Первоначальный внешний признак погребения — большие камни у его юго-западной оконечности.

Несмотря на относительно большие размеры, в могиле № 348 находились останки только одного человека и, вероятно, кости собаки. Находки отличались большим богатством (рис. 2). С правой стороны находились два наконечника копья. Один из них, с канелированной втулкой, можно отнести к типу Е по Я. Петерсену, а другой, короткий и довольно широкий, к типу промежуточному между типами А и Е (рис. 2, 8, 9). Подобные образцы широко представлены в Финляндии. С левой стороны покойника были обнаружены: меч типа Х по Я. Петерсену, скрамасакс, нож, коса и ножницы (рис. 2, 1—5), а также небольшой висячий замок (рис. 2, 11) и два кошелька. В одном из них, покрытом бронзовыми пластинками, находились куски огнива, в другом — восемь гирек (рис. 2, 15), шесть кубической формы, а две округлые и плоские; там же был бронзо-

¹ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973, Abb. 512, 1166; Salmo H. Merovinkiaikaisen ratsusotilaan hautakalusto Euran pitäjän Pappilanmäestä. — SM, 1940, S. 11—25; Leppäaho J. Späteisenzeitliche Waffen aus Finnland. — SMYA, Helsinki, 1964, 61, Taf. 40—41.

² Cleve N. Skelettgravfältet på Kjuloholm i Kjulo, I. Den yngre folkvandringstiden. — SMYA, 1943, XLIV, S. 217.

вый предмет, использовавшийся, вероятно, для взвешивания. В этом же кошельке находились три целые и три фрагментированные арабские монеты (рис. 2, 16), чеканенные в конце IX—начале X в., за исключением одной более поздней, датируемой 926/927 гг.

Около правого бедра покойника найдены: огниво с бронзовой рукояткой (рис. 2, 12), украшенной двумя конными фигурками, небольшое подвесное

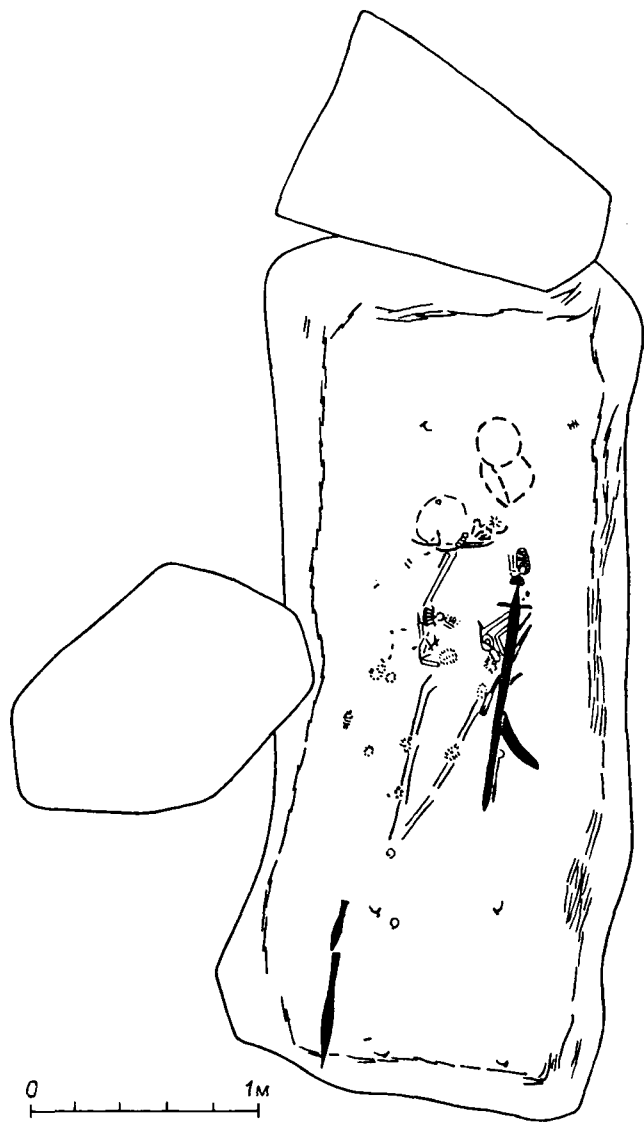

Рис. 1. Погреб. № 348 могильника Луистари (Эура).

точило³ и небольшой нож (рис. 2, 13, 14). Эти предметы, вероятно, были подвешены к поясу на цепочке из железных звеньев. Там же найден бронзовый «усатый» перстень,⁴ а немного ближе к центру, на месте живота покойника, оказалось украшение, сплетенное из спиралей и шерстяных нитей (рис. 2, 10), которые, видимо, представляли собой остаток пояса с кистью. Остатки подобных поясов были найдены во многих погребениях Луистари, относящихся к первой половине X в.

³ Kivikoski E. Op. cit., Abb. 1011 und 983.

⁴ Ibid., Abb. 756.

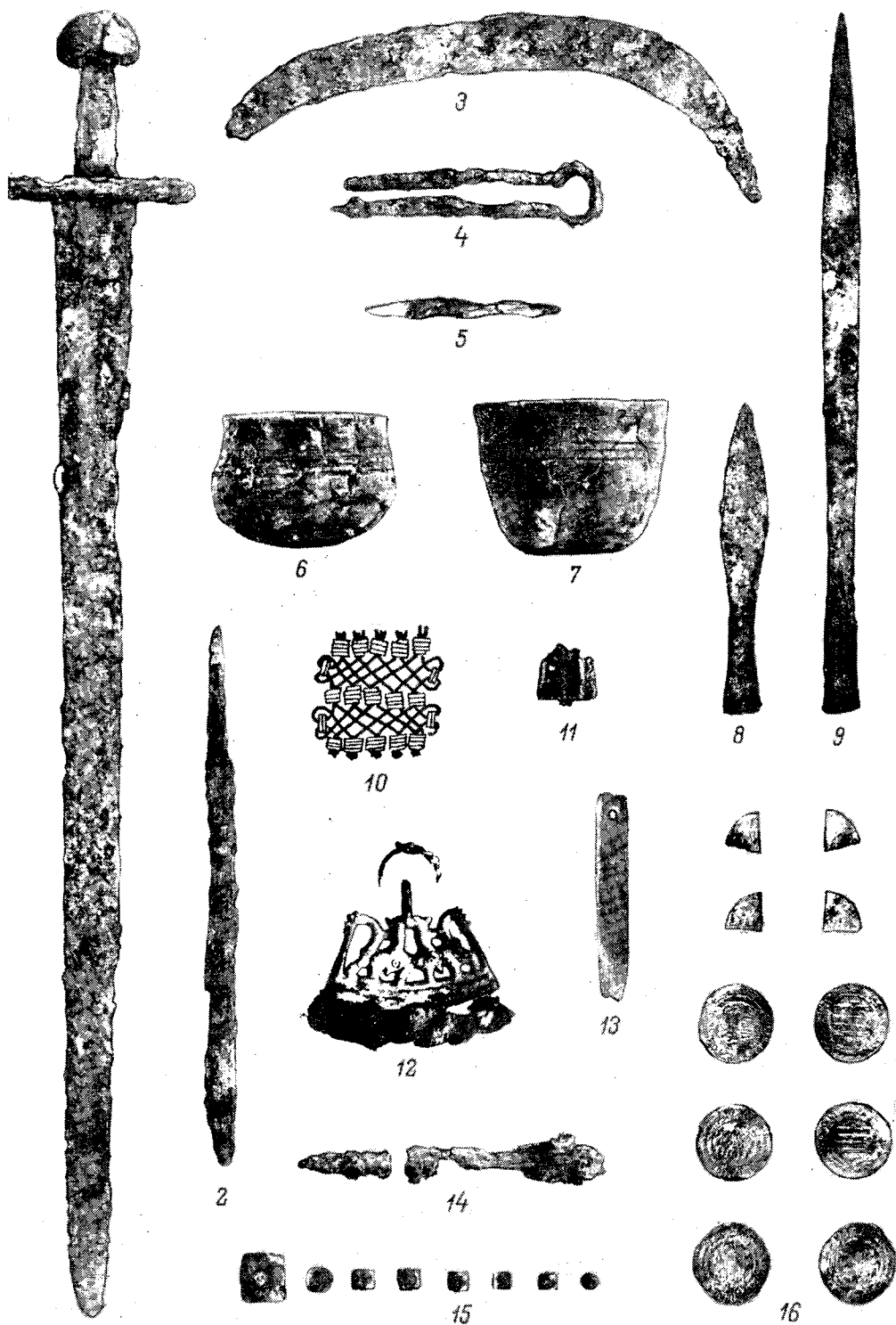

Рис. 2. Часть погребального инвентаря погреб. № 348, Луистари.

На скелете были также обнаружены украшения, сплетенные из бронзовых спиралей, которые, насколько можно судить по сохранившимся остаткам ткани, являлись украшениями плаща, окрашенного в синий цвет. У головы находились два глиняных сосуда (рис. 2, 6, 7), а у ног — останки

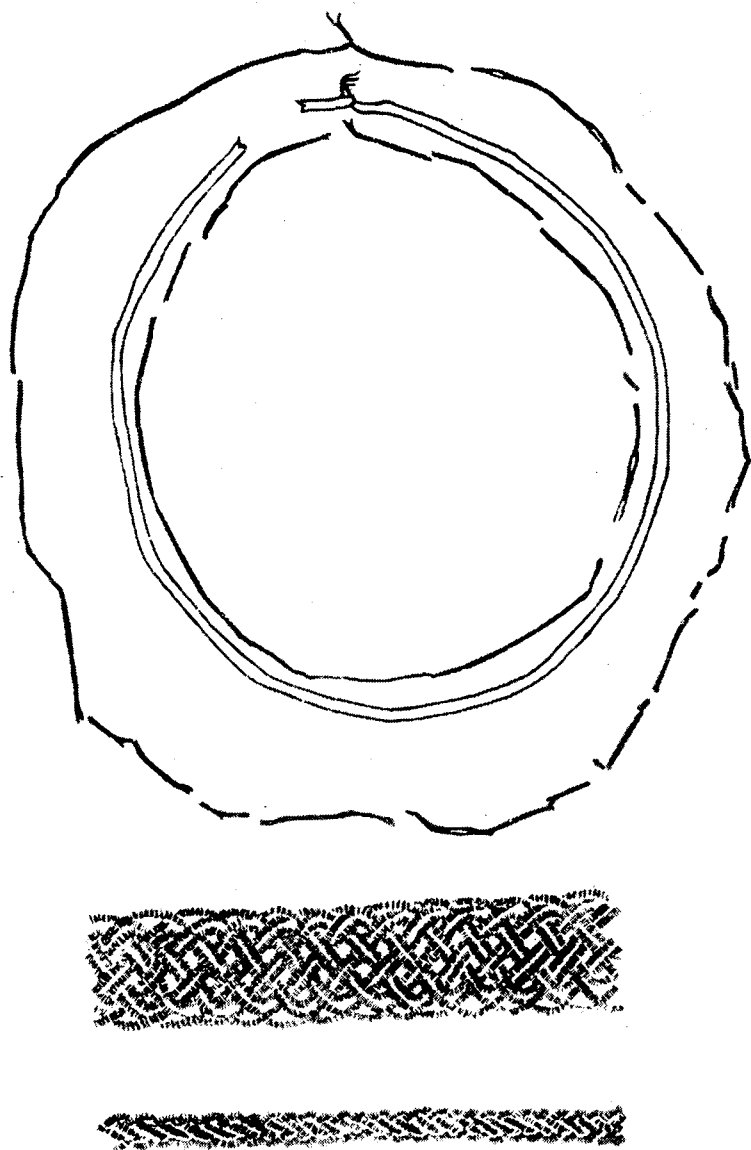

Рис. 3. Серебряные галуны. (Схематический рисунок).

животного, видимо собаки. В погребениях Луистари часто находят кости этого животного. Около шеи захороненного находилось скопление серебряного галуна⁵ (рис. 3). Назначение этой находки было определено только при лабораторных исследованиях, когда заметили, что галуна был нашит на шелковую одежду золотистого цвета. Подобные же волокна были обна-

⁵ Ср.: Geijer A. Birka III. Textilfunde aus den Gräbern. Uppsala, 1938, Taf. 26. 1—3.

ружены и под платированным бронзовыми пластинками кошельком и огнивом. Погребенный, возможно, был в каком-то шелковом одеянии, быть может в тунике, ворот которого был обшит серебряным галуном.

Великолепной оказалась и кольцеобразная фибула, которая закрепляла синий плащ. Игла ее железная, само же кольцо бронзовое, позолото-

Рис. 4. Кольцевидные фибулы из погреб. № 348 и 135 Луистари.

ченное и посеребренное с наружной стороны. Фибула украшена головками животных, а также переплетениями, типичными для так называемого стиля Борре. Узкие посеребренные части кольца украшены чем-то вроде шевропов. Другая фибула с украшениями в стиле Борре⁶ была найдена в Луистари в погребении № 135. Она также бронзовая с железной иглой, но на ней отсутствовали следы серебра и позолоты (рис. 4).

⁶ Тип — Arbm an H. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940, Taf. 42, 3.

Ранее в Финляндии найдены только две хорошо сохранившиеся кольцеобразные фибулы того же типа: одна из них происходит из могильников Анивехмаа в Юлянне, а другая — из Сунда на Аландском архипелаге.⁷ Кроме того, известны еще фрагменты двух других фибул с Аландских островов.⁸

К этой группе следует отнести две любопытные застёжки с деградировавшим орнаментом, происходящие из континентальной части Финляндии,⁹ — доказательство того, что подобные фибулы были там известны, так как в противном случае в данном районе не было бы этих подражаний.

Фибула, найденная в погребении 348, сходна с такими же застёжками, обнаруженными в шведской Бирке,¹⁰ а также в д. Горка на реке Паше и в курганном могильнике Гнездово возле Смоленска.¹¹ Подобные фибулы найдены на пространстве от Норвегии до окрестностей Киева (рис. 5). Среди 61 известной нам фибулы этого типа по крайней мере 25 были найдены на территории Советского Союза (среди последних только одна в юго-восточной Прибалтике — в Литве), 8 — в Финляндии, 5 — на Готланде, 12 — в Бирке, 8 — в других местах Швеции и 3 — в Норвегии.¹²

Разновидности фибул рассматриваемого типа позволяют заключить, что они изготовлялись во многих местах. Орнаментальные мотивы некоторых из них приняли геометрическую форму, что явилось следствием схематизации и упадка стиля. Таковы, например, украшения застёжек из Халикко и из Каарины, которые, вероятно, можно отнести к изделиям финского производства.

Фибулы из Луистари по всей вероятности являются предметами импорта, но еще точно не установлено, откуда они были ввезены — из Скандинавии или с Востока. Установлено, что именно в Бирке было найдено больше всего кольцеобразных фибул подобного типа. Учитывая, что имеется много вариантов данных фибул и что некоторые из них свидетельствуют об упадке их исполнения, можно не сомневаться в том, что они выполнялись в разных мастерских.

Различаются эти фибулы и по технике изготовления. Самой оригинальной формой отличалась фибула с орнаментированной головкой и отдельным кольцом.¹³ Именно к этому типу относятся найденные серебряные фибулы. В другом варианте головка фибулы присоединена к кольцу и сзади прикреплена игла.¹⁴ Один из вариантов отмеченного типа представляет собой украшение, в котором морда верхнего животного продолжена вниз чем-то вроде псевдофибулы, доходя до групп изобразжений внизу; игла прикреплена на спинке.¹⁵ Кроме того, имеется фибула, представляющая собой одно целое,¹⁶ но она отличается от других также и своей орнаментацией.¹⁷

⁷ Hirviluoto A. L. Yläneen Anivehmaan viikinkiaikainen rengasneula. Osma. 1962—1963, fig. 3, 4; Kivikoski E. Die Eisenzeit. . ., Abb. 722, S. 99.

⁸ Kivikoski E. Suomen rautakauden kuvasto II. Porvoo, 1951, fig. 665.

⁹ Hirviluoto A. L. Yläneen. . ., fig. 5; Kivikoski E. Die Eisenzeit. . ., Abb. 724, S. 99.

¹⁰ Arbm an H. Birka I, Taf. 42, 1, 4.

¹¹ Raudonikas W. J. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, Abb. 54; Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник близ Смоленска. — МАР, 28, СПб., 1902, табл. I, 11 и 16.

¹² Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского типа. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — Труды ГИМ, 43. М., 1967, с. 203—206; Arne T. J. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914, S. 44—45, 48; Salm o H. Gräberfunde aus dem Ladogagebiet. — ESA, IV, Helsinki, 1929, S. 324; Kunciené O. Prekybiniai ryšiai IX—XIII amžiais. Vilnius, 1972, fig. 29, 2; Arbm an H. Birka I, Taf. 42, 43; Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928, S. 185.

¹³ Arbm an H. Birka I, Taf. 42, 1, 2, 4.

¹⁴ Ibid., Taf. 42, 3.

¹⁵ Ср.: Arbm an H. Birka I, Taf. 43, 3, 5, 7.

¹⁶ Arne T. La Suède. . ., fig. 34.

¹⁷ Ср.: Arbm an H. Birka I, Taf. 43, 6.

● а о б

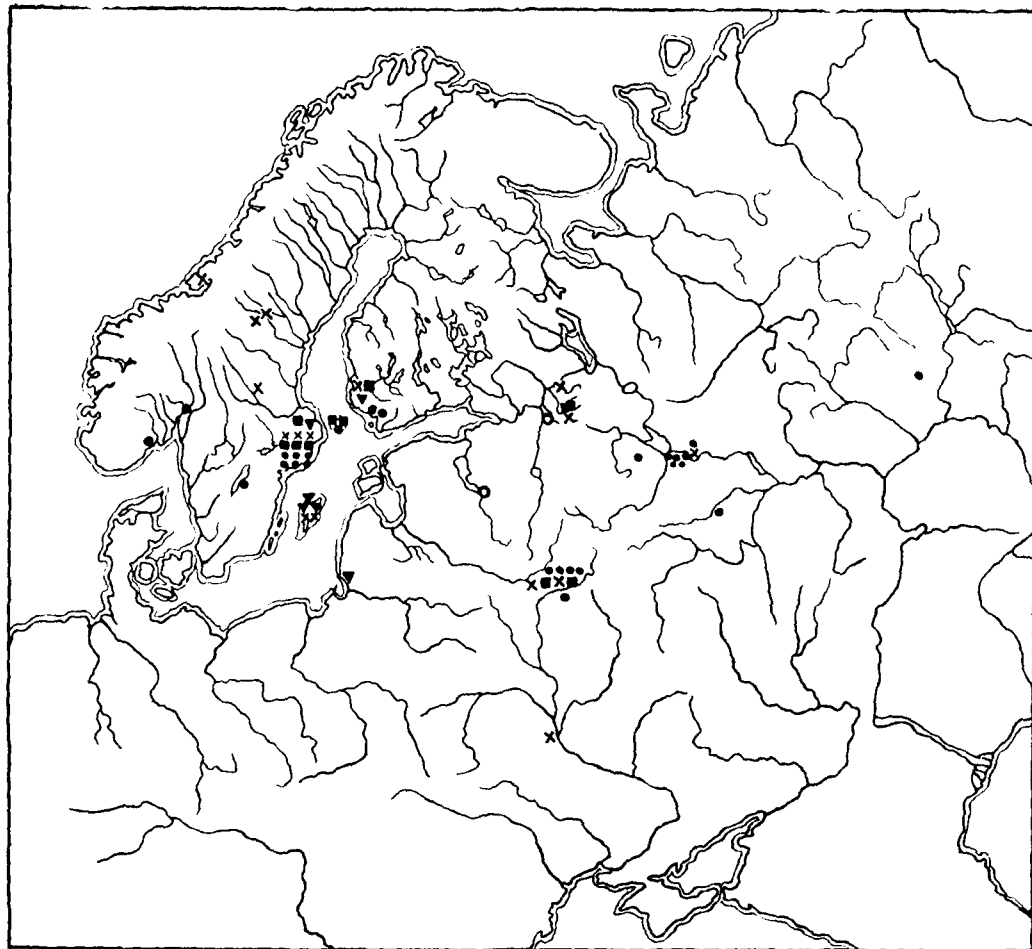

Рис. 5. Распространение орнаментированных кольцевидных фибул стиля Борре.

1—3 — находки фибул указанных вариантов; а — находки фибул иных вариантов или застежек, о которых имеются неполные сведения; б — место находки неизвестно.

Готландские модификации представляют собой фибулы, верхняя часть кольца которых оформлена в виде розеток из ленточных бантов, а в кольце насчитываются четыре головы животных, повернутых к центру. Отмечу к примеру серебряную фибулу, найденную в Валлстене на Готланде,¹⁸ и образец, происходящий из Литвы. Перечисленные образцы обнаруживают также определенное сходство с фибулой, найденной в курганах 8 около Ярославля,¹⁹ и фрагментом фибулы, происходящей из общины Фрегель на Готланде. Вероятными местами изготовления разновидностей рассматриваемых кольцевидных фибул являются Готланд и Россия, где, как это показал Х. Арбман, выдвигали предметы, декорированные в скандинавском стиле.²⁰ Окончательные выводы в отношении места изготовления кольцеобразных фибул из Луистари преждевременны, однако обращает на себя внимание, что наиболее сходные с нашими застежками фибулы можно увидеть среди русских находок.

Другим интересным предметом, найденным в могиле № 348 из Луистари, является огниво. Похожие огнива находили в Норвегии, в Хедебю, в Гнездово и около Перми.²¹ В Литве найдено не менее четырех бронзовых подвесок, которые являются их подражанием.²² В 1929 г. Нильс Клеве, рассматривая их в своей статье, утверждал, что этот тип происходит из Прикамья. При этом он считал, что данные предметы, найденные на западе, были изготовлены в другом месте и что их распространению способствовали варяжские колонии на Ладожском озере. Позднее Элла Кивикоски полагала, что Бирка способствовала распространению этих огнив, по всей вероятности изготовленных в западной Финляндии.

Швед Пер Какс присоединился к этой точке зрения.²³ Находки в Луистари ее также подтверждают. Поскольку два предмета подобного типа были найдены в Луистари, это увеличивает до 18 общее число найденных в Финляндии огнив с рукоятками, украшенными фигурками всадников (рис. 6). Их можно отнести к началу десятого века в соответствии с датой монет, найденных в погребениях № 90 и 348 в Луистарп.

Огнива, найденные в могилах Луистари, в Нуоранне (Эура) и в Лейккпяки (Кокемяки), имеют очень много сходных черт. У изображенных на них коней широкая грудь, а голова сильно стилизована, эти находки можно принять за эталон; они типичны и для многих других огнив, найденных в Финляндии. Имеется определенное сходство между ними и исполнением животных на так называемой «фибуле со львом».²⁴ Конн, а также всадники на огнивах, найденных около Перми, оказались гораздо более хрупкими по сравнению с приведенными выше. Эти огнива датируются второй половиной IX в.²⁵ Таким образом, у нас недостает звена, которое могло бы дать нам возможность говорить об одинаковом происхождении финских огнив с огнивами, найденными на Востоке.

¹⁸ Montelius O. Kulturgeschichte Schwedens. Leipzig, 1906, Abb. 507.

¹⁹ Arne T. J. Ett svenskt gravfält i guvernementet Jaroslavl, Russland. Fornvännen. Stockholm, 1918, fig. 29.

²⁰ Arbman H. Skandinavisk Handverk in Russland zur Wikingerzeit. Meddelanden från Lunds Universitets Historiska Museum. Lund, 1959, S. 134.

²¹ Petersen J. Vikingetidens redskaper. Oslo, 1951, fig. 236, p. 436; Capelle T. Der Metallschmuck von Haithabu. Studien zur wikingischen Metallkunst. Die Ausgrabungen in Haithabu, Bd V. Neumünster, 1968, Taf. 17, 12; Сизов В. И. Курганы..., табл. VII; 15; Голубева Л. А. 1) Археологические памятники весп. — СА, 1962, 3, рис. 5 и 6, 3; 2) Огнива с бронзовыми рукоятками. — СА, 1964, 3, с. 130—131, рис. 1.

²² Ginters V. Sena Mezotne. Senatne un Maksla IV. Riga, 1939, fig. 29; Zarina A. Dazu Martinsalas kapsētas kapu senlietu kompleksi ar stilizētu dzīvnieku figūru piekarinjiem. — Archeologija un etnografija, XI, Riga, 1974, fig. 5, 4, 8.

²³ Kivikoski E. Studien zu Birkas Handel im östlichen Ostseegebiet. — AA, 1937, VIII, S. 244—245; Kaks, P. Ett ryttareldstäl. Nordsvensk forntid. Skytteanska samfundets handlingar 6. Umeå, 1969, S. 155.

²⁴ Kivikoski E. Die Eisenzeit..., Abb. 664.

²⁵ Голубева Л. А. Огнива..., с. 131.

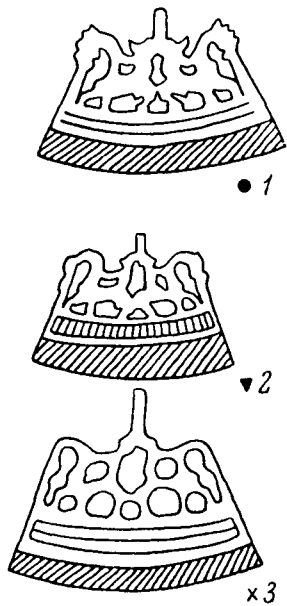
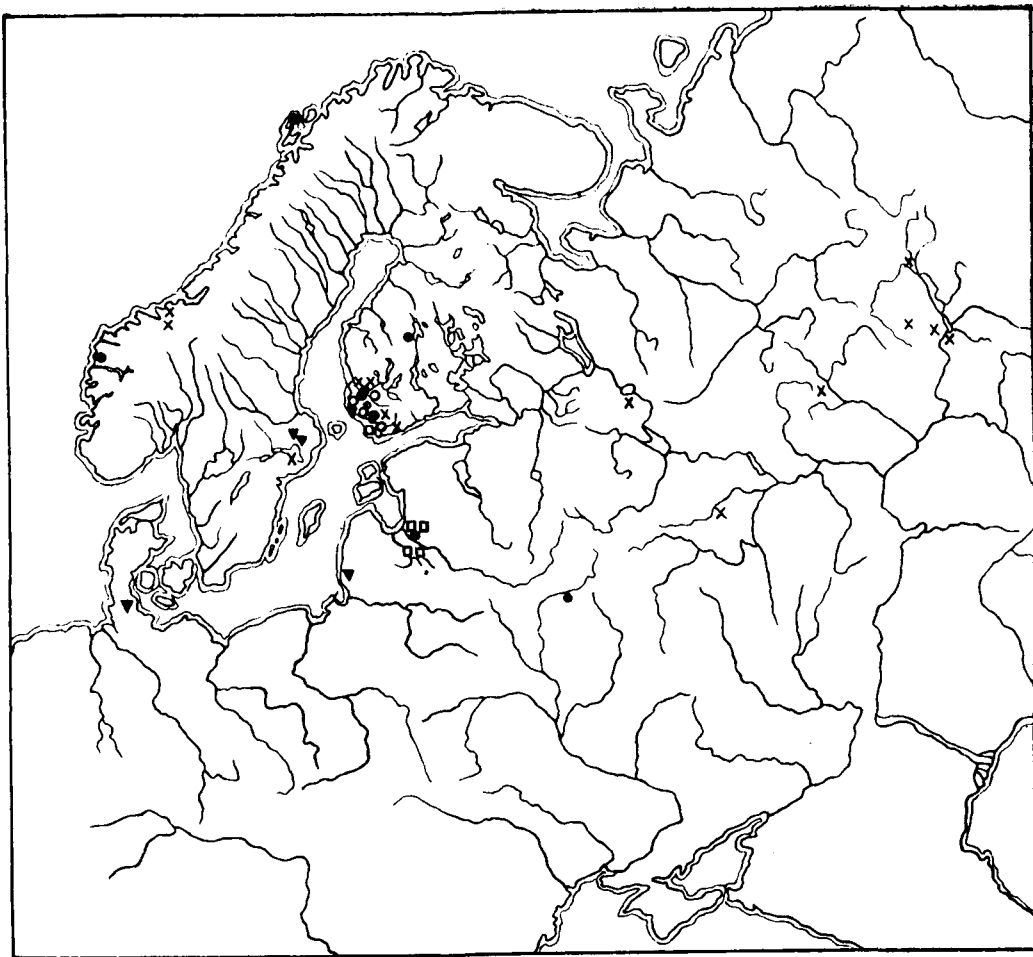

Рис. 6. Распространение
кресал с фигурками
коней.

1—3 — находки кресал указанных вариантов; а — находки фрагментов кресал или кресал, о которых имеются неполные сведения; б — подвески.

○ а □ б

Если огнива финского типа являются подражанием изделиям, происходящим из Прикамья, то их прототип по всей вероятности должен был попасть в Финляндию уже в IX в. или, самое позднее, в самом начале X в.

Найденное в погребении в Луистари оружие относится к образцам, распространенным на обширной территории. Что же касается гирек, арабских монет и шелковой ткани, то наиболее рациональное объяснение их нахождения в погребении в Луистари заключается в том, что они были завезены с Востока по «дороге викингов». В Бирке все перечисленные предметы также известны. И действительно, если бы вышеуказанное захоронение находилось где-нибудь изолированно на финском побережье или на берегу какой-нибудь большой русской реки, то без всякого сомнения можно было бы сказать, что в нем похоронен какой-то скандинавский купец. Но оно было обнаружено в большом финском могильнике, где имеется много похожих погребений. В них, правда, отсутствовали одежды из шелка и позолоченные фибулы, но оружие и украшения одежды точно такие же, а сельскохозяйственные орудия позволяют совершенно точно привязать их к окрестным местам. Нет никакого сомнения в том, что погребение № 348 принадлежит уроженцу Финляндии. Некоторые детали одежды — например, плащ с украшениями из бронзовых спиралей и пояс с кистью, орнаментированный спиральями, — также говорят о финском происхождении. Правда, пояса с кистями встречаются как на Готланде, так и в Литве,²⁶ но они там изготовлялись из кожаных ремней, в то время как пояса из Луистари сплетены из нитей с применением различных технических приемов. Описанные пояса, однако, восходят к общему источнику. В погребениях на финской территории было обнаружено по крайней мере два кожаных пояса с кистями; один из них происходит из Эура.²⁷ За исключением Готланда, пояса, изготовленные таким способом, скорее всего в Скандинавии распространены не были.

Впрочем, можно полагать, что мужская мода была одинаковой во всех связанных друг с другом прибалтийских странах. Например, подковообразные фибулы с гранчатыми головками и головками в виде перевернутой пирамиды,²⁸ рассматриваемые обычно в качестве застежек мужских плащей, хорошо известны в Финляндии и в восточной части Прибалтики; их находили также на Готланде и спорадически в континентальной части Швеции²⁹ (рис. 7), но там они встречаются гораздо реже. В значительном количестве они встречены и на территории Советского Союза,³⁰ но мы не можем с уверенностью сказать, чье культурное наследие они отражают.

Например, общепринятым и считающимся само собой разумеющимся является мнение о культурном влиянии викингов на финнов; поэтому и объяснение на Восток вещей, характерных для западной Финляндии, объясняется обычно посредничеством скандинавов. В качестве примера таких древностей можно привести подковообразные фибулы с головками, снабженными шипами.³¹ Однако Нильс Клеве, ссылаясь как раз на подковообразные фибулы с головками, украшенными шипами, еще в 1929 г. считал весьма вероятным участие финнов в походах в район Ладожского озера.³² В качестве доказательства более ранних перемещений западных

²⁶ Geijer A., Arbm an H. En detalj i den gotländska mansdräkten under vikingatiden. — Fornvännen, 35, Stockholm, 1940, fig. 1.

²⁷ Kivikoski E. Ett sydösterbottniskt gravfynd från vikingatiden. — F. M. Helsinki, 1949, S. 26—28, fig. 5, 6.

²⁸ Kivikoski E. Die Eisenzeit. . . , Abb. 694, 701—703.

²⁹ Salm o H. Finnische Hufeisenfibeln. — SMYA, 56, Helsinki, 1956, S. 33—34, 47—52.

³⁰ Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. — Труды ГИМ, 43. М., 1967, с. 159—163, рис. 23, 1, 3—5.

³¹ Там же, рис. 23, 2, см. также: Kivikoski E. Studien. . . , S. 241—244.

³² Gieve N. Jüngerereisenzeitliche Funde von der Insel Berezan. — ESA, IV, Helsinki, 1929, S. 254, Примеч. 4.

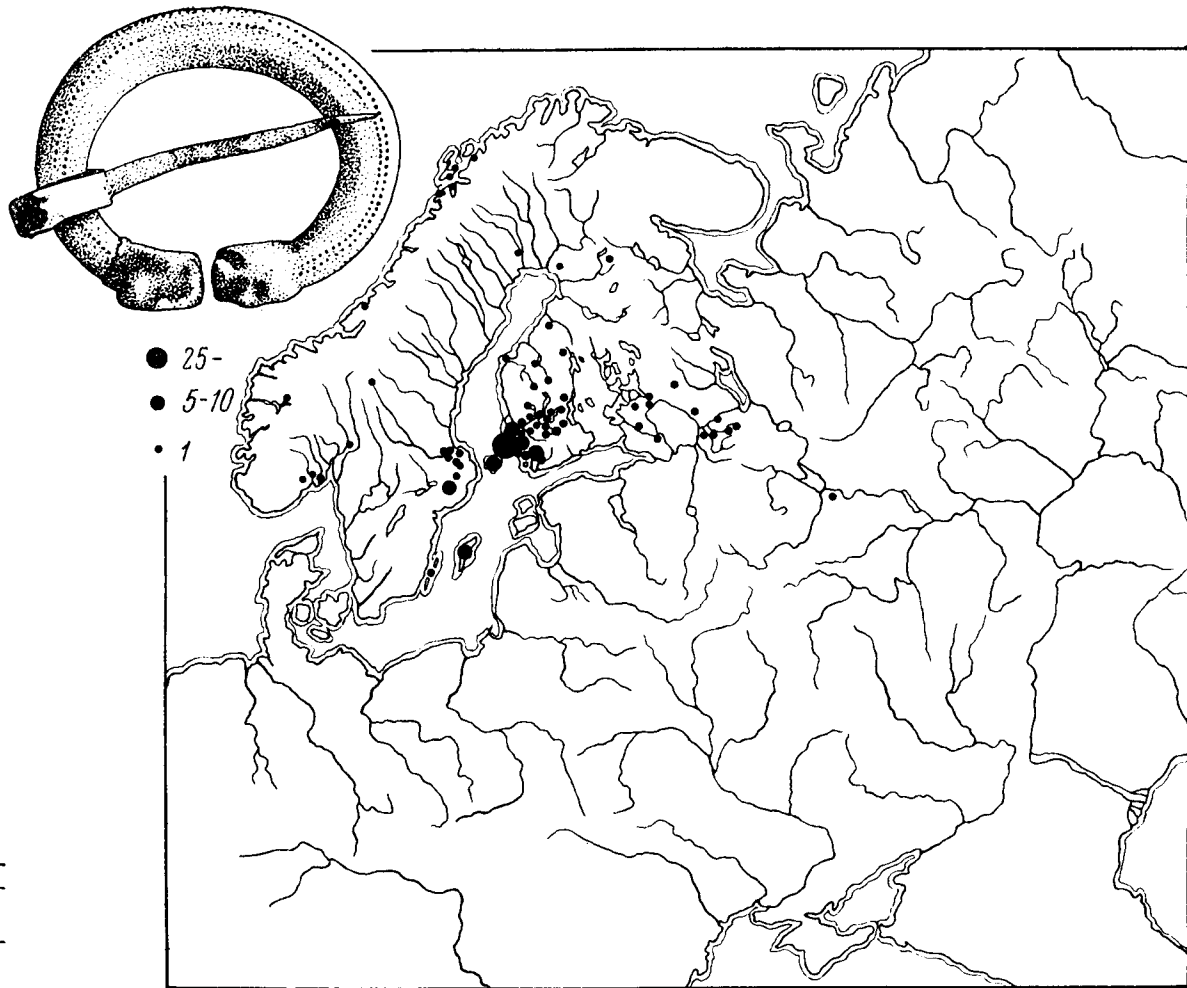

Рис. 7. Распространение подковообразных фибул с головками, снабженных шипами.

Малый кружок — найден 1 экз.; средний — 5—10 экз.; большой — 25 и более экз.

финнов на данной территории можно привести копья, найденные в толще горизонта Е в Старой Ладоге, так как они очень похожи на образцы, бывшие в употреблении в Финляндии в конце эпохи Меровингов³³ (рис. 8).

Находки, открытые в Луистари, заставляют нас снова задуматься над разрешением вопроса: действительно ли финны спокойно оставались на месте, в то время как скандинавы совершали свои экспедиции на Восток. То, что на территории соседних стран редко находят украшения финских женщин, ничего не означает, поскольку вне всякого сомнения женщины

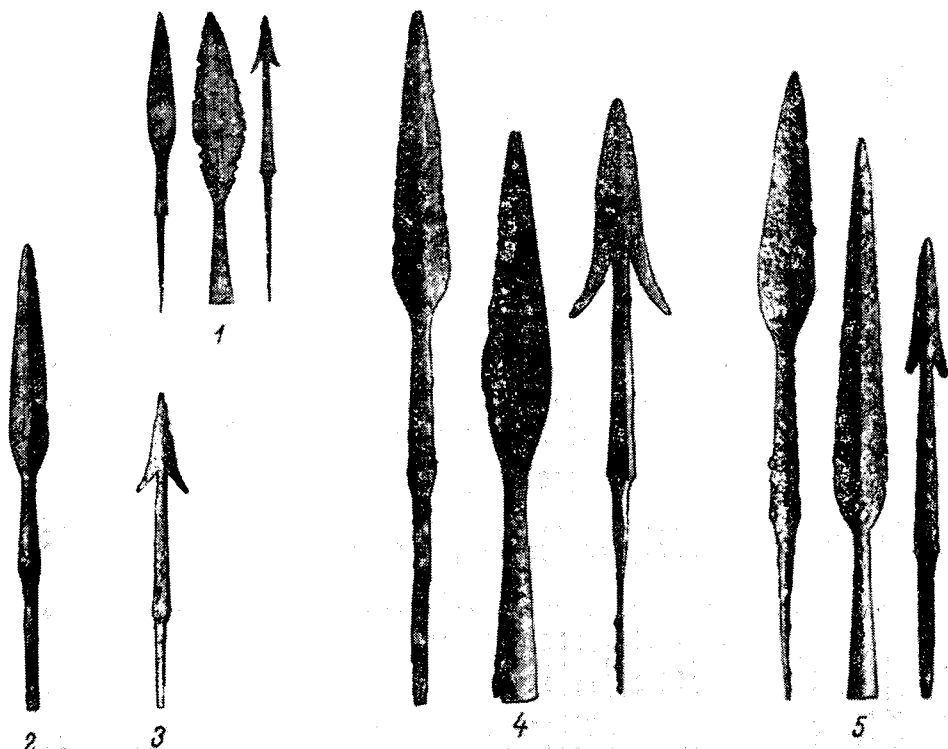

Рис. 8. Наконечники найденных копий.

1 — Старая Ладога (горизонт Е); 2 — Ристимяки (Каарина); 3 — Лаукко (Весилахти); 4 — Илпяя (Листо); 5 — Тийккинуми (Перио).

не принимали участия в экспедициях купцов; кроме того, типичные финские украшения никогда не являлись товаром, на который был спрос. Напротив, тщательное изучение деталей одежды мужчин различных районов может прояснить степень участия различных народов в торговле в эпоху викингов. Как показывает погребение № 348 в Луистари, финн, который вернулся из удачной экспедиции, мог одеваться почти как купец из Бирки. К тому же последние финские находки показали, что некоторые подковообразные фибулы оказываются более ранними, чем предполагали раньше. Вследствие этого поздние даты подобных же фибул из восточной Прибалтики нам представляются странными. В этих условиях только сравнительное изучение всех самых незначительных деталей может выяснить связи между финскими, прибалтийскими и славянскими народами в эпоху викингов, связи, которые еще остаются завуалированными тенью скандинавов.

³³ Davidan O. I. Contacts between Staraja Ladoga and Scandinavia. — Varangian Problems. Scando-Slavica. Copenhagen, 1970, fig. 4. Cp.: Kivikoski E. Die Eisenzeit..., Abb. 553—554, S. 80.

Е. А. Рябинин

ЧУДСКИЕ ПЛЕМЕНА ДРЕВНЕЙ РУСИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Возникшее в IX в. Древнерусское государство объединило в своих границах ряд северных территорий, занятых финно-угорскими (чудскими) группировками. Следствием дальнейшего расширения славяно-русских земель (преимущественно Новгородской и Ростово-Суздальской) явилось вовлечение новых чудских племен в орбиту древнерусской культуры и государственности.

В средневековых письменных источниках, и в первую очередь в летописях, содержатся сведения о иноязычных данниках Руси. Среди них чудь, весь, воль, ижора, корела, меря, мурома, мещера. Некоторые из этих племен сохранили свое этническое своеобразие, сформировавшись позднее в соответствующие народности; другие подверглись частичной ассимиляции, в результате которой сохранили свою самобытность лишь те группы финноязычного населения, которые оказались на окраине славянского расселения; наконец, третьи, обитавшие на магистральных путях древнерусской колонизации, полностью исчезли с исторической арены средневековой истории, растворившись в среде формирующейся древнерусской народности.

Вопрос о взаимоотношениях славян и чуди, определение территорий обитания отдельных группировок и выявление характерных особенностей их материальной культуры решается на основе ряда источников — на материалах топонимики, лингвистики, антропологии и этнографии. Но важнейшим, наиболее многочисленным и остающимся по-прежнему неисследованным источником для изучения этой проблемы являются археологические данные.

В данной статье мы коснемся лишь некоторых аспектов изучения финно-угорского наследия в культуре Северной Руси, являющихся итогом проведенного археологического анализа средневековых древностей X—XIV вв.,¹ и проиллюстрируем отдельные положения конкретными примерами.

Особая сложность в определении границ расселения финно-угорских летописных группировок заключается в отсутствии или слабой изученности их памятников, непосредственно предшествовавших славянской колонизации. На целом ряде территорий этническое своеобразие таких племен проявляется уже в материалах древнерусского времени, на северорусских поселениях и в курганных погребениях.² Поэтому перед нами возникает задача выявить финно-угорские традиции в общей массе древнерусской культуры, в значительной степени нивелирующей этнические особенности отдельных общностей, скрадывающей их племенные традиции.

¹ Рябинин Е. А. Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X—XIV вв. Автореф. канд. дис. Л., 1974.

² В рассматриваемый период курганный обряд получил распространение как среди славянизирующихся финно-угров Северной Руси, так и у некоторых чудских группировок, продолжавших сохранять свою культурную самобытность, но перенявших у иноязычных соседей обычай сооружать курганные насыпи. В целом же ареал курганов в лесной полосе Восточной Европы довольно четко локализуется в областях славянского расселения.

Картографический анализ различных категорий древностей и особенностей погребального обряда позволяет установить территорию некоторых чудских группировок в конце I—начале II тыс. н. э. К числу наиболее ярких элементов вещественного материала, отличающихся своей консервативностью и устойчивостью древних традиций, следует отнести керамику и металлические украшения женского костюма, особенно различные виды шумящих подвесок и основную часть зооморфных амулетов. В погребальных памятниках, исследованных в области расселения финно-угорских племен, довольно широко представлены захоронения с меридиональной (северной и южной) ориентировкой. С чудскими традициями связываются и такие ритуальные особенности, зафиксированные в северорусских областях, как случаи расчленения трупов умерших, ярусность курганных погребений, глиняная «заливка», или «свод» над захоронениями в курганах.³ Некоторые из отмеченных элементов финно-угорского происхождения встречаются на территориях, заселенных несколькими чудскими группировками, и, следовательно, могут лишь свидетельствовать о наличии угро-финнов в этих районах, не являясь индикаторами их племенной принадлежности. Но наряду с ними выделяются категории вещественного материала и погребального ритуала, локализующиеся в определенных регионах и отражающие культурные традиции отдельных племенных групп. Выявление и дальнейшее изучение последних приобретает важное значение для воссоздания этнокультурной карты Восточной Европы эпохи средневековья.

1. В качестве примера такого анализа рассмотрим территориальное размещение средневековых погребений, ориентировка которых отличается от обычных положений головой на запад (рис. 1).

Исследованиями В. В. Седова установлено, что курганные захоронения с восточной ориентировкой концентрируются в зоне древней балтско-гидронимики, а их появление связано с наследием восточнобалтийского субстрата в древнерусской культуре.⁴ Как уже отмечалось, для северных районов Восточной Европы характерны погребения с меридиональной ориентировкой. Подавляющее большинство их локализуется в ареале финно-угорской гидронимики и известны лишь отдельные случаи появления таких погребений за пределами чудского расселения. Вместе с тем на рассматриваемой территории наблюдаются случаи захоронений умерших головой на восток, а также довольно многочисленные факты находок погребений с промежуточной (северо-восточной или юго-восточной) ориентировкой.

В связи с этим определенный интерес вызывает анализ различных видов ориентировки умерших, встреченных среди основной части труположений Северной Руси, обращенных головой к западу. Выясняется, что для целого ряда территорий, заселенных и прибалтийскофинскими, и восточнофинскими племенами, наиболее характерной разновидностью меридиональной ориентировки являются положения головой на север. На их фоне выделяется ареал погребений с южной ориентировкой, концентрирующихся преимущественно в Приладжье и известных в более восточных районах, прилегающих к Белому озеру. Разумеется, отмеченный факт свидетельствует лишь об относительном преобладании определенной обрядовой особенности: так, в Приладжье известны и погребения с северной ориентировкой, составляющие, правда, небольшой процент всех меридиональных погребений (20 из 150),⁵ а в северо-западных землях Новгорода и в области расселения мери зафиксированы положения головой

³ Седов В. В. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах. — В кн.: Культура средневековой Руси. М., 1966, с. 246—250.

⁴ Седов В. В. 1) Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. — СА, 1964, 2, с. 103—121; 2) Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — МИА, 1970, № 163, с. 164—171.

⁵ Кочуркина С. И. Юго-восточное Приладжье в X—XIII вв. Л., 1973, с. 18.

на юг. Тем не менее отмеченный факт свидетельствует об определенных различиях внутри финно-угорского культурного массива, выявляемых даже при изучении такой, казалось бы, общефинской ритуальной особенности, как меридиональная ориентировка.⁶

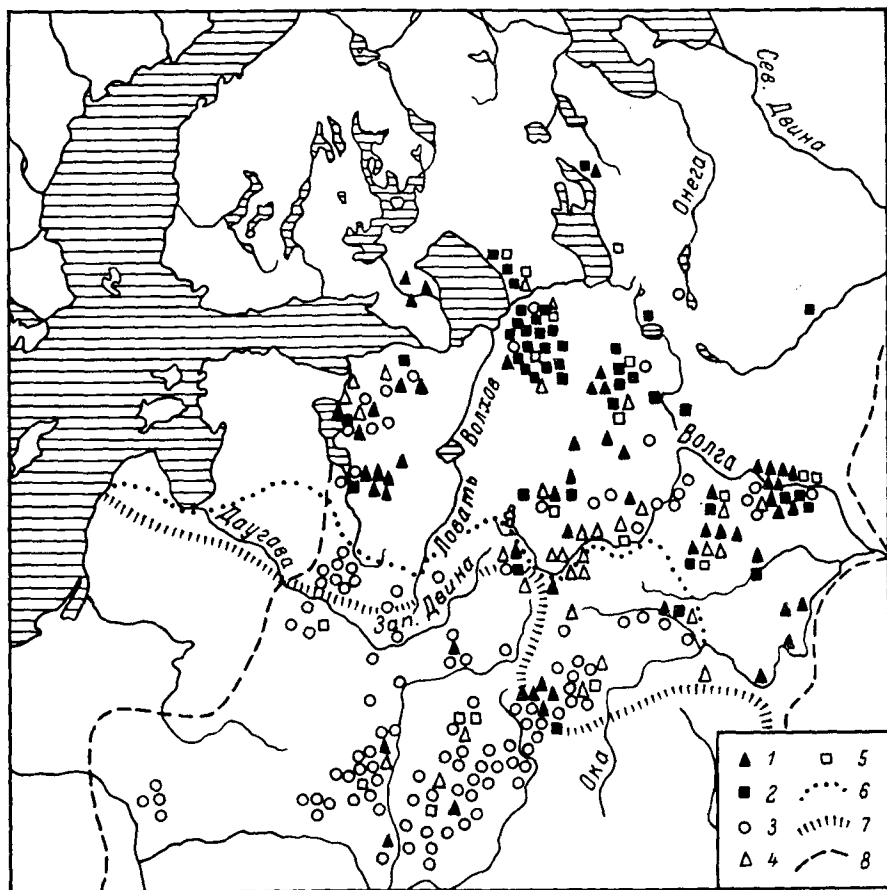

Рис. 1. Распространение различных видов ориентировки в погребальных памятниках Северной Руси.

1 — северная ориентировка; 2 — южная; 3 — восточная; 4 — северо-восточная; 5 — юго-восточная ориентировка; 6 — северная граница балтийской гидронимии (по В. В. Седову); 7 — южная граница финно-угорской гидронимии; 8 — границы Руси XII—первой половины XIII в.

В заключение краткого обзора погребальных комплексов с различными положениями умерших отметим еще одну интересную особенность, наблюдаемую в целом ряде северорусских регионов, — появление серий захоронений с вполне устойчивой промежуточной ориентировкой. Так, в бассейне Верхней Волги встречаются средневековые кладбища с элементами восточнобалтийской обрядности и в частности в погребениях, ориентированными головой на восток. В этом же районе, преимущественно на левобережье, исследованы могильники славянизированных финно-угров,

⁶ Вряд ли будет правильным однозначно связывать выделенный ареал погребений с южной ориентировкой с какой-либо одной летописной группировкой (в частности, с всеью). Не исключено, что некоторые из прослеживаемых особенностей погребального ритуала являются более архаическими традициями местного населения, чем остальные элементы культуры, и отражают не современную этническую ситуацию, а реликты более древних этнических массивов, уже распавшихся и сильно видоизменившихся к XI—XII вв.

включающие труположения с северной ориентировкой. И именно здесь получают распространение курганные захоронения, обращенные головой на северо-восток.

Сходная картина вырисовывается и в Костромском Поволжье, где наблюдается распространение в двух микрорегионах этой территории устойчивых видов промежуточной ориентировки (северо-западной и юго-западной) при преобладании в первом из них соответственно погребений, обращенных к западу и северу, во втором — к западу и югу.

За появлением таких относительно устойчивых разновидностей ориентировок в зоне контактов разноэтничного населения скрываются в ряде случаев сложные процессы культурного взаимодействия угро-финского, славянского и славянизированного балтского населения.⁷

2. В исследованиях последних десятилетий сделаны заметные усилия в более детальном изучении чудских летописных группировок. Вместо огромных и аморфных в культурном отношении объединений выявляются более компактные группы, входившие в состав племенных союзов, но значительно отличающиеся друг от друга. Примером этого может служить один из крупных районов расселения восточных финно-угров — территория Волго-Окского междуречья (рис. 2).

Здесь выделяется несколько регионов с чудскими древностями. По сообщениям летописи, вокруг озер Ростовского (Неро) и Клещина (Плещеево) находились поселения мери.⁸ Культурное своеобразие финноязычного населения довольно ярко проявляется в курганных могильниках и на поселениях Владимирской земли. По нашим подсчетам, чудские элементы культуры и погребальной обрядности определяют своеобразие свыше 500 захоронений из учтенных 7000 курганов Ростово-Суздальской земли. Принимая же во внимание тот существенный факт, что сведения об обряде этих погребений, исследованных в основном в середине XIX в. А. С. Уваровым и П. С. Савельевым, крайне отрывочны и скудны, а определение этнической принадлежности мужских захоронений по вещественным древностям возможно лишь в отдельных случаях, становится вполне вероятной значительная «примесь финской крови» в составе древнерусского населения данного региона.

Среди погребального инвентаря встречены отдельные категории металлических изделий, имеющих ограниченный район распространения и локализуемых на территории обитания мери.⁹ Такие этноопределяющие элементы волго-окской группировки позволяют очертить область ее расселения.¹⁰ Памятники с мерянскими культурными традициями расположены в летописных районах — вокруг озер Неро и Плещеево и в бассейне Нерли Клязьменской, кроме того, «островки» мерянской культуры выявляются на Верхней Волге и р. Медведице.

К северу от ареала владимирской мери, в окрестностях Костромы, известен второй район курганных могильников с сильными чудскими тра-

⁷ Разумеется, необходимо постоянно учитывать и вполне объяснимые сезонные отклонения ориентировки умерших, связанные со временем совершения погребения. Но небезынтересен, в частности, тот факт, что и за пределами Руси, в грунтовых могильниках Эстонии начала II тыс. н. э., встречаются обычно труположения, обращенные головой на север или северо-восток, т. е. с устойчивой промежуточной ориентировкой (Selirand J. Eestlaste matmiskombed varafeodaaletse suhete tärkamise perioodil (11—13. sajand). Tallinn, 1974, S. 219).

⁸ Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950, с. 13.

⁹ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961. № 94, с. 99—101.

¹⁰ Кроме этноопределяющих элементов культуры владимирской мери, выделенных Е. И. Горюновой, на рассматриваемой территории встречаются довольно многочисленные изделия финно-угров (прямоугольные ажурные и трубчатые привески, шумящие перстни и т. д.), получившие распространение у соседних волго-окских племен — мордвы и муромы. Эти древности, не являясь собственно мерянскими типами украшений, тем не менее могут быть использованы для определения северных и западных границ расселения данной группировки.

дциями. Последние определяют своеобразие 308 погребений из 1500 достаточно хорошо документированных курганных комплексов.

По особенностям своей материальной культуры финно-угры Костромского Поволжья резко отличаются от владимирской мери. В их памятниках (за небольшими исключениями) отсутствуют сходные типы древностей. В целом археологически это совсем иное образование, чем мери, локализуемая по летописи, сближающееся по ряду признаков с более северными, северо-западными и северо-восточными группами чудского на-

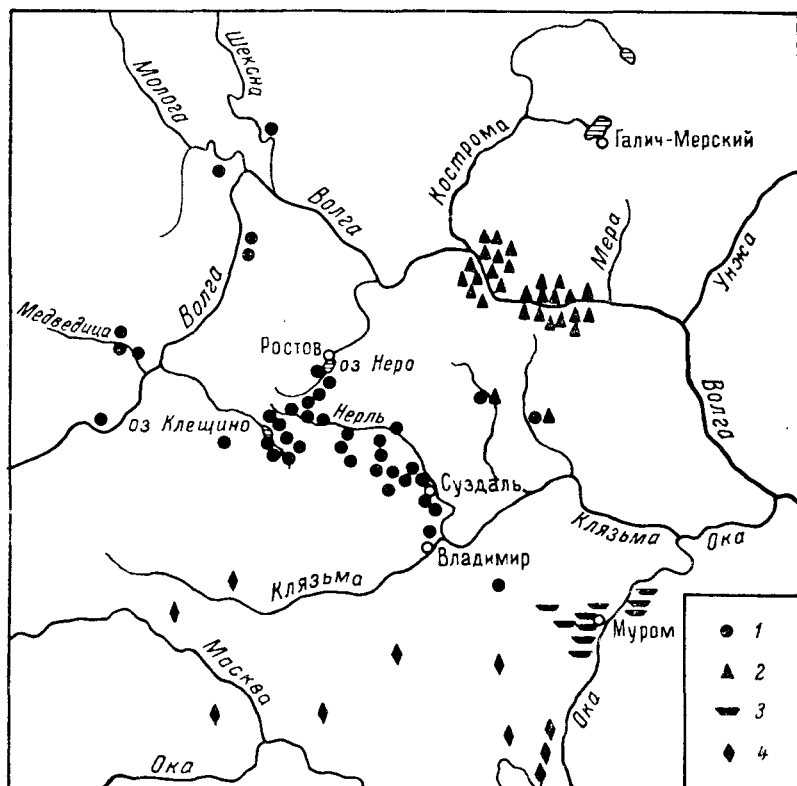

Рис. 2. Области финно-угорского расселения в Волго-Окском междуречье (по археологическим материалам X—XIII вв.).

1 — могильники с элементами культуры владимирской мери; 2 — могильники с элементами культуры костромской мери; 3 — могильники с элементами культуры муромы; 4 — могильники с элементами культуры мешеры.

селения. Однако данные местной гидронимии и топонимии указывают на принадлежность костромских финно-угров к мерянскому племенному союзу.¹¹ Об этом же свидетельствуют реликты древней мерянской лексики, сохранившиеся в языке обитателей Галича «Мерьского».¹² В таком случае мы получаем убедительное подтверждение культурной неоднородности обширных летописных «племен». Более того, возможно и еще более дробное деление таких общностей, выявление на археологическом материале культурных микрорегионов. Так, одна из упомянутых групп памятников, входящих в мерянский союз, — Костромская, как выясняется, в свою очередь состоит не менее чем из двух более мелких подразделе-

¹¹ Самарянов В. А. Следы поселений мери, чуди, черемисы, еми и других инородцев в пределах Костромской губернии. — Древности, т. VI, М., 1876, с. 48—53; Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. — МИА, 1970, № 179, с. 129—139

¹² Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973, с. 99—101.

ний, значительно различающихся и по своим культурным традициям, и по особенностям погребального ритуала.¹³

Неравномерная изученность памятников на рассматриваемых территориях не всегда позволяет установить границы между отдельными этнокультурными объединениями, особенно для эпохи XII—XIII вв., когда происходит заметное «размывание» древних племен. При определении их ареалов важное значение приобретают памятники, в которых прослеживаются смешанные традиции соседних группировок. Такие памятники, как правило, расположены в зоне контактов, на пограничье племен. В частности, зона взаимодействия между группами костромской и владимирской мери проходила, судя по смешанным в культурном отношении Семухинскому и Вознесенскому могильникам, в центральной части современной Ивановской области.

Кроме обширной области, занятой мерянскими племенами, в Волго-Окском междуречье достаточно четко выявляется район расселения летописной муромы, памятники которой представлены грунтовыми могильниками и поселениями. К западу от муромы и к югу от мери в Мещерской низменности известны немногочисленные грунтовые могильники, предположительно связываемые с мещерой. Сравнительный анализ погребального инвентаря этих могильников дает возможность выделить характерные элементы местной чудской культуры, обнаруженные и в отдельных древнерусских курганах. В частности, плетеные подвески, украшенные арочными выступами, хорошо известны в грунтовых погребениях Мещерской стороны и курганах, раскопанных в Подмосковье и под Коломной. Их учет имеет немаловажное значение для определения первоначальной территории одного из волго-окских племен, культура которого изучена до сих пор крайне слабо.¹⁴

3. На рис. 3 схематично изображены скопления археологических памятников начала II тыс. н. э., оставленных финно-угорским или смешанным славяно-финским населением. Обращает на себя внимание, что такие скопления не образуют непрерывного территориального поля. Это сгустки памятников, между которыми имеются обширные зоны, лишенные или почти лишенные погребений и поселений с элементами чудской культуры. Естественно, что на карте отразился и отпечаток неодинаковой изученности различных областей. Вероятно, со временем будут заполнены некоторые из «белых пятен», разделяющих отдельные скопления интересующих нас памятников. Но в целом, эта карта фиксирует ту ситуацию, которая сложилась в землях Северной Руси в ходе славянской колонизации. Ряд финно-угорских племен, заселявших, в частности, южные районы Новгородско-Псковской земли, уже был почти полностью ассимилирован и утратил свои этнические особенности. Интенсивный процесс аккумуляции происходит и на других территориях, особенно в зоне плотного славянского заселения.¹⁵ К тому же вряд ли следует думать, что и в предшествующий период лесная зона Восточной Европы была широко и равномерно покрыта сетью поселений финно-угорских племен. Существовали районы, в которых происходило формирование и развитие чудских группировок, где

¹³ Не исключено в дальнейшем еще более мелкое подразделение данного региона на локальные группы памятников (в частности, обособление могильников к востоку от р. Меры).

¹⁴ Такие подвески встречены в Пустошенском, Заколпском, Жабкинском грунтовых могильниках и в курганных погребениях у сел. Бессониха, Бисерово, Акатово. Перечисленные грунтовые могильники атрибутированы А. Л. Монгайтом как вероятные памятники мещеры (Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 117—119). На рис. 2 помещен, кроме того, еще ряд курганных групп, в которых данный тип украшений отсутствует, но имеются другие элементы чудской культуры, сближающиеся с древностями Мещерской стороны (Парахина, Попова, Ватрелицы, Вырыпаево).

¹⁵ Примером этого являются районы Ростово-Суздальской земли, в которых процесс смешения разнотничного населения прослеживается лишь в крупных (выше 100 насыпей) древнерусских могильниках XI—XII вв.

возникали родоплеменные центры и находились святилища. Вокруг таких «ядер», сгустков населения могли создаваться поселения определенной этнокультурной общности, более редкие и рассеянные на больших пространствах. Такое размещение памятников с угро-финскими традициями (центральный культурный массив и его редкое периферийное окружение) хорошо прослеживается и на археологических материалах. Наконец, дремучие леса и болотистые низины, территории, непригодные для заселения, образовывали естественные границы между отдельными племенными группами.

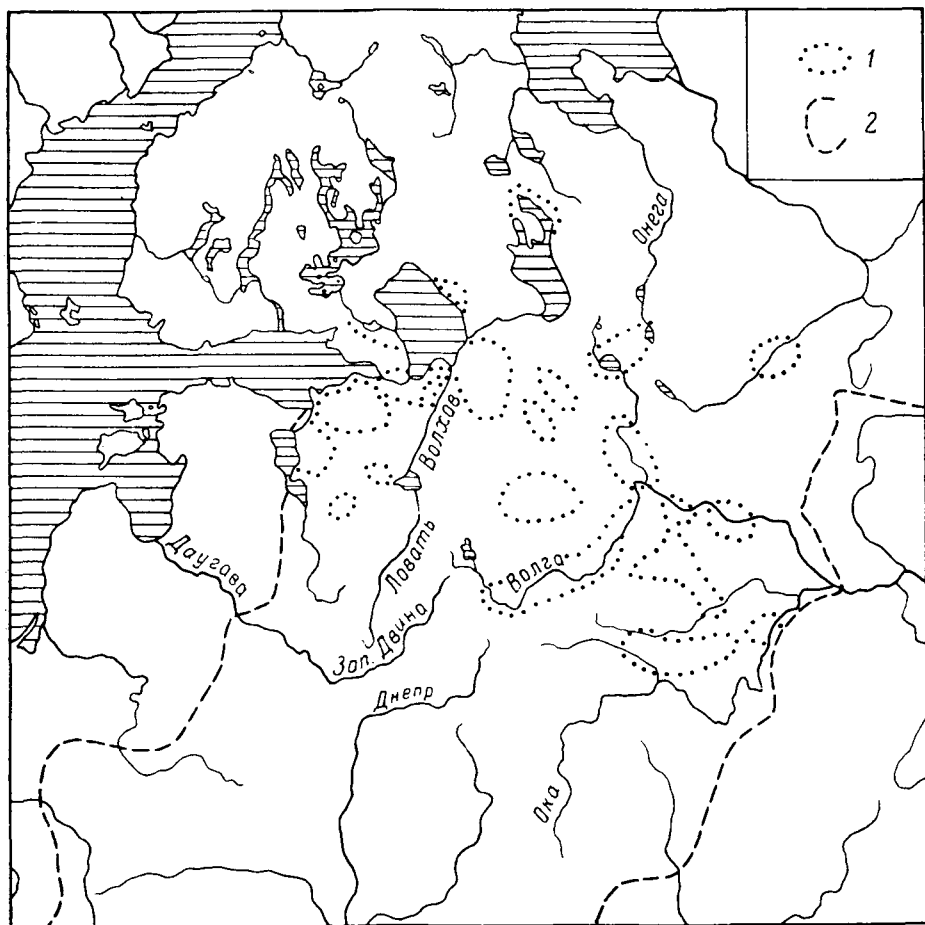

Рис. 3. Схема распространения памятников с финно-угорскими элементами культуры и погребальной обрядности в северных областях Руси.

1 — ареалы культурных массивов; 2 — границы Руси XII—первой половины XIII в.

Разумеется, историческая картина расселения чудских племен накануне и в начальный период славянской колонизации была более динамичной, чем это фиксируется по археологическим данным. Происходили передвижки отдельных человеческих коллективов, иногда на весьма значительные расстояния. Установившиеся ранее границы между племенами нередко нарушались, а в эпоху славянской колонизации северных районов Руси постоянно фиксируется чересполосное обитание разноэтничных групп населения па одних и тех же территориях. Более того, судя по археологическим материалам, в освоении новых северных территорий вместе со славянами принимали участие и славянизированные восточные

балты, и представители разноплеменного финно-угорского мира, также вступавшие в контакты с местным чудским населением (например, перемещение отдельных групп ижоры, води и, вероятно, веси в Костромское Поволжье, приладожской чуди — в область водско-ижорского расселения и т. д.).

4. Итогом плодотворных работ большого круга исследователей явилось создание базы для реконструкции этнокультурной карты Русского Севера. Многие из территориальных групп чудских древностей удается сопоставить с летописными племенными объединениями. Их границы уточняются и проверяются с помощью материалов смежных дисциплин.

Вместе с тем в некоторых древнерусских районах выявляются памятники с финно-угорскими традициями, племенное определение которых остается дискуссионным или не окончательно установленным. Таковы, по нашему мнению, некоторые курганные группы на северо-западной окраине Новгородской земли, ряд памятников в ближайших окрестностях Новгорода, в Приладожье, в Угличском и Ярославском течении р. Волги, в бассейнах рек Северной Двины и Сухоны. Некоторые из них являются «островками» дорусского населения, наиболее рано вступившего в процесс взаимодействия со славянами и утратившего свою племенную самобытность к летописному периоду русской истории; другие, возможно, отражают культурное наследие этнических общностей, неизвестных по письменным источникам;¹⁶ третьи оставлены переселенцами, осевшими на новых территориях и вследствие территориального отрыва от своей родины преобретшими некоторые новые специфические черты культуры.¹⁷

5. Активно проходивший в северных областях Руси процесс культурного взаимодействия отразился и в археологическом материале. Если в X—XI вв. для ряда этнокультурных областей можно выделить характерные, свойственные только данному району типы чудских древностей (например, в памятниках владимирской мери, приладожской чуди), то уже в XI в. начинается качественно новый процесс, особенно усилившийся в XII—XIII вв.: большинство финно-угорских древностей этого позднего периода теряет свою племенную «окраску» и распространяется на широких территориях. При выявлении ареалов чудских племен,

¹⁶ Известно, что этноним «чудь» имел в средневековый период расширительное значение; им называли как собственно «чудь» (эстов), так и ряд прибалтийско-финских и даже восточнофинских племен (например, «Чудь Заволоцкая», «Чудской конец» в Ростове Великом и т. д.). Естественно, что под таким собирательным именем могли скрываться вполне реальные и отличающиеся друг от друга финно-угорские группировки, часть племенных названий которых не отразилась в письменных источниках.

¹⁷ Интересным примером этого заключения может служить следующий факт. В 1212 г. князь Мстислав Удалой предпринял поход на эстонскую «Чудь, рекомую Търму», и привел оттуда большой полон (Новгородская летопись по синодальному харатеиному списку. СПб., 1888, с. 194). Известный знаток северорусской топонимики и этноимики А. И. Попов, изучая переписные книги Вотской пятины 1500 г., обратил внимание на наличие в северо-западных районах этой пятины погостов «Воздвиженского Ополского в Чюди» и «Николского Толдуского в Чюди», а также села Торма. Автор пришел к выводу о принадлежности значительной части населения данного региона к потомкам пленных эстов, особенно из племени торма (Попов А. И. Названия народов СССР, с. 68—69). В то же время среди курганных могильников Вотской земли выделяется ряд памятников с финно-угорскими культурными традициями; все они связываются с волюю (Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода в IX—XIV вв. — СА, 1953, XVIII, с. 190—229). На северо-западной окраине Ижорской возвышенности известно несколько курганных могильников или отдельных погребений, характеризующихся финно-угорскими (в том числе и водскими) элементами культуры, но имеющих и определенные своеобразные черты, сближающие их с памятниками эстов (могильники у дд. Мануйлово, Войносолово, Пумолицы). Есть основания полагать, что эти памятники как раз и связаны с древнеэстонским («чудским») населением, осевшим на северо-западе Новгородской земли и к XIII—XV вв. уже частично утратившим свое культурное своеобразие.

прослеживаемых в памятниках XII—XIII вв., особое значение приобретает не учет и картография отдельных элементов (которые в большинстве своем уже не образуют замкнутых ареалов), а изучение их сочетания, выявление «удельного веса» таких признаков в общей системе материальной культуры данного региона и сопоставление их с соседними группами памятников.¹⁸

В рассматриваемый период наблюдается распространение на огромных пространствах лесного Севера вещей славяно-русского типа, фиксируется постепенное ослабление угро-финских субстратных черт в курганном погребальном обряде. Но этим не исчерпывается все многообразие процесса аккультурации, выявляемого на археологическом материале. Иноязычное население, воспринимая многие традиции древнерусской культуры, само участвовало в ее обогащении, в придании известного своеобразия культуре Северной Руси. Этот процесс взаимодействия проявился, в частности, в появлении славяно-чудских типов вещей—«гибридов». В районах, плотно освоенных славяно-русским земледельческим населением, прослеживается тенденция к формированию отдельных областных культур (в Костромском Поволжье, на северо-западе Новгородской земли). Их отличия заключаются в сложном переплетении финно-угорских и славянских традиций и в создании на их основе качественно новых культурных элементов.

Есть основания полагать, что в конце XII в. новгородские ремесленники сами освоили выпуск некоторых шумящих подвесок, наиболее популярных в чудской среде, для последующего сбыта этой продукции в финно-угорских землях.¹⁹ Такой «щепетильный» товар разносили скорее всего по чудским селениям мелкие торговцы — коробейники. О размахе мелкой разносной торговли на Руси, и в частности в Новгородской земле, свидетельствуют письменные данные.²⁰ Вполне вероятно и предположение А. М. Тальгрена и И. Сернинга об изготовлении финно-угорских предметов в Новгороде с целью их обмена новгородскими купцами на северную пушнину.²¹ Распространение в XII—XIII вв. однотипных и многочисленных серий чудских изделий, происходящих из ограниченного числа центров, повсеместное усиление культурных и торговых связей между отдельными северорусскими землями также способствовали интенсивному «размыванию» этнических границ. Если в памятниках X—XI вв. и частично XII в. этнокультурные различия чудских объединений уже ослаблены покрывающей их общей «вуалью» древнерусской культуры, то в XII—XIII вв. они к тому же затушеваны еще одной новообразованной «вуалью» — распространением элементов финно-угорской культуры, лишенных племенной «окраски».

Ассимиляционный процесс, развернувшийся в северных землях Руси, имел длительный, затяжной характер. Но археологически он прослеживается в основном лишь до XIV в. В последующий период исчезает ведущий источник для изучения рассматриваемой проблемы — многочис-

¹⁸ Например, сопоставление древностей веси XII—XIII вв. (Голубева Л. А. Веси и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973, с. 34, рис. 4) с синхронными находками из костромских курганов показывает, что между ними не существует достаточно резких различий. Более того, и в том, и в другом регионе встречено большинство тождественных форм изделий. Однако учет соотношения всех признаков, определяющих характер чудской культуры отдельно взятого региона, ясно показывает, что обе группы памятников XII—XIII вв. оставлены разным по происхождению населением, хотя и поддерживающим между собой в этот период определенные (и довольно сильные) культурные связи.

¹⁹ Рябинин Е. А. Новгород и северо-западная область Новгородской земли (Культурные взаимодействия по археологическим данным). — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 56—63.

²⁰ Рыбаков Б. А. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. — Уч. зап. МГУ, 1946, вып. 93, с. 100—101.

²¹ Serning J. Lapska offerplatsfund från järnålder och medeltid i de Svenska Lappmarkerna. Uppsala, 1956, S. 165.

ленные курганные захоронения; лишь на северо-западных окраинах Новгородской земли курганно-жальничный обряд доживает до более позднего времени (XV—XVI вв.). О продолжающемся славяно-финском взаимодействии в эпоху средневековья сообщают письменные источники, еще фиксирующие поселения чуди и в Новгородской земле, и в Белозерско-Пошехонском крае, и в окрестностях Галича Мерского и Чухломы (Костромская область), на Архангельском Севере и в Мещерской низменности. Таким образом, даже в XIV—XVII вв. на некоторых территориях, издавна освоенных русским населением, потомки древних финно-угорских племен сохраняли свой язык и свою культуру.

Об участии финно-угорских племен в процессе сложения древнерусской (а позднее русской) народности и культуры свидетельствуют многочисленные данные антропологии, языкознания и этнографии.²² Привлечение археологических материалов к изучению данной проблемы позволяет конкретизировать наши знания об исторических судьбах «иных языщей», заселявших северные области Руси, и проследить механизм их взаимодействия со славянским миром.

²² Литература по данному вопросу обширна и вследствие этого не может быть приведена в статье. Полагаем, что крайне перспективной явилась бы увязка всех перечисленных видов источников с археологическими материалами при их взаимной корректировке. Но эта тема выходит за пределы настоящей работы.

Анна-Лииза Хирвилуото

СВЯЗИ МЕЖДУ ФИНЛЯНДИЕЙ И РАЙОНОМ РИЖСКОГО ЗАЛИВА В ЭПОХУ ВИКИНГОВ И КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Связи Финляндии с районом Рижского залива важны для исследования культуры финского железного века. Особое значение имеет тот факт, что в устье реки Даугавы обитала финно-угорская группировка ливов, в материнской культуре которых прослеживаются сходные элементы с финскими находками периода железного века. О связях древних культур Финляндии с Латвией в 1940 г. писала в «Suomen Museo» профессор Элла Кивикоски. В последние годы во время раскопок на территории Советской Латвии были получены новые археологические материалы, что стимулирует новые научные исследования.

На территории восточной Прибалтики выявлено большое число различных по своему происхождению находок, относящихся к эпохе викингов. Нелегко поэтому однозначно показать взаимные культурные связи Финляндии и побережья Рижского залива. Ограничимся здесь объяснением самобытных латвийских форм предметов, которые обнаружены в Финляндии, или образцами, развитие которых предполагает параллельное взаимовлияние обеих областей. Далее остановимся на таких изделиях, которые достаточно многочисленны в районе Рижского залива, хотя их происхождение относится к более далеким местностям.

В финских погребениях в Латвии, особенно в погребениях ливов, хорошо известны различные бронзовые подвески, которые среди финно-угорских народов использовались как украшения, подвешиваемые на цепочки. Укажу прежде всего 10 крестообразных подвесок, найденных в западной Финляндии в погребениях конца эпохи викингов¹ (рис. 1). Латвийские аналоги отличаются от финских только в деталях.² Это же относится и к плоским подвескам с изображением птицы (рис. 2). Западнофинские находки этого рода, относящиеся к концу эпохи викингов,³ частью сходны с найденными на территории Латвии,⁴ частью несколько от них отличаются. Аналогии имеются в юго-восточном Приладожье. С подвесками, изображающими птиц, сопоставимы две подвески в форме четвероногого животного, найденные в западнофинских погребениях эпохи викингов⁵ (рис. 3), и этим находкам имеется много аналогий в Латвии.⁶

В районе Рижского залива довольно часто встречаются зооморфные плоские с отверстием бронзовые подвески с изображением животного. В Финляндии же они представлены отдельными находками⁷ (рис. 4, 1). Установлено, что эти изделия изготовлялись на территории Латвии.⁸

¹ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973, Abb. 786, S. 107.

² Mugurēvičs E. Krustiņveida piekariņi Latvijā laikā no 11. līdz 15. Gs. — Arheoloģija un etnogrāfija. XI. Rīga, 1974, fig. 1: 25, 26.

³ Kivikoski E. Die Eisenzeit. . . , Abb. 791—792; S. 108.

⁴ Kivikoski E. Itäbaltian ja Suomen suhteista viikinkiajalla — SM, 1940. Helsinki, 1944, S. 44.

⁵ Kivikoski E. Die Eisenzeit. . . , Abb. 793, S. 108.

⁶ Urtāns V. Plastiskie bronzas zirdziņi — Arheoloģija un etnogrāfija, XI. Rīga, 1974, fig. 10: 5.

⁷ Kivikoski E. Die Eisenzeit. . . , Abb. 1133, S. 139.

⁸ Urtāns V. Plastiskie bronzas zirdziņi.

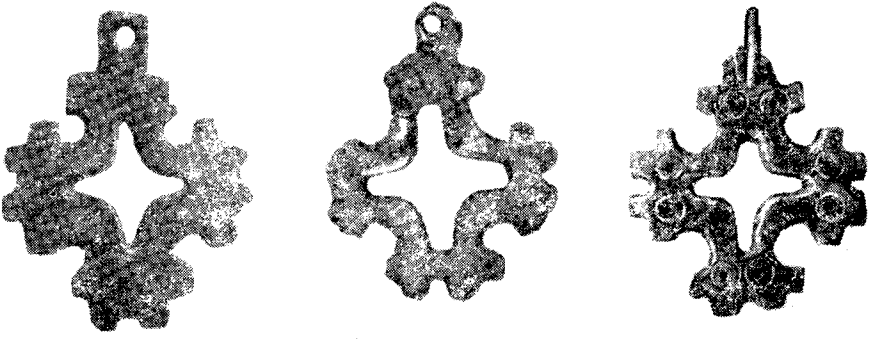

Рис. 1. Крестовидные ажурные подвески из Нусайнен и Каланги.

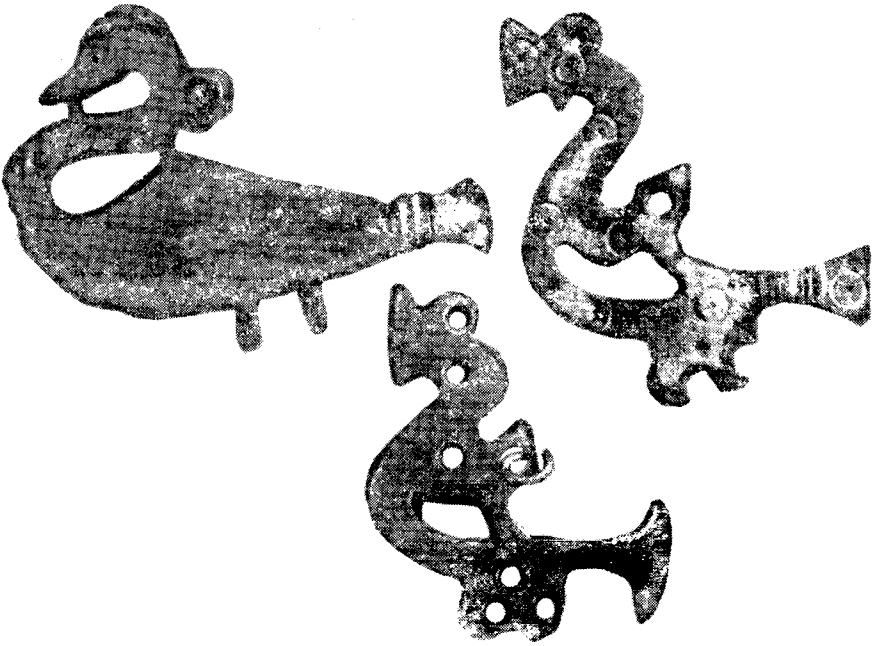

Рис. 2. Птицевидные подвески из Кейлио, Нусайнен и Хаухо.

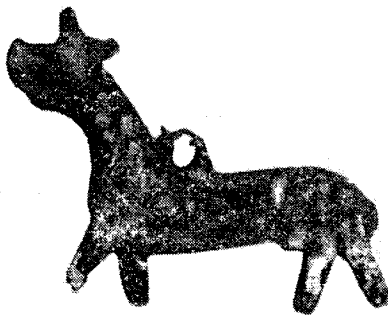

Рис. 3. Подвески из Идяне.

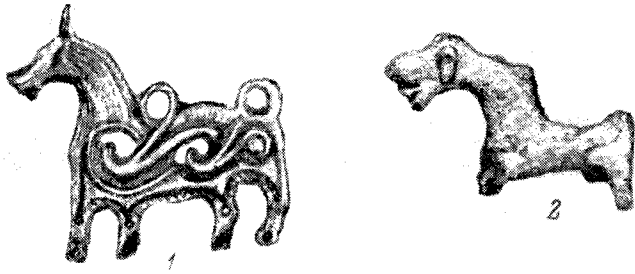

Рис. 4. Ажурные подвески в виде зверя из Икаалинен (1) и Турку (2).

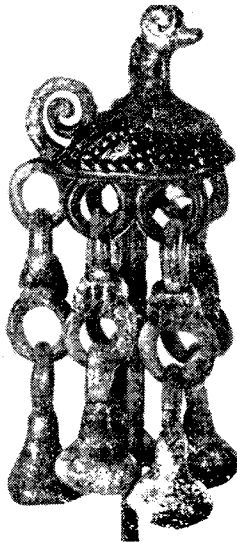

Рис. 5. Подвеска в виде птички из Весилаhti.

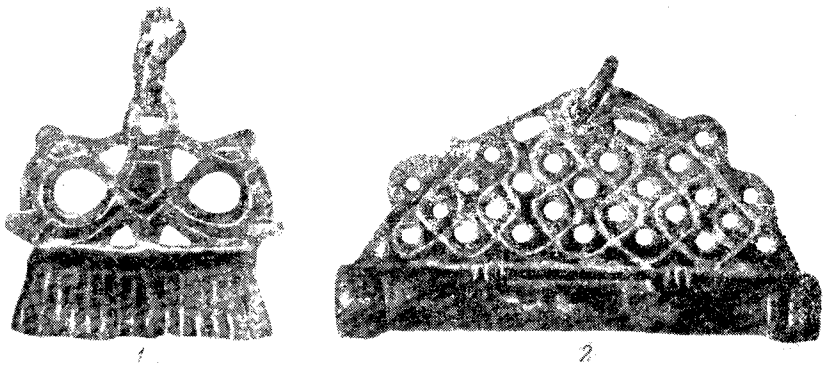

Рис. 6. Гребневидные подвески из Кокемяки (1) и Акаа (2).

В Латвии найдено много небольших объемных коньков,⁹ один такой конек обнаружен также в окрестностях Турку (рис. 4, 2). Подвеска из Турку, возможно, использовалась в качестве весовой гирьки. Подобное можно сказать и о назначении двух коньков, найденных в Латвии.¹⁰

Встреченные в погребениях Латвии полые подвески с изображением птицы были распространены и у финно-угорских народов на территории России. Несколько экземпляров таких же подвесок известны в западной Финляндии (рис. 5), но наибольшее их число обнаружено в восточной части страны.¹¹ Эти последние сходны с ливскими и снабжены подвесными бубенчиками. В качестве шумящих подвесок в других областях расселения финно-угорских народов использовались подвески в виде птичьих лапок.

В Финляндии известны также и другие разновидности подвесок, которые, вероятно, служили предметами торговли и изготовлялись в районе, прилегающем к побережью Рижского залива. К ливским по происхождению украшениям можно отнести бронзовые подвески в виде гребней, найденные в погребениях района Турку и Кокемяки¹² (рис. 6, 1). К этого же рода украшениям относится ажурная подвеска, обнаруженная в области Хяме (рис. 6, 2). Аналогичное изделие встречено также в юго-восточном Приладжье.¹³ Считалось, что подвеска в форме просверленной розетки характерна для земгалов. Однако такие же образцы находят в западнофинских погребениях периода Меровингов и эпохи викингов.¹⁴ В качестве латвийского импорта можно рассматривать найденную в Эуре украшенную булавку, относящуюся к периоду викингов. Подобные булавки были обычны среди ливов, живших в Курляндии.¹⁵

В XI—XIII вв. в погребениях Финляндии начинают появляться славяно-византийские крестики. Подобные образцы известны также в районе Рижского залива; здесь даже изготовлялись всякого рода подражания этому типу.¹⁶ Подобные изделия, обнаруженные в Финляндии, возможно, привезены из района Рижского залива или через его посредство. Из крестообразных подвесок, найденных на территории Финляндии, сходным с латвийскими является крестообразное украшение из района Хаттулы.¹⁷ Латвийские формы напоминают также подвески, украшенные пальметками, три экземпляра которых обнаружены в Карелии, а один — в районе Турку (рис. 7, 1).¹⁸ Последняя по сравнению с другими рассматриваемыми крестиками худшего качества. Подобный же образец известен и среди находок шведских саамов. Найденные в Латвии образцы крестообразных подвесок, украшенных пальметками, явно созданы по славянским моделям.¹⁹

Возможно, что с территории бассейна Двины происходит и найденный в районе Лието украшенный эмалью крест (рис. 7, 2).²⁰ Найденному в районе Турку славянскому кресту имеется близкий образец в Латвии.²¹

⁹ Ibid., S. 212—219.

¹⁰ Zarina A. Dažu Mārtiņsalas kapsētas kapu senlietu kompleksi ar stilizētu dzīvnieku figūru piekariņiem. — Arheoloģija un etnogrāfija, XI. Rīga, 1974, p. 224, fig. 1: 5—9.

¹¹ Kivikoski E. Die Eisenzeit..., Abb. 1135—1137, S. 139—140.

¹² Ibid., Abb. 790, S. 108.

¹³ Raudonikas W. J. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, S. 118.

¹⁴ Kivikoski E. Die Eisenzeit..., Abb. 481, 787.

¹⁵ Kivikoski E. Itäbalttien ja Suomen..., S. 46.

¹⁶ Mugurēvičs E. Krustinveida..., S. 220—239.

¹⁷ Kivikoski E. Die Eisenzeit..., Abb. 1142, S. 140. Аналогичная находка обнаружена в Латвии: Mugurēvičs E. Krustinveida..., tab. 2: 14.

¹⁸ Kivikoski E. Die Eisenzeit..., Abb. 1144, S. 140—141.

¹⁹ Mugurēvičs E. Krustinveida..., S. 221—22, fig. 1: 14—19.

²⁰ Hirviluoto A.-L. Ett bysantinskt korssmycke från Haimionmäki i Lundo. — FM, Helsinki, 1971, S. 19.

²¹ Mugurēvičs E. Krustinveida..., S. 226, fig. 2: 28.

Обнаруженным в районе Хяме, в Ваная (рис. 8), крестообразным подвескам имеются аналогии в Курляндии. Там аналогичные крестики использовались в качестве нагрудных пряжек. Подобная крестообразная подвеска известна также как украшение финского ножа, обнаруженного в Инари.²² В этой связи следует упомянуть еще крестики, перекладнины которых украшены тремя кружками. Эти образцы широко распростра-

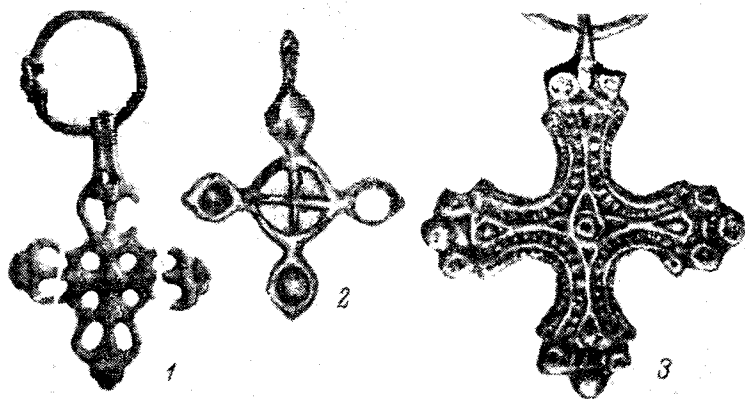

Рис. 7. Крестовидные подвески из Турку Таскула (рис. 7, 1), Лието Хаймионмяки (рис. 7, 2) и Турку (ранее Каарина) Ристмяки (рис. 7, 3).

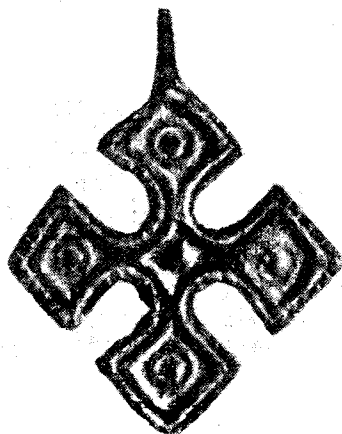

Рис. 8. Крестовидная подвеска из Ваная.

нены в Скандинавии, в России и Прибалтике. Первоначально они появились у славян. В восточной и западной частях Финляндии имеется 8 экземпляров этого типа (рис. 7, 3).²³ Подобные изделия хорошо известны также в Латвии, где они изготовлялись в течение XII—XIV вв.²⁴ Не исключено, что эти изделия могли производиться и в Финляндии.²⁵

Связи Финляндии с Латвией прослеживаются и по обнаруженным в Финляндии украшениям головы. Такие украшения встречаются обычно

²² Kivikoski E. Die Eisenzeit..., Abb. 1228, S. 147.

²³ Ibid., Abb. 1143, S. 140.

²⁴ Mugurēvičs E. Krustinveida..., S. 223.

²⁵ Kivikoski E. Kaarinan Nummen risti. Lounais-Hämeen Kotiseutu ja museoyhdistyksen vuosikirja, XXXII. Forssa, 1963, S. 17.

на территории Латвии, но найдены они и в некоторых местностях Финляндии.²⁶ Эти головные украшения были найдены в комплексах, содержащих местный материал. Ткани из финских и латвийских погребений, относящихся к концу железного века, несколько напоминают друг друга особенностями отделки, а также наличием бронзовых спиралек. Однако по ряду деталей и технике выделки одежда этих двух регионов, в особенности женская, различна.

Как на территории Латвии, так и в Финляндии известна также керамика, для которой характерно округлое днище и орнаментация в виде шнура и плетенки, обрамляющая горловину сосуда. Селлинг связывает эту керамику с финно-угорскими народами, живущими в бассейне Балтийского моря.²⁷ Такая же посуда обнаружена в некоторых западнофин-

Рис. 9. Сосуды из Иляне.

ских погребениях²⁸ (рис. 9). В Финляндии эта керамика датируется эпохой викингов, но, очевидно, появляется она и в более раннее время. Эти сосуды встречены и на территории Советской Латвии.²⁹ Будущие исследования, возможно, ответят на вопрос о месте происхождения рассматриваемой посуды. Несомненно, что подобные образцы изготавливались в Финляндии. В пользу этого говорит тот факт, что в тесте сосуда, обнаруженного в Швеции, оказался диабаз, добываемый в Финляндии.³⁰

В свете имеющихся находок выявляются культурные связи одностроннего направления из Латвии в Финляндию. Для утверждения о движении изделий из Финляндии в Латвию пока данных недостаточно. Единственным надежным указанием на это является обнаруженная в ливском погребении финская выпуклая металлическая фибула типа D.³¹

Основой тесного взаимодействия Финляндии с районом Рижского залива была, очевидно, торговля, которая выходила далеко за пределы двух рассматриваемых регионов. Район Рижского залива занимал господствующее место в то время в торговле, направленной по Двине и Днепру в области славяно-русской культуры. Важным исходным пунктом этой торговли являлась Киевская держава. Оказавшиеся в Финляндии византийские находки, видимо, импортированы в страну при посредстве двинских купцов. Весьма вероятно, что прослеживающийся в западной Финляндии растительный орнамент возник также под влиянием этой

²⁶ Keskitalo O. Viikinkiajan hautaröykkiö Hattulasta. — SM, 1963, Helsinki, S. 40.

²⁷ Sellin D. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955, S. 152.

²⁸ Hirviluoto A.-L. Yläneen Anivehmaanmäen hauta LXII. — SM, 1958, Helsinki, S. 47, fig. 4.

²⁹ Sellin D. Wikingerzeitliche..., S. 153; Cimernane J. Spodrinātā keramika Latvijā. — Arheoloģija un etnogrāfija, XI. Rīga, 1974, fig. 5:3, 4, 6.

³⁰ Sellin D. Wikingerzeitliche..., S. 154.

³¹ Kivikoski E. Itäbaltian ja Suomen..., S. 4.

торговли. Правда, предметы с такой орнаментацией встречаются в западной Финляндии спорадически, но все же могут служить некоторым подтверждением вышесказанному.³² На севере конечной целью торгового пути через Финский залив, видимо, являлись богатые пушнинной районы Лапландии. Уже давно установлено, что в кладах шведской Лапландии находят вещи по форме близкие к древнелатвийским.³³ Там же были обнаружены украшения и западнофинских типов. Речь идет о древних саамских путешественниках из западной Финляндии, которые установили связи между районом Рижского залива и Лапландией.

Изделия из металла, которые говорят о контактах Финляндии с районом Рижского залива, обнаруживают больше всего в могильниках западной и отчасти центральной части страны, особенно в области Хаме. Карта находок показывает, что, вероятно, лишь определенные западнофинские «деревни» вели торговлю с районом Рижского залива. Эти поселки были такими богатыми, что мы вправе отнести их к зажиточным сельским общинам. К. Вилкуна пришел к выводу, что купцы севера были древними квенами (Quäpen), и предполагает, что их торговые поездки были хорошо организованными.³⁴

Оживленный торговый обмен между районом Рижского залива с областями русской культуры юга был прерван, когда в начале XIII в. немецкий рыцарский орден захватил Ригу. В какой мере это изменение повлияло на связи Финляндии с районом Рижского залива, по имеющемуся финскому материалу установить невозможно. Находок XIII в. в западной Финляндии не так уж много. В это же время отмечается культурный подъем в Карелии. Возможно, это следует отчасти приписать тому, что в восточной торговле тогда главенствовал Новгород, а население Карелии извлекало из этого выгоду.

³² Kivikoski E. Akanthusornamentik in frühgeschichtlichen Funden Westfinnlands. Pronksiajast varase feodalismini. Tallinn, 1966, S. 67—72.

³³ Serning J. Lapska offerplatsfund från järnålder och medeltid i de Svenska Lappmarkerna. — Acta Lapponica, XI, Uppsala, 1956, S. 96, 100.

³⁴ Vilkuна K. Kainuu-Kvänland, ett finsk-norsk-svenskt, problem. Uppsala, 1969, S. 114.

И. В. Дубов

ТИМЕРЕВСКИЙ КОМПЛЕКС — ПРОТОГОРОДСКОЙ ЦЕНТР В ЗОНЕ СЛАВЯНО-ФИНСКИХ КОНТАКТОВ

Тимеревский археологический комплекс стал известен еще в 60-х годах прошлого столетия, когда ярославский краевед Н. П. Сабанеев включил его в список памятников губернии.¹ В то время речь шла лишь о большом курганном могильнике, расположенном вблизи города Ярославля. С тех пор Тимеревский некрополь неоднократно осматривался и подвергался раскопкам археологами.² Такое внимание неудивительно, так как данный могильник наряду с Михайловским и Петровским в окрестностях Ярославля, курганами Владимиро-Суздальского ополья, Гнездовским некрополем близ Смоленска явился важнейшим памятником, материалы которого позволили внести много нового в научные представления о русском раннем средневековье. Сведения о погребальном обряде и вещественные находки из курганов под Ярославлем стали важнейшей базой для изучения проблем древнерусской колонизации северо-востока, ее направлений, исходных районов и хронологии, а также характера контактов нового славяно-русского населения с местным финно-угорским, в данном случае мерянским населением.

Благодаря исследованиям Ярославских могильников, в том числе и Тимеревского, существенный сдвиг произошел и в изучении такой актуальной научной проблемы, как оценка роли местного финно-угорского населения в формировании древнерусской народности в Верхневолжском регионе, определение вклада финно-угров в материальную и духовную культуру русских северо-востока. И. А. Тихомиров, проведший самые большие в дореволюционное время раскопки Тимеревского могильника, отмечал там наличие финно-угорских черт, однако считал при этом, что сам курганный способ захоронения привнесен на Верхнюю Волгу скандинавами и быстро усвоен местным населением, в состав которого входили славяне новгородские по меря.³ В. А. Городцов, также изучавший

¹ Сабанеев Н. П. Описание курганов Мологского уезда. — Труды Ярославского губернского статистического комитета, вып. IV. 1868, с. 98.

² Лествицын В. И. От Ярославля до Москвы. Поездка на Съезд археологов или древнелюбителей. Ярославль, 1869, с. 17. — В. И. Лествицын дал первое описание Тимеревского могильника, указав его точные топографические координаты, площадь, число курганов (более 150), размеры насыпей. Это описание было составлено в результате поверхностного осмотра и во многом страдает неточностями. Тихомиров И. А. 1) Кто насыпал Ярославские курганы, ч. I. — Труды II областного историко-археологического съезда. Тверь, 1903, с. 88; 2) Кто насыпал Ярославские курганы, ч. II. — Труды III областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909, с. 1—98; Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. — МИА, 1941, № 6, с. 58—88.

В последние годы полевое изучение Тимеревских курганов возобновилось; см.: Дубов И. В. Ярославская экспедиция. — АО 1973 г. М., 1974, с. 51; Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Полякова Г. Ф., Фехнер М. В. Тимеревский могильник близ Ярославля. — АО 1974 г. М., 1975, с. 67—68; Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Раскопки Тимеревского могильника. — АО 1975 г. М., 1976, с. 75—76; Дубов И. В. Новые раскопки Тимеревского могильника. — КСИА, 1976, вып. 146, с. 82—86.

³ Тихомиров И. А. Славянское заселение Ярославской губернии. — Труды IV Областного историко-археологического съезда в г. Костроме в июне 1909 г. Кострома, 1914, с. 117—120.

Ярославские могильники, указывал на наличие в них финно-угорских элементов.⁴ Однако в целом долгое время господствовала точка зрения о крайне слабой роли финно-угорского населения в процессах утверждения древнерусской государственности и формирования древнерусской народности, протекавших на северо-востоке в период раннего средневековья.⁵

В конце 30-х годов раскопки Тимеревского и Михайловского могильников производила Я. В. Станкевич, которая полагала, что можно гово-

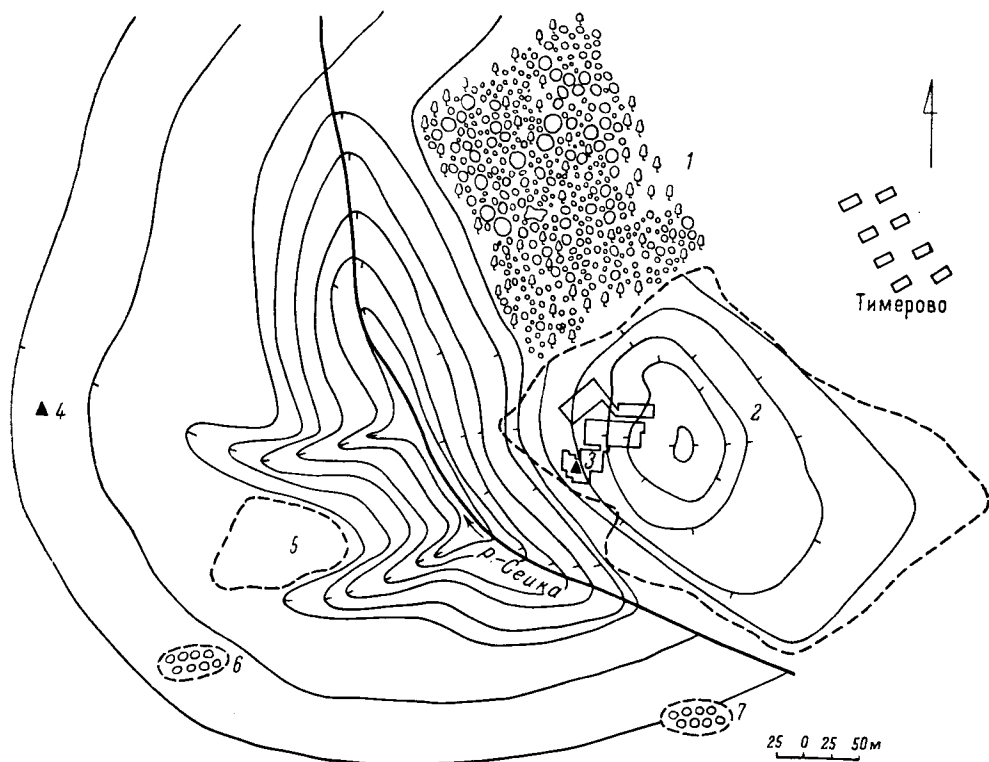

Рис. 1. Тимеревский археологический комплекс. (Схематический план).

1 — Тимеревский курганный могильник; 2 — Тимеревское поселение; 3 — клад арабских монет 1973 г.; 4 — клад арабских монет 1968 г.; 5 — селище у д. М. Тимерево; 6 — курганный холм у д. М. Тимерево; 7 — курганный холм у д. Гончарово.

рить лишь о «факте некоторого смещения славянского и финского населения».⁶ Подавляющую массу курганов Ярославских могильников Я. В. Станкевич связывала со словами новгородскими, появившимися в Ярославском Поволжье, по ее мнению, в VIII в. Иные представления, в которых на новом уровне возродилась концепция А. С. Уварова о мерянской принадлежности Владимирских курганов, были выработаны в начале 60-х гг., когда вышла в свет монография Е. И. Горюновой. Многочисленные памятники Волго-Окского междуречья эпохи раннего средневековья, в том числе и Ярославские могильники, были определены как мерянские и связаны с летописным племенем меря.⁷ Е. И. Горюнова

⁴ Городцов В. А. 1) Раскопки у с. Михайловского. — Северный край, 22 мая 1903 г., № 132; 2) Археологическая экскурсия воспитанников Ярославского кадетского корпуса. — ИАК, вып. 6. СПб., 1903, с. 85—87.

⁵ Спицын А. А. Владимирские курганы. — ИАК, вып. 15. СПб., 1905, с. 165—166.

⁶ Станкевич Я. В. Указ. соч., с. 82—83.

⁷ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, № 94, с. 194—198.

выделила целый набор характерных мерянских элементов и в Ярославских некрополях.

На новом этапе изучения Ярославских могильников, в итоге которого они и были полностью опубликованы, основная масса погребальных комплексов была отнесена к финно-угорским, но не мерянским, а веским.⁸ По мнению М. В. Фехнер, весь продвинулась на Верхнюю Волгу из района Белоозера. Кроме погребений веси, в состав могильников под Ярославлем, как это было тогда же определено, входили славянские и скандинавские комплексы.

В результате новых исследований удалось установить, что Тимеревский комплекс состоит из известного могильника и двух курганных групп и недавно открытых двух поселений и двух кладов арабских монет⁹ (рис. 1). Эти новые сведения, полученные в последние годы, имеют принципиальное значение для определения хронологии, этнической принадлежности и характера всего комплекса в целом. Тимеревские памятники расположены по берегам реки Сечки, притока р. Которосли. Курганный могильник (площадь 4, 5 га) находится на высоком мысу, образованном поймой реки Которосли и рекой Сечкой (рис. 1, 1). На продолжении мыса к юго-востоку от могильника располагается Тимеревское поселение, площадь которого достигает 9 га (рис. 1, 2). В литературе отмечалось, что «следы одного из селищ выявлены на расстоянии 240 м к юго-востоку от курганов... культурный слой памятника почти полностью уничтожен распашкой».¹⁰ Работы Ярославской экспедиции Ленинградского университета показали ошибочность этих определений — селище вплотную подходит к могильнику, занимает большую площадь и вполне пригодно для раскопок.¹¹ Культурный слой в самом деле достаточно серьезно порчен многолетней распашкой, однако жилые, производственные и хозяйственные постройки были углублены в материк и поэтому остались нетронутыми.

На противоположном берегу реки Сечки зафиксированы остатки другого поселения площадью 0,5 га (рис. 1, 5).¹² Там открыта постройка подпрямоугольной формы, заглубленная в материк, в заполнении которой встречена исключительно лепная керамика. Неподдалеку от этого поселения располагалась группа из семи курганов (рис. 1, 6), еще одна группа из 10 насыпей находилась к югу от первой у деревни Гончарово¹³ (рис. 1, 7).

В 1968 г. при случайных обстоятельствах на правом берегу Сечки близ небольшой дубовой рощицы был найден клад из 1500 арабских монет (рис. 1, 4). В настоящее время этот клад находится на определении в Государственном историческом музее.¹⁴ По устному сообщению С. А. Яниной он предварительно датируется IX в. Детальному анализу подвергся второй клад, обнаруженный в 1973 г. при обследовании Тимеревского поселения (рис. 1, 3). Монеты из этого клада вследствие распашки встречаются на довольно большой площади, но концентрируются все на западной окраине селища.

⁸ Фехнер М. В. Тимеревский могильник. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 17.

⁹ Добровольский И. Г., Дубов И. В. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным). — Вестник ЛГУ, 1975, № 2, с. 65—70.

¹⁰ Фехнер М. В. Тимеревский могильник..., с. 8.

¹¹ Дубов И. В. Ярославская экспедиция. — АО 1973 г. М., 1974, с. 51.

¹² Там же.

¹³ Тихомиров И. А. 1) Отчет о раскопках в Ярославской губернии в 1896—1897 гг. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1897, д. 52, л. 29—32; 2) Раскопки в Тимереве. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1900 г., д. 82; Абрамов И. С. Раскопки в Ярославской губернии. — Архив ЛОИА, ф. 1, д. 71, 1908 г.

¹⁴ Ярославский край. Сб. документов по истории края (XI в. — 1917 г.). Ярославль, 1972, с. 11. — Автор признателен С. А. Яниной за информацию.

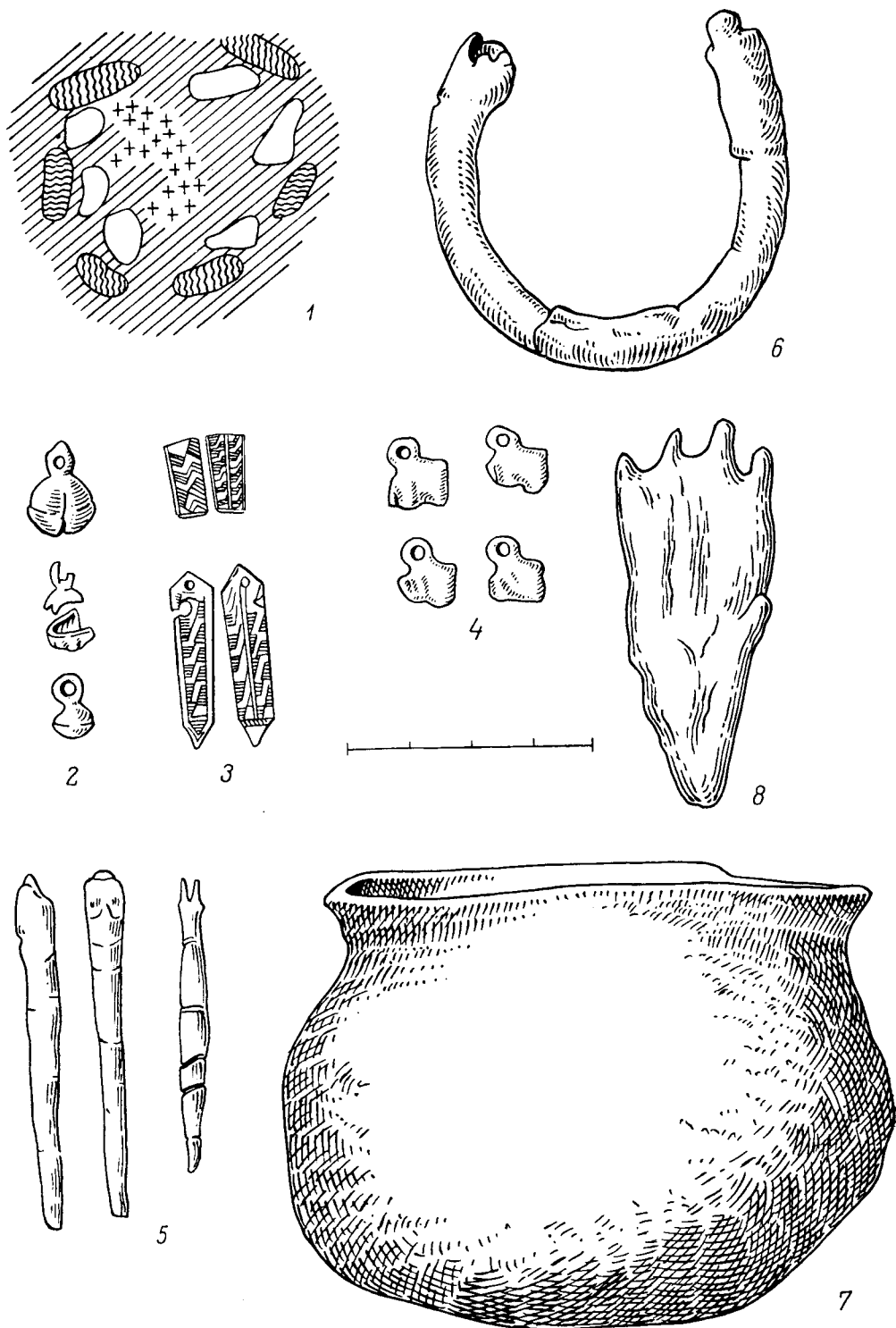

Рис. 2. Тимеревский могильник (погребение и вещи финно-угорского происхождения).

1 — подкурганый «домик мертвых»; 2 — бронзовые бубенчики и пуговицы; 3 — костяные орнаментированные копоушки; 4 — привески-амулеты из астрагалов бобра; 5 — костяные навершия с изображениями звериных головок; 6 — глиняное кольцо; 7 — сосуд с округлым дном; 8 — глиняная лапа.

Таким образом, в состав Тимеревского комплекса входят три вида древностей — погребальные, поселения, нумизматические. Важное место безусловно занимают материалы Тимеревского могильника. Достаточно детальная информация об этом памятнике представлена в опубликованной М. В. Фехнер сводке, поэтому мы остановимся лишь на основных моментах интерпретации материала.

Первоначальное количество насыпей в составе Тимеревского могильника установить невозможно. Сейчас мы располагаем материалами примерно 400 погребальных комплексов, а некоторые авторы насчитывали в могильнике до полутора тысяч курганов. В исследованиях М. В. Фехнер предложена следующая интерпретация могильника: он относится к концу IX—первой половине XI в. (особенно интенсивно разрастался в конце X в.), курганы насыпаны финно-уграми (весь), славянами, скандинавами; некрополь принадлежал группе поселений сельского облика. В погребальном обряде могильника наблюдаются тенденции замены кремации ингумацией, а между трупосожжениями на стороне и на месте различия только сезонные.

Анализ погребальных комплексов и открытие новых материалов позволяют дать иную оценку Тимеревским погребениям. Хронологически курганы могильника распределяются по нескольким группам. Я. В. Станкевич отмечала в свое время, что древнейшей является центральная часть могильника.¹⁵ Это мнение, на наш взгляд, справедливо — ранние курганы, датируемые нами IX в., имеют минимальные размеры, расположены цепью, вытянутой с юга на север, и подступают в южной части к поселению. Характеризуются следующими признаками: помещение кальцинированных человеческих костей кучкой или в разбросанном виде на материке или в насыпи (иными словами, трупосожжение на стороне), наличие лепной керамики и бедность другого инвентаря, кости жертвенных животных, каменная конструкция — камни располагаются по кругу или полукругу.¹⁶ В этой группе насыпей (52 кургана) можно усмотреть две этнические традиции — славянскую, характерную для районов Новгородской земли,¹⁷ и скандинавскую.¹⁸

Ранняя группа курганов Тимеревского могильника принадлежит смешанному населению, появившемуся на Верхней Волге из районов Новгородчины, в его состав входили славяне, западные финно-угры, скандинавы. Подавляющее большинство погребений этого периода совершено по обряду трупосожжения на стороне. Что касается трупосожжений на месте сооружения кургана, то в ярославских могильниках это явление более позднее, имевшее место в X в.¹⁹ Вся область Ярославского Поволжья была заселена вплоть до IX в. финно-угорскими племенами, но место, где появляется в этом столетии Тимеревский комплекс, было сво-

¹⁵ Станкевич Я. В. Указ. соч., с. 82.

¹⁶ Дубов И. В. Ярославское Поволжье в IX столетии. — Вестник ЛГУ, 1976, № 14, с. 61.

¹⁷ Курганы, характеризующиеся перечисленными признаками, определены как славянские IX—X вв. (Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. — МИА. Л., 1968, № 152, с. 112—113, рис. 4; Седов В. В. Новгородские сопки. — САИ, 1970, вып. Е1—8, с. 30—31, табл. XIX). Они расположены в бассейне Мсты, заходят на Мологу и обнаружены в окрестностях Ярославля. Эти курганы вместе с кладами восточных монет фиксируют Мстинско-Моложско-Волжский путь, являвшийся водной дорогой, по которой шла славяно-русская колонизация Ярославского Поволжья (Дубов И. В. Проблемы становления раннефеодального общества на территории Ярославского Поволжья. Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 12—13; Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII—X в. — Вспомогательные исторические дисциплины, VIII. Л., 1976, с. 95—110).

¹⁸ Лебедев Г. С. Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов. Автореф. канд. дис. Л., 1972, с. 11—12.

¹⁹ Утверждение о сезонных различиях между кремациями на стороне и на месте не подтверждается материалами других могильников (Ляпушкин И. И. Указ. соч., с. 112—113).

бодно, и первоначально поселок заселяли славяне и другие этнические группы, появившиеся в этом районе с первой волной древнерусской колонизации. Позднее активизируется и местное население и благодаря полученному импульсу вовлекается в процесс формирования древнерусской народности. Местные финно-угорские черты (мерянские) начинают проследиваться в погребениях Ярославских могильников с начала X в., но наиболее полно и ярко представлены они в середине этого столетия. К ним в первую очередь относится имитация под курганной насыпью «дома мертвых», когда на кострище фиксируются остатки деревянной конструкции из плах, обложенных камнями. Некоторыми деталями эти сооружения напоминают «домики мертвых», известные у финно-угров и балтов на данной территории в предшествующее время.²⁰ (рис. 2, 1). В таких курганах часты свойственные мерянскому населению находки: глиняные медвежьи лапы, глиняные кольца, костяные копоушки, привески из астрагалов бобра, бубенчики, круглодонная керамика (рис. 2).²¹

Усиление финно-угорских элементов в погребениях Тимеревского могильника в середине X в. говорит о том, что именно в этот период местное население, войдя в живые контакты с пришлым, поднялось к самостоятельной активности. Противоположной тенденцией этого процесса является интенсивное слияние разнотипных группировок Ярославского Поволжья — как финнов, так и славян, и скандинавов в единую культурную общность. В этот период в Ярославском Поволжье происходило формирование древнерусской народности, и этот район прочно вошел в состав Киевской державы. Изложенные выше данные касались вопроса хронологии и этнического состава населения. Теперь их можно дополнить сведениями о самом Тимеревском поселении.

В 1974—1976 гг. на Тимеревском поселении проведены полевые работы, в итоге которых вскрыта площадь более 3000 м². Удалось выяснить, что культурный слой памятника полностью перепахан и имеет среднюю мощность 25—35 см. В пахотном слое найдены многочисленные предметы быта, позволяющие реконструировать занятия жителей рассматриваемого поселения. Раскопками выявлены жилые производственные и хозяйственные сооружения. Речь идет об углубленных в материк наземных постройках со столбовыми конструкциями. Столбовые ямы с остатками дерева, угля и забутовкой из камней располагаются, как правило, вдоль наружных стенок сооружения, но в некоторых случаях они зафиксированы в центре постройки. В углубленных частях жилищ найдены очаги из камней. План жилищ в основном прямоугольный. Выделяются жилища, состоящие из двух частей — основного помещения с очагом и прилегающего к нему длинного коридорного входа. В большинстве жилых построек обнаружены остатки деревянного покрытия пола. Рядом с жилыми постройками располагаются производственные и хозяйственные сооружения. Можно говорить об усадебном характере и разряженности застройки поселения. Последнее росло вширь, свободно раскинувшись на площадке коренного берега реки.

В заполнении жилых построек найдены лепная и гончарная керамика, предметы вооружения, различные украшения, арабские монеты, орудия труда, амулеты и другие вещи, позволяющие датировать постройки с точностью до столетия и определить характер занятий населения.

²⁰ Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья. — МПА. Л., 1934, № 5, с. 51—68; Краснов Ю. А., Краснов Н. А. Домик мертвых на городище дяковского времени. — АО 1966 г. М., 1967, с. 34—35.

²¹ Представляется маловероятным рассматривать лапы и кольца в качестве северо-западных этнокультурных элементов. См.: Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. — МИА, 1970, № 179 (Л.), с. 128; Рябинин Е. А. Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X—XIV вв. Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 10.

Большое значение имеют находки мастерских и многочисленных предметов, связанных с ремесленным производством. Выделяется литейная мастерская, обнаруженная в 1975 г. Здесь выявлено основание горна; к сожалению, верхняя часть его уничтожена распахкой. В самой постройке найдена известняковая литейная форма для отливки круглых привесок из серебра или бронзы, два боевых топора X в. с обломанными в древности обушными частями, видимо, принесенные сюда как материал для ремонта. В заполнении постройки найдены также шлаки, фрагменты тиглей, крицы, сплавленная керамика, стекло. В 1976 г. в другой жилой постройке найден клад ювелирных инструментов — керны, долота, шилья, пинцеты. На поселении часто встречаются костяные орудия труда — крючки для вязания сетей, ложила, проколки, иглы. Большое количество пряслиц — шиферных, глиняных, костяных говорит о широко развитом ткачестве. Среди бус встречаются много брака и недоделанных. Возможно их местное производство из привозного сырья. Все эти факты говорят в пользу существования здесь специализированного ремесленного производства.

Тимеревское поселение не сразу разрослось до таких больших размеров, каковые фиксируются по находкам и выходам культурного слоя. Подтверждением этому является обнаружение в центральной части, заселенной в IX в., возможно, первоначальных укреплений в виде остатков мощной столбовой ограды. В этой же зоне обнаружен и клад IX в. Сразу за пределами ограды находятся постройки с монетами середины X в. Столбовые ямы спускаются к берегу реки и оконтуривают раннюю часть поселения. Площадь, ограниченная оградой, достигает 1 га. В постройках, расположенных в этой части, не найдено вещей финно-угорского облика, а доминируют находки, характерные для северо-запада Руси и Скандинавии. В культурном слое вне ограды широко представлены вещи местных финнов. Это костяные копоушки с флажковым орнаментом, бронзовые бубенчики, различные бляшки, всевозможные костяные орудия и изделия, шумящие украшения в виде бутылочек, привески-амулеты из клыков медведя, лисицы, астрагалов бобра (последние встречаются как в просверленном виде, так и в качестве заготовок), финно-угорские формы керамики с округлым дном, схема орнаментации зубчатым штампом на керамике, пряслицах, грузилах, восходящая к дяковской эпохе (рис. 3).

Большое значение для понимания Тимеревского комплекса имеют и клады куфических монет. Клад 1973 г. уже получил освещение в литературе.²² Однако в связи с тем, что он распахан, с каждым полевым сезоном возрастает количество монет и сейчас оно достигает 2685 экземпляров. Данный клад по своему составу относится ко второму периоду по классификации Р. Р. Фасмера и зарыт, возможно, в последней трети IX в., так как самые поздние монеты датируются 865—866 гг. Среди монет встречены уникальные и редкие экземпляры, например дирхем Идриса II 820/21 г., чеканенный в Вагите. Вторая известная монета, чеканенная на этом монетном дворе, входит в собрание Национальной библиотеки в Париже. В этом же кладе встречены некоторые монеты, отсутствовавшие в таком первоклассном собрании дирхемов, которое имеется в Эрмитаже.²³ На одной из монет клада найден кусочек грубой ткани, видимо в нее было завернуто когда-то сокровище. Несколько монет содержали граффити в виде знаков и даже надписей.²⁴ На одной из

²² Добровольский И. Г., Дубов И. В. Указ. соч., с. 68—70.

²³ Все нумизматические определения выполнены старшим научным сотрудником Государственного Эрмитажа И. Г. Добровольским.

²⁴ Дубов И. В. Находки скандинавских вещей в Тимерево под Ярославлем. — Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции по изучению истории экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии, ч. I. Л.—М., 1976, с. 155—156.

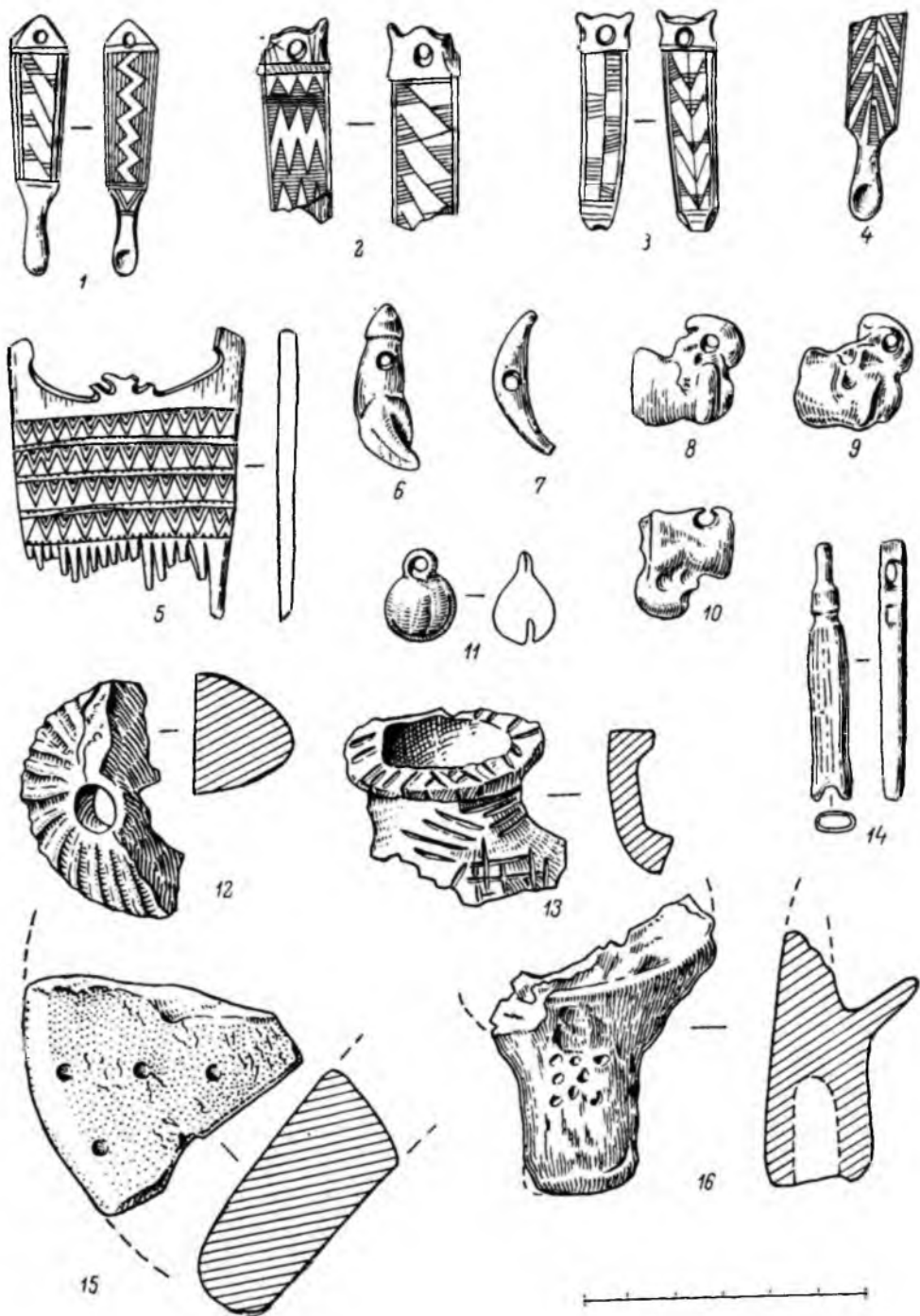

Рис. 3. Тимеревское поселение (находки финно-угорского происхождения).

1—4 — костяные орнаментированные копоушки; 5 — орнаментированный гребень; 6 — привеска-амулет из клыка медведя; 7 — привеска-амулет из клыка лисицы; 8—10 — привески-амулеты из астрагалов бобра; 11 — бронзовый бубенчик; 12 — ручка сосуда, орнаментированная зубчатым штампом; 13 — орнаментированная глиняная поделка; 14 — бронзовая полая привеска; 15 — орнаментированное глиняное грузило; 16 — орнаментированная глиняная льячка.

монет начертана руническая надпись, кроме того, встречены отдельные руны (определения Ю. К. Кузьменко). Обнаружены различные геометрические значки в нечитаемое подражание восточной надписи.

Анализ всей совокупности материалов позволяет следующим образом оценивать Тимеревский археологический комплекс: существовал он в IX—XI вв., причем расцвет его приходится на середину X в. Эта хронология обусловлена временем функционирования Великого Волжского пути, с которым рассматриваемый центр был непосредственно связан, располагаясь на перекрестке путей с северо-запада во Владимиро-Суздальское ополье. Из этого же района был прямой выход и в Белоозеро, и в Волжскую Булгарию. Основными занятиями жителей Тимерева были торговля и ремесло, что определяет его в качестве не сельского, а протогородского центра. В рассматриваемом пункте, выросшем на путях славянской колонизации северо-востока, мирно сосуществовало разноэтническое население и происходил активный процесс смешения двух основных этнических групп — славяно-русской и финно-угорской, в данном случае мерянской. В итоге местные жители были вовлечены в состав нового древнерусского населения края. Тимеревский комплекс выдвигается в один ряд с такими крупными городскими центрами Древней Руси, как Ладога на Волхове и Гнездово на Днепре. Дальнейшее полевое исследование Тимеревского поселения позволит конкретизировать и уточнить высказанные заключения.

Унто Сало

К ИСТОРИИ И ПРЕДЫСТОРИИ ПРОВИНЦИЙ ЗАПАДНОЙ ФИНЛЯНДИИ

Первые достоверные упоминания западнофинских провинций относятся к первой половине XIV в. Провинциями — terra — со всеми их признаками становятся Аланд (Аландия) в 1322 г., собственно Финляндия также в 1322 г., Сатакунта (Сатагундия) в 1331 г., Уусимаа/Шюланд (Шюландия) в 1326 г. и Хяме (Тавастия) в 1319 г. (рис. 1). Провинции выступают как области с самоуправлением, которые имеют свои провинциальные собрания (communita), печать (sigillum terrae) и провинциального судью.¹ Что касается Похьянма (восточная Ботния) и Карелии (западная), то к тому времени неизвестны были у них ни печать, ни собрания, ни судьи, из чего следует, что самоуправление в этих областях не имело четкой провинциальной структуры. Сущность и форма самоуправления провинций до сих пор не подвергались детальному исследованию.

Провинция Аланд состояла в XIV в. из шести общин, которые по две образовывали так называемые единицы тридунг (tridung). Каждая из этих последних имела своих судей, которые в определенной очередности выполняли функции провинциального судьи. Собрания провинций проводились в большинстве случаев в Салтвике, где церковь Девы Марии являлась центром провинции и где также находилась казна.

Провинция Финляндия, собственно современная Финляндия, охватывала в XIV в. 25 церковных общин, из которых более древние располагались в устьях рек, а более поздние, включавшие финских и шведских поселенцев, находились в удалении от моря. Собрания провинции проводились в Турку, являвшемся экономическим, военным и церковным центром провинции.²

Провинция Сатакунта образовалась в бассейнах рек Кокемяенйоки и Эурайоки, но охватывала на северо-западе также Карвианйоки и Исонйоки, а на юге область по реке Лапнийоки. Однако районы р. Кокемяенйоки и системы озер Хаухо, а также часть области Ванаявеси и верхнее течение р. Лоймийоки относились уже к провинции Хяме. В XIV в. провинция Сатакунта охватывала 10 церковных общин. Их основу составляли восходящие к периоду железного века поселения в бассейне рек Кокемяенйоки и Эурайоки, к которым в средневековье прибавились новые, населенные финским и шведским (около 1300 г.) элементом. Видимо, еще в 40-е гг. XIV в. в устье р. Кокемяенйоки возник город Улвила. Центром провинции была деревня Юлпстаро в Кокемяки.³

Провинция Хяме (Тавастланд) охватывала в XIV в. систему озер Пейянне за исключением области Кюмийоки, а также систему озер Ванай-

¹ Oja A. Finland, hakusana Landskapsnamn, Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid. Bd. X. Danmark, 1965; Voionmaa V. 1) Suomalaisia keskiajan tutkimuksia. Veroja, laitoksia, virkamiehiä. Porvoo, 1912. S. 237—238; 2) Studier i Ålands medeltidshistoria. — SMYA, 1916, XXVII, S. 85—86.

² Voionmaa V. Suomalaisia keskiajan tutkimuksia, S. 237—238; Oja A. 1) Keskiaikaisen «Etelä-Suomen» asutus ja aluejaot. — Historiallisia tutkimuksia, XLIV. Helsinki, 1955, S. 128—129; 2) Suomi ja Varsinais-Suomi. Kotiseutu, 1956, S. 2; Jutikkala E. Suomen historian kartasto. — Suomen tiedettä, № 2, julkaisija Suomalainen tiedeakatemia. Porvoo, 1959, Karte 15.

³ Suvanto S. Keskiaika. — In: Satakunnan historia. III. Pori, 1973, S. 75—101, 328—329.

веси и Хаухо. Население, появившееся в районе озер Хаухо в эпоху железного века, и шедший отсюда колонизационный поток в район озера Пяйянне образовали поселенческое ядро провинции Хяме. Обширные северные районы провинции Хяме (равно как и провинции Сатакунта) оставались, однако, незаселенными еще в XVI в. Провинция насчитывала семь церковных общин. Центром провинции была Хямеенлинна, замок Хяме.⁴

Область Уусимаа (Нюланд) простиралась по побережью Финского залива от границы провинции Финляндия до Кемийоки. Эта область была заселена по побережью шведами, а внутри страны пришельцами из Хяме и собственно Финляндии. В XIV в. провинция состояла из 10 церковных общин. В устье р. Порвоонйоки в 40-х г. XIV в. возник город Порво (Борго). Однако центр провинции располагался не в Порво, а в Тепхола, на западе Уусимаа.⁵

Вопрос о времени возникновения провинций в Финляндии продолжает интенсивно изучаться и остается дискуссионным. В древнейших источниках провинции выступают как уже существующий институт. По общему мнению, провинции, обладающие печатью, восходят к значительно более раннему периоду, чем первое упоминание о них. Объяснение того, что до 1319 г. не была упомянута ни одна из провинций, очевидно, заключается в том, что значительная часть древнейших источников Финляндии была уничтожена в 1318 г. В случае с Сатакунтой мнения исследователей расходятся. Эта провинция не упоминается в двух источниках, перечисляющих другие провинции. Некоторые исследователи объясняют это тем, что Сатакунта возникла лишь за несколько лет до первого упоминания о провинциях.⁶ Предполагают также, что Сатакунта была частью провинции Хяме.⁷ Не вдаваясь здесь в подробности, можно с полным основанием считать, что Сатакунта возникла тогда же, что и другие провинции, обладающие своей печатью.

На существование еще с конца XIII в. обладавших печатью провинций указывают многочисленные косвенные данные. То обстоятельство, что Саво и Западная Карелия, связанные по Ореховскому мирному договору 1323 г. с западной Финляндией, не были включены в состав провинций, обладающих печатью, указывает, что последние восходят по крайней мере к периоду до завоевания Карелии (1293—1323 гг.).⁸ Другим датирующим обстоятельством являются церковные мотивы на печатях провинций. На печати Финляндии изображена Дева Мария, на печатях провинций Аланд, Уусимаа и Сатакунта — святой Олаф и на печати Хяме — распятие. Можно думать, что изображение Девы Марии на печати Финляндии как центральной провинции и изображение Олафа на печатях трех соседних провинций отражают такие же взаимоотношения между ними, как и взаимоотношение основных церквей, посвященных Марии, и дочерних церквей, посвященных Олафу. Из этого можно заключить, что образование провинций восходит ко времени финского епископа Катиллуса (1266—1286),⁹ ибо именно он, как полагают, и мог ввести такое церковное соподчинение. Исходя из всего сказанного, возникновение провинций, обладающих печатью, может быть датировано 1266—1280 гг.

⁴ Niitemaa V. Hämeen keskiaika. — In: Hämeen historia I. Hämeenlinna. 1955. S. 201—214, 418, 438.

⁵ Voionmaa V. Suomalaisia keskiajan tutkimuksia, S. 142, 238.

⁶ Voionmaa V. Suomalaisia keskiajan tutkimuksia, S. 158—161; Niitemaa V. Hämeen keskiajka, S. 206—207.

⁷ Salo U. Häme ja Satakunta, Näkökohtia maame varhaisimman maakuntalaitoksen synnystä. Satakunta, 48. Kotiseutututkimuksia. Helsinki, 1967, S. 85—99.

⁸ Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika. Kristillisen Suomen synty. (Suomen historia. III). Porvoo ja Helsinki, 1938, S. 385—386.

⁹ Jaakkola J. Satakunnan varhaiskauppa ja Prin edeltäjät. Porin historia. I—II. Pori, 1958, S. 105—106.

Использование печатей указывает, что управление провинциями в определенной степени соответствовало тому обычаю, который установился в середине XIII в. в самой Швеции. Возникновение в 60-х гг. XIII в. системы провинций в западной Финляндии относится к периоду, когда епис-

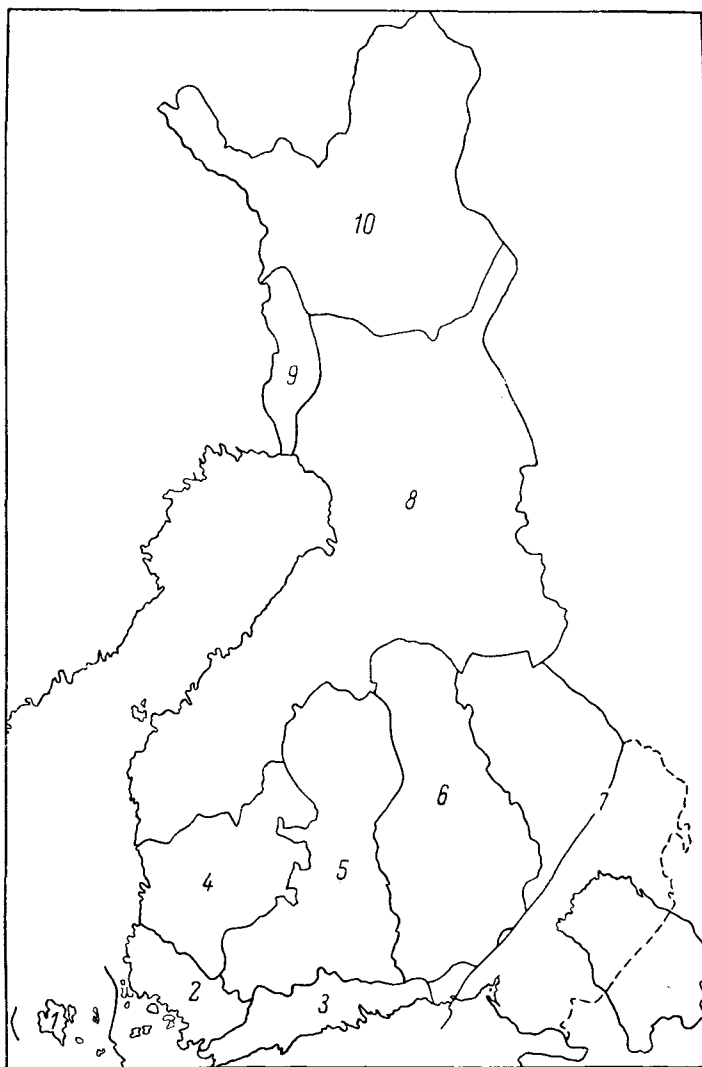

Рис. 1. Исторические провинции Финляндии.

1 — Ахвенанма (Аландские острова); 2 — Варсинаис-Суоми (собственно Финляндия); 3 — Уусима (Нюланд); 4 — Сатакунта; 5 — Хяме (Тавастланд); 6 — Саво; 7 — Карьяла (Карелия); 8 — Похян-
маа (Восточная Ботния); 9 — Лянсипохья (Западная Ботния); 10 — Лаппи (Лапландия).

коп Боро I около 1249 г. для уплаты шведскому королю налога рожью установил новый церковный побор — каноническую десятину.¹⁰ Формы обложения налогом в провинциях были различны. Так, «финское» и «шведское право», по которому платили налоги в Финляндии и частично в Сатакунте, не распространялось на Уусимаа и Хяме. В Уусимаа налоги

¹⁰ Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika... S. 404; Kerkkonen G. «Skatter». — KLFNM, 1970, XV, S. 136—141; Kuujo E. «Tiend». — KLFNM, 1974, XVIII, S. 299—300.

взимались по «хельсинглендскому праву», в Хяме — по «хямелейсетскому праву». Очевидно, налоги назначались по провинциям, а, следовательно, уже в 50—60-е гг. XIII в. Финляндия, Сатакунта, Хяме и Уусимаа были самоуправляющимися областями.¹¹ Источники содержат отрывочные данные, позволяющие предположить существование провинций и в еще более раннее время. В одном папском послании 1256 или 1257 г. упоминается, что карелы уничтожили города и провинции (*uillas et terras*) в епископстве Финляндии, а в другом послании 1229 г. папа отмечает, что епископ Финляндии обратил в христианскую веру много людей в Финляндии и в соседних провинциях (*terris vicinis*).¹² Приведенное слово *terra* применялось в XIV в. для обозначения области и страны. Употребление этого слова во множественном числе скорее всего указывает, что оно обозначало в приведенных случаях провинции. Это толкование подтверждается новгородской летописью, сообщающей о земле еми под 1191 г. и о походах емлян на водь и Новгород под 1142 и 1149 гг.¹³ Все эти данные не противоречат утверждению о существовании провинции Хяме в 40-е гг. XIII в.

Что касается собственно Финляндии, то булла *gravis admodum* 1172¹⁴ сообщает, что в случае грозящей опасности финны всегда обращались к служителям церкви. По нашему мнению, это указывает на существование провинциальной организации, а не отдельных общин. Если высказанное толкование верно, то образование провинции Финляндия восходит уже ко второй половине XII в.

В отношении Сатакунты источники хранят молчание до середины XIII в., но название самой провинции может указывать на ее значительную древность. Филологи предлагают различную этимологию этого названия. Правдоподобно, что это слово явилось переводным от шведского слова *hundare* (сто), либо соответствующего ему древнегерманского слова *Hundertschaft* (сотня). В некоторых шведских провинциях *hundares* были более крупными образованиями, чем общины, но более мелкими единицами, чем собственно провинция (*folkland*). В Швеции сотни восходят по крайней мере к периоду викингов. Это позволяет предположить, что такой же организационный принцип мог существовать и в Финляндии не позднее XII в., может быть даже в XI в. или в еще более раннее время.

Если оставить без внимания скандинавские саги и рунические камни, то можно констатировать, что более ранних исторических источников для изучения системы провинции, чем булла *gravis admodum*, нет. О более раннем времени мы можем судить почти исключительно по археологическим источникам. Однако имеются ли в археологическом материале железного века западной Финляндии какие-либо данные, указывающие на существование провинций? Мы полагаем, что они имеются. Это прежде всего городища (бурги) (рис. 2). Они известны в Финляндии почти исключительно на территории, заселенной в период железного века. Только в Саво, в области озер Саймаа и на побережье Уусимаа имеются древние городища, которые, видимо, не восходят к железному веку.¹⁵ Городища бронзового века на территории западной Финляндии за исключением одного неясного случая неизвестно.¹⁶ Хронология городищ изучена недостаточно. На основе имеющихся материалов наиболее древнее укрепленное поселение датируется временем переселения народов. Большинство же

¹¹ Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika. ., S. 400—410; Oja A. Maskun historia. Turku, 1966.

¹² Hausen R. 1) *Finnlands medeltidsurkunden*. I. Helsingfors, 1910, S. 46—47: 2) *Registrum Ecclesiae Aboensis*. Helsingfors, S. 2—3.

¹³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 212, 215, 230.

¹⁴ Hausen R. *Finnlands medeltidsurkunden*, I, S. 12—13.

¹⁵ Крепость Пуодинкюля в Хельсинки является, вероятно, средневековой. К средневековым крепостям относятся также Линнамяки и Порво, хотя в данном случае речь могла бы идти и о более ранней датировке.

¹⁶ Meinander C. F. *Die Bronzezeit in Finnland*. — SMYA, 1954, S. 184—185.

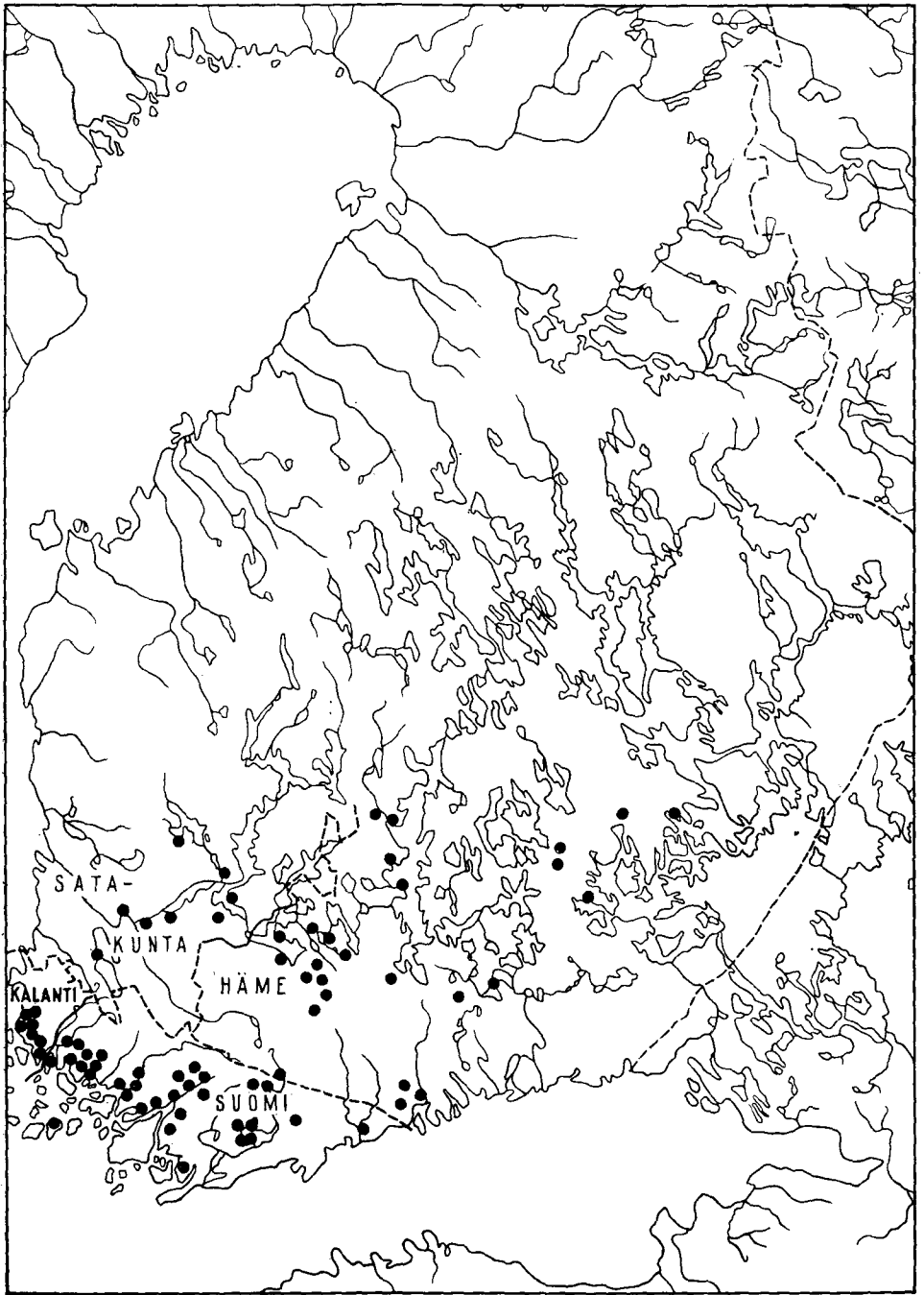

Рис. 2. Городища эпохи железного века на территории Финляндии.

укреплений, вероятно, появилось позже — в эпоху викингов и крестовых походов — и расположены в соседстве с синхронными им могильниками (рис. 3).

В собственно Финляндии известно около 40 городищ, т. е. больше, чем в какой-либо другой провинции. Они расположены в полосе от Карья до Лайтила.¹⁷ Здесь в долинах рек городища располагались некогда связанными между собой группами. Расстояния между отдельными пунктами в пределах одной долины невелики. Однако неясно, имела ли связь между укреплениями различных долин, т. е. образовывали ли они систему обороны, которая охватывала бы провинции или по крайней мере более крупные территориальные единицы, чем общины.

В Сатакунте известно девять городищ. Поскольку С. Суванто изучал их с точки зрения истории средневековой общины,¹⁸ то следует рассмотреть их более подробно. В Эуре и Кокемяки известно только по одному городищу. Можно предположить, что эти крепости строились и содержались общинами. Городище в Сиуро — единственное древнее укрепление, известное в области Пирккала, — можно было бы считать общинной крепостью. Однако против такого толкования говорит тот факт, что она не могла защищать Кангасала, относящуюся к Пирккале, и возможно даже не могла защищать жителей Мессукюля. В данном случае теория общинной крепости является неприемлемой. Она более применима к городищу Арасало в Икаалинен, которую можно рассматривать как древнюю крепость Кюрё. В этой же местности известно городище Талосенлинна, которое вряд ли относится к железному веку. Использование обоих древних укреплений одновременно маловероятно. Среди других общин Верхней Сатакунты Састамала обладала настолько обширной территорией, что жители ее не могли обойтись только одним укрепленным поселением. В области Тюрвяя было свое укрепление — Хиуккасаари. Жители Карккулы имели свою крепость — Пентти.¹⁹ Община Весилахти Лемпяяле имела также два бурга — Валккинен в Весилахти и Пирунлинна в Лемпяяле.²⁰ В отличие от других крепостей Сатакунты, которые располагались недалеко от селищ и могильников периода железного века, обе названные крепости являлись убежищами, так как Валккинен расположена в лесу в 10 км от ближайшего некрополя, а Пирунлинна — на таком же расстоянии от синхронного ему поселения Лемпяяле.²¹ Городища Сатакунты разбросаны на обширной территории; их расстояние друг от друга 15—35 км. Укрепления Харола в Кокемяки и крепость Хиуккасаари в Тюрвяя расположены на островах, что затрудняло, в частности, и дымовую сигнализацию. Судя по всему, бурги Сатакунты не образовывали единой системы обороны, которая базировалась бы на каких-либо сигналах. Население, находившееся на территории, удаленной от моря, вообще не опасалось нападений морских пиратов. Очевидно, в связи с этим в некоторых местах вообще не известно древних городищ-убежищ, хотя поселения в период железного века там существовали и были довольно крупными. С точки зрения исторической организации примечательным является соответствие крепости и общины. Вероятно, всю систему организации бургов в Сатакунте следует понимать как общинную. Однако поскольку количество крепостей все же превосходит число установленных Суванто общин, то первые указывают на еще более древнее первоначальное разделение общины.

¹⁷ Kivikoski E. Suomen esihistoria. Suomen historian. I osa. Porvoo, 1961, karte 240.

¹⁸ Suvanto S. Keskiäika... S. 27—70.

¹⁹ Salmo H. Satakunnan historia. II. Rautakausi. Vammala, 1952, S. 87—88, 94—95.

²⁰ Ibid., S. 121—122, 128—129.

²¹ Местоположение крепостей обозначено на карте, приложенной к указанной выше работе Г. Салмо.

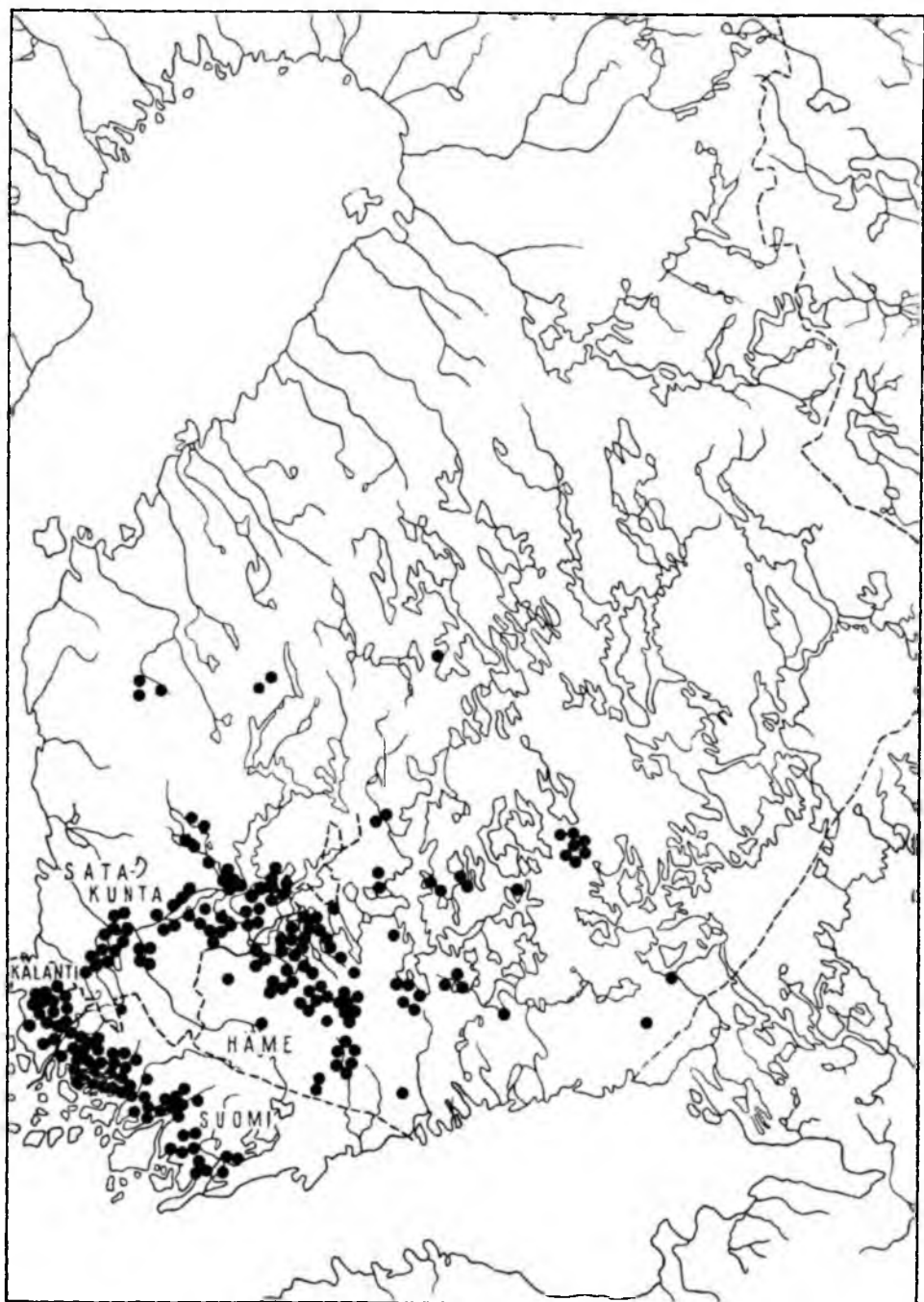

Рис. 3. Могильники времени позднего железного века (800—1150/1300 гг.) на территории Финляндии.

В провинции Хяме известно 16 городищ периода железного века.²² На территории, удаленной от моря, потребность населения в защищенных убежищах была значительно меньше, чем на побережье. Древние городища расположены в центре Хяме — в системе озер Ванаявеси и Хаухо, частично в Пяйянне — Хяме. Между крепостями в системе озер Ванаявеси могла существовать связь путем подачи сигналов огнем. Таким образом, эти крепости, по-видимому, образовывали единую систему обороны. Крепость Рапола, которую вследствие ее больших размеров (длина около 380 м) следует рассматривать как основную, наверняка служила для защиты довольно обширной территории.²³ Вся система обороны, очевидно, была организована для отражения опасности, грозившей со стороны Финского залива. Граница системы обороны на севере Ванаявеси проходит там, где находилась в средневековье граница между провинциями Хяме и Сатакунтой. Это, возможно, указывает на существование здесь в период викингов и «крестовых походов» границы между провинциями. Обороноспособность Хяме была такова, что в XI в. эта область отразила нападения викингов, а в XII—XIII вв. — новгородцев. Нечто подобное относится и к провинции Финляндия — шведы не могли ее подчинить длительный период.

Еще одним археологическим аспектом истории провинций являются относящиеся к позднему железному веку клады серебра, в особенности в связи с их топографией и хронологией (рис. 4). В провинции Аланд известны 8 таких кладов, в собственно Финляндии — 11, в Сатакунте — 1, в Хяме — 15, в Уусимаа — 1 или 2. Клады Аланда относятся исключительно к IX—X вв., т. е. к периоду викингов. Почти все клады на территории собственно Финляндии датируются 1030—1070 гг. Среди кладов в Хяме наиболее древний — Йоутса в Сюми — датируется временем около 1010 г., а наиболее поздний, найденный в Линнанниеми в Хямеенлинна, — около 1100 г. Клад Ханкониemi в Уусимаа был зарыт после 864—865 гг. Это единственный клад из вышеназванных, вблизи которого неизвестно никакого, относящегося к железному веку, поселения. Единственный на территории Сатакунта клад найден в Лемпяяле и датируется не ранее 1050 г.

Клады образуют на побережье собственно Финляндии зону, простирающуюся от Перниё до Мюньяйки, т. е. занимают среднюю часть провинции, ту часть, которая была заселена в железном веке. Вне этой зоны остается только клад Карья, который был зарыт около 1000 г. Удивительно, что отсутствуют полностью клады в северных общинах собственно Финляндии — в Вехмаа, Каланти и Лайтила, где в период викингов жило многочисленное население.²⁴ Клады отсутствуют не только на территории упомянутых выше общин, но также и на территории Каланти, которая еще в 50-е гг. XIV в. представляла единое целое, а позже, когда были созданы судебные округа (в 1405—1407 гг.), стала известна как судебный округ Вехмаа.²⁵ На древность этой области указывает также время оформления ее границ. По мнению А. Ойя, морская граница этого судебного округа восходит еще ко времени до XIII в.²⁶ Отсутствие кладов серебра XI в., вероятно, отражает обособленность Каланти от остальной Финляндии. В самом названии Каланти заключено шведское слово land (страна), в чем также можно видеть доказательство того, что эта область весьма рано стала «страной», т. е. миниатюрной провинцией.

Наличие кладов в собственно Финляндии, Хяме, так же как и крепостей, по общему мнению объясняется беспокойным временем. О разбой-

²² Kivikoski E. Hämeen rautakausi. — In: Hämeen historia. I. Esihistoria ja keskiaika. Hämeenlinna, 1955, S. 70, 170.

²³ Ailio J. Rapolan muinaislinna Sääksmäellä. — SM, 1921, XXVII—XXVIII.

²⁴ Kivikoski E. Suomen esihistoria. . ., S. 191, 291, karte 240.

²⁵ Oja A. Kalevalaseuran vuosikerta, 1964.

²⁶ Oja A. Maskun historia. . ., S. 34—36.

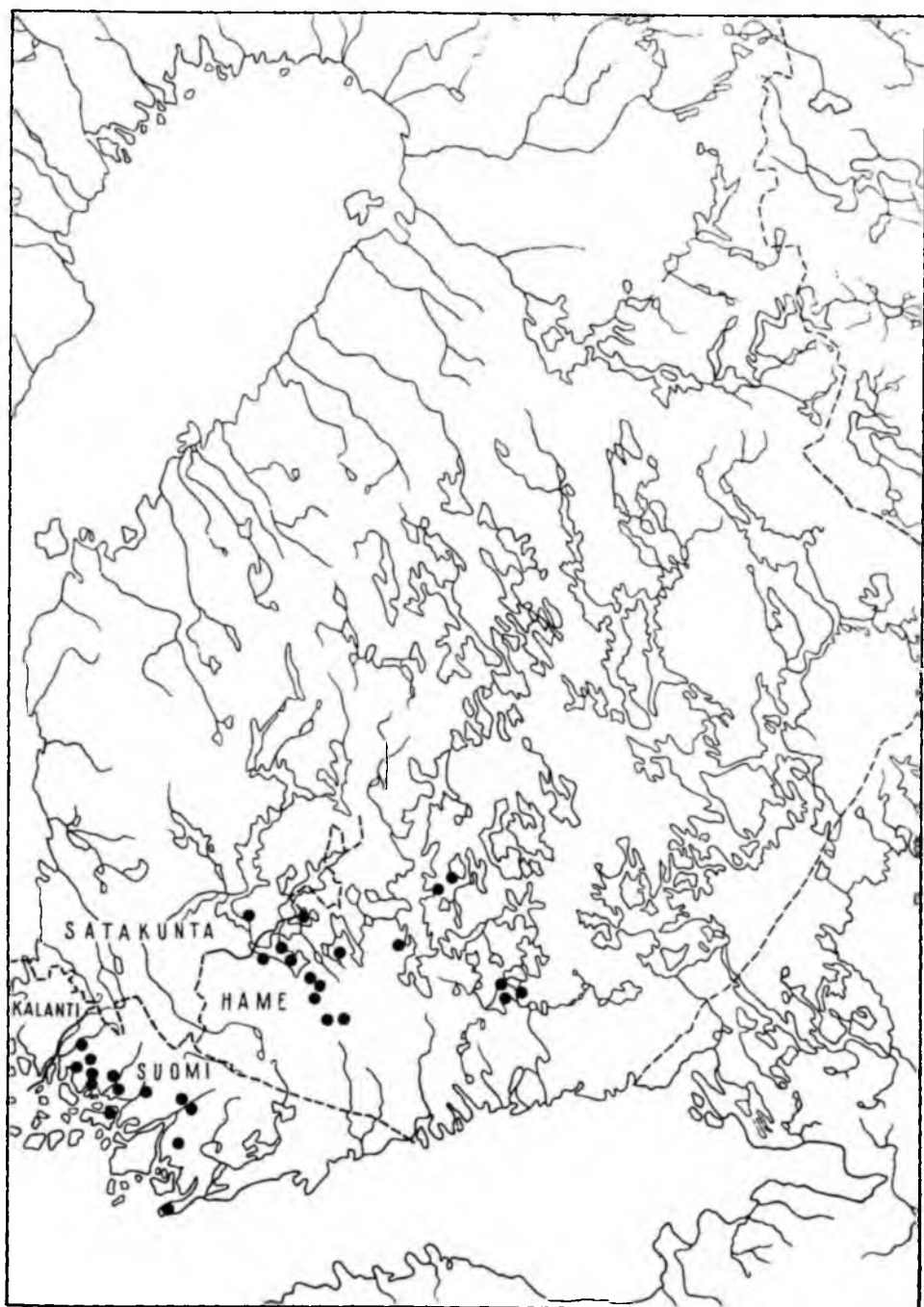

Рис. 4. Клады серебра времени позднего железного века на территории Финляндии.

ничьих набегах на Финляндию (Finlont) и на Хяме (Tafstalont) говорят рунические камни в области Меларен, готландский крест, а также саги.²⁷ Возможно, что такие набеги имели место в связи с возникавшими время от времени конфликтами между емью, карелами и водью, хотя исторические сообщения об этом и появились только в 40-х г. XII в. Согласно саге об Эгиле, жители Кайну воевали на стороне норвежцев против карел в Лапландии, вероятно, уже в X в.²⁸

Отсутствие кладов в Сатакунте и Каланти можно было бы объяснить недостаточной исследованностью этих районов, что, однако, маловероятно. Причиной отсутствия кладов не может быть также и недостаток серебра. В Унтамале в Лайтила известно погребение с набором серебряных украшений, относящихся к эпохе крестовых походов.²⁹ В погребениях провинции Сатакунта повсюду обнаруживают серебряные монеты, которые использовались и в качестве подвесок.³⁰ На кладбищах Луистари в Эуре и Лалли в Кёйлиё несравнимо больше серебряных украшений, чем в каком-либо другом исследованном могильнике.³¹ На распространение серебра указывают также найденные в 12 погребениях Сатакунты весы и около 100 гирек.³² Эти данные весьма показательны. Около двух третей всех известных гирек найдено именно в Сатакунте. Части весов известны в двух погребениях Хяме, которая богатакладами. В Каланти найдена деталь весов, а в собственно Финляндии их шесть.³³

Из высказанного следует, что отсутствие кладов в Каланти и Сатакунте следует отнести, очевидно, за счет того, что необходимость в сохранении ценностей в земле в этих районах была значительно меньше, чем в Финляндии и Хяме. В Сатакунте отсутствие кладов сочетается с небольшим количеством городищ. Обстановка в XI в. была там, очевидно, относительно спокойной. В Каланти, напротив, известно довольно много общинных крепостей. Однако возможно, что большая часть из них не достроена или вообще в то время не использовалась. Прибрежное расположение Каланти и Сатакунты указывает, что их население не было в полной безопасности. По р. Эурайоки пираты могли легко продвинуться в район Эуры и Кёйлиё. На р. Кокемяенйоки от устья до границы Харьявалта не было порогов, а оттуда всего десять километров до северо-западного могильника Кокемяки. Кроме того, викинги могли перетасить свои корабли через пороги Кокемяенйоки, подняться вплоть до границы с Хяме, которая проходила за Тампере, так что даже Сатакунта была лишь в относительной безопасности. Очевидно, что Каланти и Сатакунта не подвергались нападениям викингов, во всяком случае они постоянно не угрожали им. Опасность нападения сохранялась со стороны Швеции. Однако шведы, очевидно, имели другие отношения с Каланти и Сатакунтой, чем с Финляндией и Хяме. Иначе вряд ли можно объяснить топографию распространения кладов.

Судя по расположению древних городищ, граница между Хяме и Сатакунтой в поздний период железного века являлась границей распространения оборонительных сооружений. Ввиду неразработанной

²⁷ Snorri. *Norjan kuningassaaget, II osa, Suomentanut.* — In: Hollo J. A. *Runot suomentanut Aale Tynni, Johdannon kirjoittanut Martti Haavio.* Porvoo, 1960, S. 185—186; Jaakkola J. *Suomen varhaishistoria, Heimokausi ja «Kalevalakulttuuri».* Suomen historia. II. Porvoo ja Helsinki, 1925, S. 190, 211—212.

²⁸ Luho V. ja Leppäaho J. *Suomen esihistoria.* — In: *Suomen historian käsikirja, toimittanut Arvi Korhonen, Edellinen osa.* Porvoo—Helsinki, 1949, S. 77—78.

²⁹ Itkonen K. *Ruumishautalöytö Vakka—Suomesta.* — SM, LXXI, 1964.

³⁰ Salm o H. *Satakunnan historia.* . . , S. 498; Salm o H. *Deutsche Münzen in Vorgeschichtlichen Funden Finnlands.* — SMYA, 1948, XLVII, S. 16—18 und Karte; Grä nberg B. *Förteckning över kufiska myntfynd i Finland.* — *Studia Orientalia* edidit Societas Orientalis Fennica, XXXIV. Helsinki, 1966, S. 174—186.

³¹ На кладбище Лалли, как сообщила магистр Пиркко-Лийса Лехтосало, обнаружено около сорока серебряных монет.

³² Salm o H. *Satakunnan historia.* . . , S. 408—410.

³³ Kivikoski E. *Die Eisenzeit Finnlands.* Helsinki, 1973, Abb. 823—824.

хронологии городищ эту границу нельзя точно датировать. Очевидно, речь может идти о периоде викингов, к которому относятся монеты, обнаруженные в крепости Валккинен в Веслахти, чеканенные в 804—805 гг. Серебряные клады в свою очередь указывают на то, что граница между Хяме и Сатакунтой была в XI в. «внешнеполитической» границей. Она, по-видимому, отражает различные отношения Хяме и Сатакунты со Швецией. Кроме того, клады серебра делают возможным предположение, что подобная «внешнеполитическая» граница уже в XI в. отличала Каланти от остальной собственно Финляндии. Отношения этих двух областей к Швеции также были, по-видимому, различными. Возникает вопрос о значении границ. Может ли граница обороны и «внешнеполитическая» граница быть чем-либо иным, чем границей провинции? В принципе ответ может быть утвердительным. Однако поскольку эта граница совпадает со средневековой провинциальной границей Хяме и Сатакунты, то естественнее предположить, что речь идет о существующей уже в XI в. — возможно, даже еще ранее — границе провинций.

Вопрос о границе между Финляндией и Каланти более проблематичен, так как на основе более поздних источников нельзя установить, была ли она границей провинции. Из того, что Каланти в определенной степени отличается от остальной Финляндии в культурном отношении, вовсе не следует, что речь шла о районе с самоуправлением, о миниатюрной провинции. Граница могла, например, возникнуть в связи со шведским вторжением. Вторая часть названия территории — *lantti*, кажется, подтверждает эти гипотезы, если только на самом деле речь идет о «стране». Итак, со всеми оговорками, вытекающими из существа вопроса, можно предположить, что система провинций в западной Финляндии, по-видимому, появляется в XI в. и что тогда существовало, вероятно, пять провинций: Аланд, не рассматриваемый здесь подробно, Финляндия, которая охватывала, вероятно, территорию собственно Финляндии между Перниё и Мюнямяки, Каланти, которая уже тогда состояла, наверное, из трех общин, Сатакунта и Хяме. За исключением Каланти, эти провинции появляются в исторических источниках как обладающие собственной печатью. Поскольку, согласно историческим источникам, Каланти принадлежала собственно Финляндии, можно предположить, что Каланти потеряла свою самостоятельность в период возникновения провинций, обладающих собственной печатью.

Предполагаемое различное отношение финских провинций к Швеции может быть обосновано. В Средней Швеции воздвигались рунические камни знатным мужам, павшим в походах в Финляндию (*Finlont*) или Хяме (*Tafstalont*). Враждебное отношение к Финляндии отразилось в сагах. Финские провинции пытались, по-видимому, всеми силами отразить нападение шведов. Мы, правда, точно не знаем, подразумевается ли под названием Финлонт часть Финляндии, из которой известны клады, или вся собственно Финляндия, включая Карья. Такая же неуверенность существует и в вопросе о том, является ли Тафсталонт рунических камней именно провинцией Хяме; возможно, это так, но это только предположение.

Каланти и Сатакунта имели, напротив, более тесные связи со Средней Швецией, чем остальные области Финляндии, и притом уже в период викингов. Это вытекает из того, что некоторые среднешведские формы предметов распространены здесь в значительно большем количестве, чем на территории южной собственно Финляндии и районов Хяме.³⁴ Свидетельства таких связей имеются уже для римского периода.

Древние связи Сатакунты с провинциями Меларен, не считая найденных шведских по форме предметов, кажется, нашли свое отражение

³⁴ Kivikoski E. Studien zu Birkas Handel im östlichen Ostseegebiet. — AA, 1937, Kjøbenhavn, v. VIII, S. 235—242; Salo U. Häme ja Satakunta..., S. 119—123.

в названии провинции.³⁵ Нельзя, однако, полностью исключить непосредственного заимствования этой модели устройства из Средней Европы. Система сотен не пустила таких мощных корней на финской почве, как на шведской, а поэтому она и не оставила документальных следов. Тем не менее отметим, что Сатакунта в период железного века состояла из восьми общин, что соответствует развитой системе сотен.³⁶ Вероятно, можно было бы обнаружить и другие соответствия. Поселения железного века в Сатакунте находились в глубине страны, так же как и поселения hundares (сотен) в районе Меларен. Каланти могла как «прибрежная провинция» соответствовать тем «корабельным сообществам» (швед. Snäskiolag, фин. laivakunta), которые на берегу Уппланда были связаны с сотнями районов, удаленных от моря.³⁷ Можно было бы указать на «корабельное сообщество» Пюхямаа, которое в свое время относилось к Лайтила. Однако следует соблюдать осторожность при таком приравнивании, так как «корабельные сообщества» Уппланда состояли из двух общин, а такое же сообщество в Каланти — из трех. Древнее «корабельное сообщество» известно также и в районе Мюнямяки, так что это не является особым признаком области Каланти. Вопрос о том, образовала ли Каланти «корабельное сообщество» шведского типа, должен, следовательно, остаться открытым.

³⁵ Suvanto S. Keskiaika. . ., S. 16—17.

³⁶ Ibid., S. 68—70.

³⁷ Hafström G. Hundare. — KLFNM, 1912, VII, S. 74—78.

Л. А. Голубева

ВЕСЬ, СКАНДИНАВЫ И СЛАВЯНЕ В X—XI ВВ.

Взаимоотношения веси, скандинавов и славян представляют существенную часть исторического процесса, протекавшего на севере Руси в X—XI вв.

Отдельные группы скандинавов, стремившихся освоить Волжско-Балтийский торговый путь, появились в нижнем течении Волхова в VIII—IX вв. Об этом свидетельствуют скандинавские погребения в курганах урочища Плакун и наличие скандинавских вещей, в том числе стержня с рунической надписью, в нижнем горизонте (Е) Старой Ладogi.¹ Однако скандинавы не были здесь первопоселенцами. Старая Ладога существовала с конца VII или середины VIII в. Население ее было разноэтничным. О. И. Давидан полагает, что наряду со скандинавами здесь могли жить фризские купцы и ремесленники, балты. В. В. Седов считает, что основным населением Старой Ладogi были славяне и финны, а скандинавы составляли один из его этнических компонентов.²

Во второй половине IX в. отдельные скандинавские отряды неоднократно вмешивались в политическую жизнь федерации северных славянских и финских племен. С Ладогой связана деятельность легендарных Рюрика и Олега.

Ладога была важнейшим и самым северным торгово-транзитным центром Великого Волжского пути в Восточной Европе. Об этом свидетельствуют самые ранние клады арабских монет, найденные на поселении и в ближайших окрестностях. Топография кладов куфических монет конца VIII—IX вв. указывает, что наиболее проторенным торговым путем на Верхнюю Волгу в ранний период восточной торговли был путь Ладога—Волхов—оз. Ильмень, р. Пола, оз. Селигер;³ вторым по значению было направление Волхов—Мста—Тверца (рис. 1). Направление торговых путей отмечено и погребениями торговцев с весами для малых взвешиваний или гирьками. Почти всегда в этих погребениях находят оружие; в большинстве это скандинавы.

В X в. в активные международные связи по Волго-Балтийскому пути включается население юго-восточного Приладожья. В связи с этим приобретает большое значение торговый путь на Верхнюю Волгу, идущий по рр. Паша, Сясь, Тихвинка, Чагодоца, Молога (рис. 1).

В юго-восточное Приладожье устремляются скандинавские военноторговые отряды. Часть скандинавов оседает на месте, смешиваясь с аборигенным населением. Результатом этого смешения явилась своеобраз-

¹ Корзухина Г. Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладogi. — Скандинавский сборник, XVI. Таллин, 1971, с. 123—130; Давидан О. И. К вопросу о контактах древней Ладogi со Скандинавией. — Там же, с. 143.

² Седов В. В. Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря. — II Международный конгресс славянской археологии, ч. I. Берлин, 1970, с. 20.

³ Носов Е. Н. Балтийско-Волжский путь и поселения Ильменского бассейна и Поволжья в конце VIII—X вв. — VII всесоюзная конференция по изучению истории, топонимики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов, ч. I, 1976, с. 137—138.

ная «курганная культура» юго-восточного Приладожья, являющаяся уже более ста лет предметом археологического изучения и научных дискуссий. М. Фасмер, А. И. Попов, Н. И. Богданов, Д. В. Бурбих убедительно показали, что это местное население было прибалтийско-финским. Они доказали также, что гидронимия и топонимия территории восточнее Волхова до Белозерья включительно этимологизируются из языка вепсов. Вепсы, обитавшие в историческом прошлом на р. Ояти, в бассейне Свири, Белозерье, и ныне живут чересполосно с русскими в верховьях Ояти, Суды, западнее Белого и вдоль юго-западного побережья Онежского озера. Ряд исследователей обращался также к теме генетической преемственности между самоназванием вепсов — вепсь и этнонимом весь, решая этот вопрос положительно.⁴

На настоящем симпозиуме в тезисах и докладах И. Ц. Шаскольского и В. А. Назаренко высказаны сомнения в принадлежности археологических памятников юго-восточного Приладожья и Белозерья этнически единому населению. В. А. Назаренко предложил для населения Юго-Восточного Приладожья в отличие от летописной веси Белоозера условное наименование «чудь». Однако именно в бассейне рр. Свири и Ояти зафиксированы наиболее убедительные и многочисленные факты вепсской топо- и гидронимии. Различия же в погребальных обрядах и инвентаре этих территорий объясняется рядом исторических причин. Среди последних решающее значение имеет время и интенсивность контактов местного населения со скандинавами и славянами.

Археологически это древнее население известно по грунтовым могильникам, курганам и так называемым финским сопкам. Общими чертами его погребальных памятников являются: меридиональная, преимущественно южная, ориентировка погребений, наличие инвентаря в мужских захоронениях (орудия труда, в том числе пластинчатые огнива, оружие), характерный комплекс женских украшений, включающий парные нагрудные пряжки, нагрудные цепи, зооморфные и шумящие подвески.

Грунтовые могильники веси известны в Белозерье, восточном и юго-восточном Приладожье, на правом берегу Волхова, близ Старой Ладogi.⁵ Они подтверждают типичность этой формы погребального обряда для всех групп финно-угров: прибалтийских, поволжских, пермских. Курганный обряд погребения был, видимо, привнесен в среду веси извне. У различных территориальных групп веси он имел свои особенности. Так, у приладожской веси этот обряд сложился под влиянием контактов со скандинавами. Большое количество скандинавских бытовых предметов, женских украшений, оружия и черты скандинавского обряда в некоторых погребениях свидетельствуют о включении скандинавского этнического элемента в состав населения, оставившего курганы юго-восточного Приладожья в X—XI вв. В то же время, как это показали работы С. И. Кочкуркиной, В. А. Назаренко, Н. В. Тухтиной,⁶ выделить скандинавские погребения весьма трудно в связи с наличием в них типично

⁴ Библиографию см.: Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.—Л., 1965.

⁵ Голубева Л. А. Вепсы и славяне на Белом озере. М., 1973, с. 19—20; Петренко В. П. Исследование погребальных памятников северного Поволжья. — АО 1974 г. М., 1975, с. 32. — Здесь открыто грунтовое мужское погребение XI в., ориентированное на юго-юго-запад с наконечником стрелы и пластинчатым огнивом. В. И. Равдоникас упоминает о грунтовом могильнике с вепским инвентарем на р. Ояти, близ д. Алеховщины. См.: Отчет о палеоэтнологическом обследовании на рр. Оять, Паша и Сясь в Лодейнопольском округе, произведенном В. И. Равдоникасом в 1928 г. (Архив ЛОИА, ф. 2, дело № 12/1928).

⁶ Кочкуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973; Назаренко В. А. Классификация погребальных памятников Южного Приладожья. — Статистико-комбинаторные методы в археологии. Сб. статей. М., 1970, с. 191—201; Тухтина Н. В. Этническая принадлежность погребенных в курганах Юго-Восточного Приладожья. — История и культура Восточной Европы по археологическим данным. Сб. статей. М., 1971, с. 162—181.

финского инвентаря и местных черт погребальной обрядности, присущих только Приладожью (расположение женских и мужских погребений в различных частях насыпи, очаги, очажный инвентарь). Прибалтийско-финский этнос в Юго-Восточном Приладожье имел преобладающее значение, и скандинавы быстро растворились в финской среде. Скандинавские пришельцы, находясь примерно на одном уровне общественного

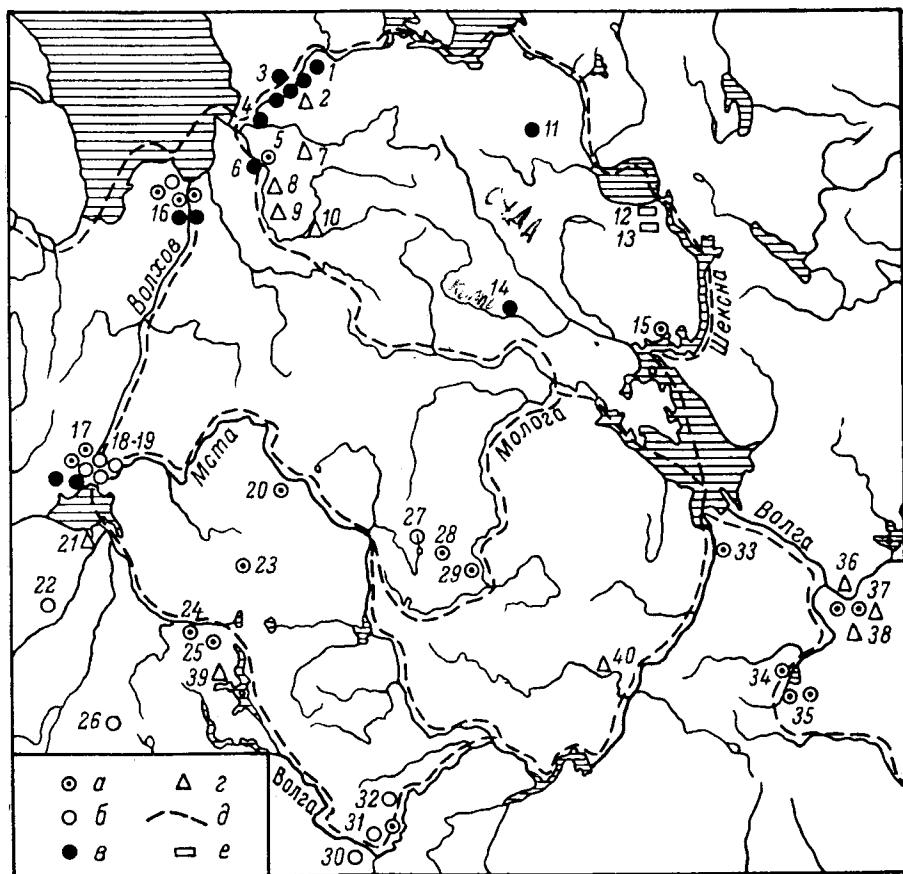

Рис. 1. Торговые пути и клады конца VIII—начала XII в.

a — клады дирхемов конца VIII—IX в.; *b* — клады дирхемов X—XI вв.; *c* — клады западноевропейских монет X—начала XII в.; *d* — погребения с весами или гирьками; *e* — исследованные поселения веся.

1 — Свирьстрой; 2 — д. Ручьи; 3 — Лодейное Поле; 4 — Ширинич; 5 — Вихмязь; 6 — Колголема; 7 — Нюбиничи; 8 — Кириллино; 9 — Вахрушево; 10 — Усть-Рыбежна; 11 — Куштозеро; 12 — Белоозеро; 13 — Городище; 14 — Бабаево; 15 — Панкино; 16 — Старая Ладога и Княшино; 17 — Новгород; 18 — Новая Мельница; 19 — Собачьи Горбы; 20 — Потерпелицы; 21 — Ильменские курганы; 22 — Подборовка; 23 — б. Валдайский уезд; 24 — Демянск; 25 — Шумилово; 26 — Торопец; 27 — Иловец II; 28 — Кузнецкое; 29 — Загородье; 30 — Ржев; 31 — Семенов-Городок; 32 — б. Старицкий уезд; 33 — Углич; 34 — Угодичи; 35 — Сарское Городище; 36 — Петровское; 37 — Большое Тимерево; 38 — Михайловское; 39 — Березовец; 40 — Посад.

развития с местным населением, не оказали существенного влияния на его хозяйственную деятельность и социальный строй. Здесь как в X, так и в XIII в. основным типом поселения оставались селища, расположенные вдоль рек, в местах, удобных для земледелия. Известно лишь одно небольшое укрепленное поселение у дер. Городище на р. Сясь. Разведками Н. Е. Бранденбурга и В. И. Равдоникаса здесь обнаружен незначительный культурный слой с лепной финской керамикой, — видимо оно служило убежищем. В настоящее время городище уничтожено песчаным

карьером.⁷ Нет никаких оснований, как это делают норманисты, видеть в нем скандинавскую крепость.

Основным занятием скандинавов в Восточной Европе и в X—XI вв. оставалась торговля. Наиболее известным путем скандинавских отрядов на Волгу оставался путь через Чагодошу и Мологу. Здесь, в районе г. Весе-гонска, обнаружено два скандинавских погребения X в. (у дд. Славыново и Залужье⁸). Существовал и второй — северный и более длинный — путь: по р. Свирь, вдоль южного побережья Онежского озера, через р. Вытегру, Белое озеро и Шексну. Он эксплуатировался и в X в., но наибольшее значение приобрел в XI столетии. На Свири обнаружено шесть крупных кладов денариев XI—начала XII в.⁹ Там же найдено богатое собрание скандинавских украшений X—XI вв. (судя по оплавленному бусам, видимо, из погребения с трупосожжением) у дер. Верхняя Мандрога.¹⁰ В б. Лодейнопольском уезде на р. Свири известны типично приладожские курганы с очагами и очажным инвентарем.¹¹ В одном из таких курганов у д. Ручьи обнаружено погребение воина-купца с весами.¹²

Присутствие скандинавов зафиксировано и на Белоозере.¹³ Однако скандинавский элемент играл здесь незначительную роль; основными этническими компонентами города в X—XI вв. были весь и славяне. Город не имел земляных укреплений и, конечно, не являлся скандинавской крепостью. Скандинавские погребения на Белом озере и Шексне неизвестны. К концу X в. торговля с Востоком начинает сокращаться. Приток восточного серебра по Великому Волжскому пути к концу XI в. прекращается. Падает и активность скандинавов на Великом Волжском пути. Укрепившееся Киевское государство в конце X—первой половине XI в. обладало уже средствами ограничивать допуск скандинавов на важнейшие водные пути. Положение скандинавских отрядов, действующих на Руси, существенно меняется. Они становятся наемниками славянских князей, а их произвольные действия ограничиваются законом — Русской Правдой.

Проникновение славян в юго-восточное Приладожье по материалам курганов относится к XI в.¹⁴ Оно шло из области словен новгородских, по Волхову. На ближайшей к Волхову р. Сясь, в среднем ее течении, известны финские погребения X—XI вв. в сопках (у дд. Сугорево, Овино, Горбиничи, Ново-Андреево).¹⁵ Эти погребения находятся в ареале сопок новгородского типа и, возможно, являются свидетельствами самых ранних контактов финского и славянского населения. Во второй половине XI—XIII вв. известны не только единичные славянские погребения, но и целые некрополи. Последние расположены на р. Сясь и ее южных притоках. Но в верховьях рр. Ояти и Капши, на Вепской возвышенности (где и сейчас живут вепсы), вепский погребальный обряд сохранился долго. Данные последних разведок свидетельствуют, что освоение славянами земель верхнего течения Капши началось не ранее XV—XVI вв.¹⁶

Движение славян в бассейн Верхней Волги, судя по ареалу сопок и длинных курганов, происходило в последней трети I тысячелетия н. э. Основной поток населения шел из области словен новгородских по Сели-

⁷ Брыкина Н. А., Кочкуркина С. И., Сазонова О. И. Исследования в Приладожье. — АО 1971 г. М., 1972, с. 26.

⁸ Голубева Л. А. Указ. соч., с. 22—23.

⁹ Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории Древней Руси. — ТГЭ. IX. Л., 1967.

¹⁰ Гос. Эрмитаж, ОИПК, секция Северо-Запада, колл. 881.

¹¹ ЛОИА, Архив, ф. 5, д. 374, л. 121.

¹² ГИМ, III археологический отдел. Инв. № 39088.

¹³ Голубева Л. А. Указ. соч., с. 68—82.

¹⁴ Кочкуркина С. И. Указ. соч., с. 67—78.

¹⁵ Колмогоров А. Тихвинские курганы. М., 1914. Это трупосожжения и трупоположения на материке или в насыпи, головой на юг и северо-восток, в слое пепла и угля. Высота сопок — 8 м и более.

¹⁶ Кольчатов В. А., Лебедев Г. Г., Петренко В. П. Разведки в южном Приладожье. — АО 1971 г. М., 1972, с. 21.

герскому пути или по рр. Мсте, Чагодоше, Мологе. В этом потоке славяне встречались со скандинавами. В районе Ярославля возникает этнически смешанное (славяно-скандинавско-финское) ремесленно-торговое поселение IX—XI вв. — один из крупнейших центров на Волжском торговом пути.¹⁷

На территорию судской и белозерской веси славяне проникают в X в. Здесь, среди редкого финского населения, в краю болот и лесов, славяне расселились по долинам крупных рек, на целине, выбирая места, удобные для земледелия. Инвентарь ряда славянских могильников и поселений X—первой половины XI в., исследованных на территории Вологодской области, свидетельствует о весьма слабых, первоначально, контактах с финским населением.¹⁸ В то же время отсутствие земляных укреплений на славянских и финских селищах этого времени доказывает мирный характер отношений между славянами и аборигенами.

Примером такого неукрепленного славянского поселения является небольшая поселок X—начала XI в., расположенный на возвышенной гряде правого берега р. Мологи, при впадении в нее р. Кать, в Устюженском районе Вологодской области у д. Куреваниха. Размер верхней площадки гряды 40×320 м. Поселение раскапывалось А. В. Никитиным в 1966 г.¹⁹ Вскрыто около 200 м². Инвентарь поселения типично славянский. Особенно характерна лепная керамика с линейно-волнистым орнаментом, встреченная совместно с круговой. Такая керамика встречается на всех поселениях славян, где происходит органический переход от ручного способа изготовления посуды к выделке ее при помощи ручного гончарного круга. Финских вещей и керамики на поселении не обнаружено. Рядом с поселком располагалась небольшая группа славянских курганов X—начала XI в. с захоронениями в подкурганых могильных ямах (обряд, типичный в это время для новгородских словен).

Можно привести и более поздние примеры самостоятельного развития славянских сельских поселений без ощутимой связи с окружающей вепсской средой. Таково поселение XII—XIII вв. на правом берегу р. Кать у дер. Крестцы Устюженского района Вологодской области.²⁰ Материальная культура поселения — славянская; финское влияние выражено только в орнаментации круговой посуды гребенчатым штампом. Известны и весьма крупные (свыше 200 насыпей) курганные могильники XI—XII вв. славян, содержащие единичные финно-угорские захоронения (у д. Новинки на р. Колпь). Там же, где славяне селились в непосредственной близости с финским населением, наблюдались тесные культурные контакты и быстрый процесс славянизации вепсского населения. Примером смешения вепсской и славянской культур являются могильники XI—XII вв. среднего течения р. Колпи (у д. Дудино, в г. Бабаево) и на р. Кожее.²¹

Финские курганы X—начала XI в. в верхнем течении Суды представляют собой продолжение массива курганов Юго-Восточного Приладожья, но с рядом особенностей. Так, очаги заменены здесь угольной прослойкой. Скандинавские элементы погребального обряда не наблюдаются. Дружин-

¹⁷ Дубов И. В. 1) Ярославское Поволжье в IX столетии. — Вестник ЛГУ, 1976, № 14; 2) Поселение у д. Тимерево — протогородской центр в зоне славяно-финских контактов. — Тезисы доклада И. В. Дубова на советско-финляндском симпозиуме «Финно-угорские и славянские племена Восточной Европы и Финляндии в эпоху средневековья. Ленинград 15—17 ноября 1976 г.».

¹⁸ Это не относится к Белоозеру, имевшему с самого начала этнически смешанное население.

¹⁹ Никитин А. В. 1) Раскопки в Вологодской обл. — АО 1966 г. М., 1967, с. 13—14; 2) Отчет о раскопках в Вологодской области в 1966 г. (Архив ИА АН СССР РГ, № 3342).

²⁰ Никитин А. В. Городище и могильник у дер. Крестцы (Устюженский район Вологодской обл.). — КСИА, 1974, вып. 139, с. 100—105.

²¹ Голубева Л. А. Указ. соч., с. 50—54.

ное оружие отсутствует. Из скандинавских изделий известно лишь небольшое количество украшений, служивших предметом торговли. Очевидно, скандинавы совершенно не использовали путь на юго-восток, открывавшийся по р. Ояти. Вепское же население Приладожья им пользовалось широко для расселения в Белозерье. Вепские погребения XII в. по Суде свидетельствуют об этнической однородности и самобытности местного населения. Славяне, судя по жальничным погребениям у д. Крестовая и Бережок, появились здесь только в XII—XIII в.²²

В бассейне Колпи известны курганы X—XI вв., вероятно, также оставленные населением, продвинувшимся из бассейна рр. Сяси и Паши. Здесь же с XI в. наблюдается симбиоз вепской и славянской культур.

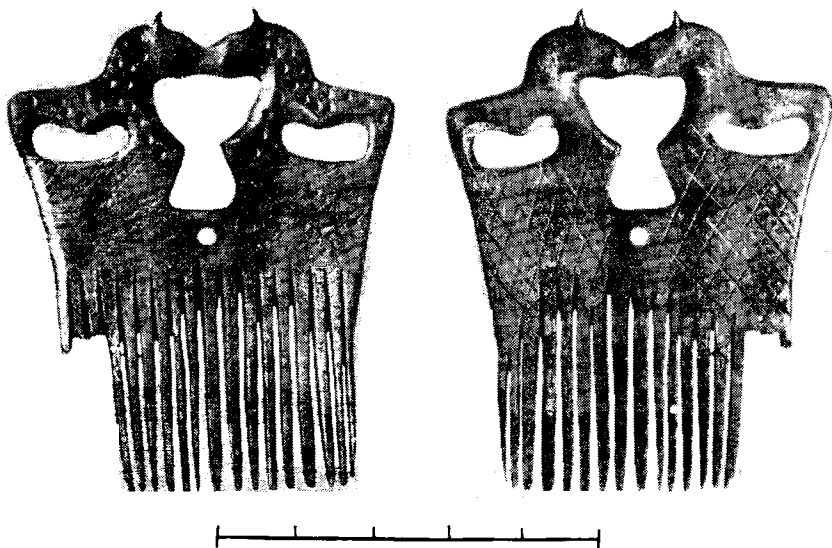

Рис. 2. Гребень с конями из Городища.

Своеобразие финских курганных погребений бассейна Мологи и Верхней Волги (здесь намечается несколько локальных групп) объясняется ранним и активным влиянием славянского и мерянского этноса.²³ На Белом озере и восточнее Шексны известны главным образом грунтовые погребения.

Интересный материал получен раскопками поселений веси в Белозерье. Здесь исследовались два поселения — город Белоозеро (у истока Шексны из Белого Озера) и поселение у д. Городище Кирилловского района Вологодской обл., расположенное примерно на 40 км южнее. Оба поселения неукрепленные, с рядовым характером застройки.

Поселение у д. Городище расположено на отдельно стоящей гряде, в прошлом окруженной небольшой речкой (впадавшей в правый приток Шексны, протекающей в 6 км от поселения). Размеры площадки наверху гряды 30×350 м. Поселение исследовалось Белозерской археологической экспедицией под руководством автора в 1974—1976 гг. Вскрытая площадь равна 664 м². Застройка поселка рядовая — вдоль северного края гряды. Для поселения характерно развитое металлургическое производство ремесленного типа. Об этом свидетельствуют производственные сооружения, орудия кузнецов и литейщиков, а также данные микроструктурного анализа железных изделий. Керамика исключительно лепная; форма и орна-

²² Там же, с. 50—51.

²³ Там же, с. 53—55, карта 5.

менты ее свидетельствуют о финском этносе. Такое же впечатление создают женские украшения (втульчатые височные кольца, бутылкообразные и воронкообразные привески, бронзовые бусы-флакончики) и бытовые предметы, в частности гребень из рога с навершием в виде двух коней (рис. 2). Дата поселения — X в.

При развитом производящем хозяйстве население поселка вело активную пушную охоту. Соотношение видов животных по остеологическим материалам, собранным в 1975 г., следующее: домашних животных — 24%, диких — 76%. Среди диких животных бобр составляет 97.8%; остальные: заяц, олень, лось, куница, выдра, белка, лисица. Эти факты сопоставимы с рассказом арабского путешественника и купца XII в. Абу-Хамида-ал-Гарнати о стране Вису (Веси русских летописей). «В этой области охотятся за бобром, горностаем и белкой. День длится там летом 22 часа. Оттуда вывозят очень хорошие и прекрасные шкурки бобра».²⁴

Для сравнения укажем, что в Пскове, в горизонте X в. домашние животные составляли 92%, дикие — 8%,²⁵ а в Старой Ладогe соответственно 87.7% и 12.3%.²⁶ Пушной промысел занимал важное место в экономике населения поселка у д. Городище: пушнина шла на экспорт. Жители поселка принимали активное участие в международном обмене по Великому Волжскому пути. Об этом свидетельствуют шесть (целых и обломанных) арабских дирхемов, два из которых принадлежат аббасидам конца VIII и начала IX в., а остальные — саманидам первой половины X в.; весовые гирьки, ряд импортных бытовых изделий: односторонние гребни из Прибалтики, коробчатый железный замок, набор бус, характерный для Старой Ладоги и Белоозера. Поселение не сложилось в город и прекратило существование во второй половине X в., видимо, уступив место Белоозеру.

В XI—XII вв. на всей территории Белоозерья наблюдается бурный процесс смешения веси и славян. Весь вошла в состав древнерусской народности. Часть ее сохранилась до наших дней в лице небольшого народа вепсов.

²⁴ Монгайт А. Л. Абу-Хамид-ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150—1153 гг. — История СССР, 1959, № 1.

²⁵ Тараканова С. А. Раскопки в Псковском Кремле. — КСИИМК, 1947, XXI, с. 147.

²⁶ Равдоникас В. И. Старая Ладога. — СА, 1949, XI, с. 48—50.

Матти Хурре

КОНЦЕПЦИИ ФИНСКИХ АРХЕОЛОГОВ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПЛЕМЕНИ КАРЕЛОВ И КУЛЬТУРЫ КАРЕЛИИ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Карелы рассматриваются здесь как население, которое жило на западном и северном побережье Ладожского озера, включая район устья р. Вуоксы; здесь в эпоху викингов сформировалась своеобразная культура, которую на основании более поздних исторических источников стали обозначать карельской. Представления о том, откуда и когда пришли сюда карелы, часто менялись. Это относится также и к другим финским племенам, к населению собственно Финляндии и Тавастланда (Хяме), и при рассмотрении вопроса о происхождении карелов мы должны одновременно коснуться вопроса о происхождении всего финского народа. Общего решения проблемы, которое бы всех удовлетворило, пока не найдено, и прежде всего возникают большие затруднения при соединении данных языкознания и археологии.

До конца XIX в. из-за отсутствия необходимых исторических источников и еще нераскрытых возможностей археологии многие пытались найти решение рассматриваемой проблемы в языкознании. Даже после того как в 1870 г. археология была признана в Финляндии наукой, она все же должна была при изучении данной проблемы всецело опираться на результаты, добытые языкознанием. Это «право первородства» языкознания, видимо, оказывало влияние на археологов. Часто даже археологический материал рассматривался через призму языкознания; при этом не учитывались такие точки зрения, которые могли бы привести к противоречиям с языкознанием. Постепенно, однако, археологи все больше освобождались от влияния языкознания. Разумеется, его результаты не аннулируются, но исходным в истолковании данного вопроса становится археологический материал.

В 1885 г. первый выдающийся финский археолог И. Р. Аспелин опубликовал работу,¹ в которой он рассматривал вопрос о появлении финнов в основном по данным языкознания. Он считал, что финские племена жили ранее в восточных областях Эстонии и Приладожья. Движение славян, обусловленное нападением гуннов, вынудило карелов переселиться. Первыми ушло на запад по Карельскому перешейку племя емь. Другие финские племена двинулись вначале в Эстонию, откуда по морю они проникли в Западную Финляндию. Карелы, населявшие северные регионы, ушли на запад последними, по северному побережью Ладоги. Таким образом, речь шла о начавшемся в V или VI вв. переселении племен. В связи с этим прежде германское население страны и саамы были изгнаны.

Альфред Хакман занял иную позицию в вопросе о приходе финнов.² Он «удревнил» эпоху передвижения племен и отнес само переселение финнов к более раннему времени. Сравнив могильники Финляндии и Эстонии раннего железного века, он установил, что движение населения из Восточной Прибалтики началось в первые века н. э., прежде всего из Эстонии в Финляндию; первоначально осваивались юго-западные районы

¹ Aspelin J. R. Suomen asukkaat pakanuuden aikana. Helsinki, 1885.

² Hackman A. Die ältere Eisenzeit in Finnland, I. Helsingfors, 1905.

Финляндии и побережье Ботнического залива. Переселение происходило небольшими группами и длилось столетия. С побережья это расселение распространилось постепенно в глубь страны. На основании находок Хакман считал путь по р. Кокемяенйоки основным; по нему попадали в южную озерную область Тавастланд (Хяме), где находятся древнейшие могильники страны. Отсюда расселение шло далее на север и на восток. Согласно этой точке зрения, образование племен происходило уже на финской территории. В связи с тем, что между эпохой бронзы и древнейшими находками железного века, казалось, имелся многовековой hiatus, возникло предположение о почти полной незаселенности страны в этот период. Считалось, что саамы, или потомки народа каменного века, которые, возможно, все же обитали на этой территории, не принимали участия в дальнейшем развитии; финский народ сформировался, таким образом, на основе пришлого населения.

Точка зрения Хакмана совпадала с результатами исследований в области языкознания, а новые находки подкрепляли его положения. Итак, высказанная точка зрения получила всеобщее одобрение и господствовала, хотя и в модифицированном и развитом виде, в финской археологии вплоть до последнего времени. В этой связи последовательницей взглядов Хакмана следует прежде всего назвать Эллу Кивикоски.³ Среди более старых археологов только Юлиус Айлио не был согласен с Хакманом. В 1917 г. он заявил, что переселение не было столь значительным, как это предполагал Хакман.⁴ Он считал, что распространение культуры железного века в Финляндии в большей степени обязано преемственности традиций и что более древнее население приняло участие в заселении страны.⁵ Однако заключение Айлио не было поддержано, и прежде всего на основании данных языкознания.

Следует, однако, отметить, что ряд финских археологов согласен с точкой зрения Айлио. На основании новых исследований и находок высказано мнение, что, несмотря на переселение, местное население приняло большое участие в формировании племен.

В то время, когда Хакман опубликовал свое исследование, в Карелии еще не были известны поселения железного века более ранние, чем относящиеся к эпохе викингов. Полагали также, что область была почти пустынной, а те немногие предметы раннего железного века, которые имелись там и представляли собой западные типы, связывали с тавастами — охотниками. Считалось, что заселение имело место только в эпоху викингов, когда карелы пришли туда с востока. Вслед за этим началось формирование обширных могильников, которые в 80-е гг. XIX в. исследовал Теодор Швиндт и материалы находок которых стали затем важнейшим источником для изучения железного века Карелии. Эти материалы были опубликованы Швиндтом в 1893 г.,⁶ но самого анализа материалов он не сделал.

Уже давно в находках Финляндии и Карелии отмечались влияния как Востока и Юга, так и Запада. Скандинавское влияние оказывается весьма сильным: в этих районах были найдены образцы многих скандинавских предметов, в том числе и овалы фибулы. В связи с этим Оскар Монтелиус предположил в 1898 г., что на этой территории возникли даже шведские поселения.⁷ В целом считалось, что скандинавское влияние исходило от варягов, которые населяли южное побережье Ладожского озера.

³ Kivikoski E. 1) *Svenskar i österled under 500-talet.* — FM, 1939; 2) *Suomen esihistoria.* Porvoo, 1961; 3) *Finland. Ancient Peoples and Places,* 53. London, 1967.

⁴ Ailio J. *Hämeenlinnan esi- ja rakennushistoria.* — In: *Hämeenlinnan kaupungin historia, I.* Hämeenlinna, 1917.

⁵ Ailio J. *Karjalaiset soikeat kupurasoljet.* — SMYA, 1922, XXXII.

⁶ Schwindt Th. *Tietoja Karjalan rautakaudesta.* — SMYA, 1893, XIII.

⁷ Montelius O. *När kommo svenskarne till Finnland.* — *Finsk Tidskrift,* 44, 1898.

В статье, опубликованной в 1910 г., Хельмар Аппельгрэн-Кивало установил, что карельский орнамент основывался на восточном и византийском материале, который был дополнен варягами скандинавскими чертами, в результате чего в Карелии оформился собственный художественный стиль.⁸ Ученый датировал его примерно 1100—1350 гг., то есть временем расцвета карельской культуры. А. М. Тальгрэн пошел дальше, считая возможным, что западное побережье Ладоги было заселено только в 1100 г. с юго-восточной стороны, из «шведско-чудских» областей.⁹ Он доказал, что и период бытования овальных фибул, и весь карельский период датируются временем около 900—1100 гг., и указал, помимо варяжского, на культурное влияние, шедшее с Готланда и Оланда.

Историческая роль связей с западной Финляндией получила новое освещение в результате исследования Аарне Европеусом (позднее Эюрпяя) в 1924 г. погребения с трупосожжением (около 800 г.) в Сакколе.¹⁰ Существенно, что как форма этой могилы, так и инвентарь полностью аналогичны погребениям из западной Финляндии. Это открытие подтвердило теорию Хакмана о расселении финнов с запада на восток и не позднее VIII в. достигших побережья Ладожского озера. Европеус, между тем, оставил открытым вопрос о том, произошло ли племя карел в основном от новых пришельцев, или в этот район позже с востока пришли иные поселенцы. Во всяком случае, карелов начали рассматривать как племя, пришедшее с запада.

Более основательно, чем прежние исследователи, представил изучение периода железного века К. А. Нордман в своей работе, опубликованной в 1924 г.¹¹ Древнейшее население Карелии в железном веке он связывал с западнофинскими группировками, прежде всего с пришельцами из Тавастланда, так как на рассматриваемой территории не было обнаружено следов восточного населения или саамов. Однако он не считал, что карелы пришли с запада; по его мнению, это племя возникло здесь скорее в результате смешения населения, пришедшего с востока, с западными выходцами. Он полагал неясным, какие поселенцы здесь преобладали. Карельская культура сформировалась, когда влияние различных направлений уже слилось воедино. И хотя в период викингов западнофинские черты в культуре карел были господствующими, эта культура уже отличалась от западной. Наличие сравнительно большого количества вещей шведского происхождения не свидетельствует о шведском населении. Объяснение этого заключается в территориальной близости варягов. От них получали карелы и вещи восточного происхождения.

Ранее походы викингов на восток рассматривались как стимул для расцвета Карелии. Нордман же, напротив, считал, что подъему Карелии способствовало скорее прекращение этих походов. С того времени, как уменьшилась роль раннесредневековых торговых путей на русской территории, оставшаяся в стороне Карелия приобретает новое значение. Нордман, между прочим, указывает на увеличение ввоза готландских предметов к концу периода викингов. Важным было также возвышение Новгорода. Нордман предполагает, что в этот период часть населения переселяется с востока в Карелию частично по Карельскому перешейку, частично из района Ладоги.

Еще в период викингов в Карелии отсутствовал византийский материал и варяги были посредниками в переносе восточного влияния. На рубеже XI—XII вв. среди находок начинают появляться византийские и другие изделия, связанные с христианством. Нордман считает, что это

⁸ Appelgren-Kivalo H. Romansk ornamentik. — FM, 1910.

⁹ Tallgren A. Forn saker från Olonets på Historiska Museet i Helsingfors. — FM, 1916.

¹⁰ Europeus A. Muinaistutkimuksen tehtäviä karjalassa. — Kalevala — seuran Vuosikirja, 3, 1923.

¹¹ Nordman C. A. Karelska järnåldersstudier. — SMYA, 1924, XXXIV.

свидетельствует о росте могущества Новгорода. С XII в. карелы упоминаются в новгородских летописях. С учетом влияния Готланда и союзническо-данныческих отношений с Новгородом карелы располагают самоуправлением. Судя по находкам из Тууккалы (в Миккели) и Настолы (недалеко от Лахти), карельское население, по мнению Нордмана, распространилось в Саво и Тавастланд. Ученый считал периодом расцвета карельской культуры 1100—1200 гг. Он полагал, что поселение шведов в Выборге должно было нанести смертельный удар развитию карельского племени, так как был прерван важный торговый путь из бассейна р. Вуоксы к Финскому заливу. Этот удар дополнил заключенный в 1323 г. мирный договор в Орешке, в результате которого карельская область была поделена между Швецией и Новгородом.

После Нордмана изучением карельского железного века занялась Э. Кивикоски. В 1944 г. она опубликовала работу, посвященную происхождению карел и их культуры.¹² К этому времени накопился большой археологический материал. Среди находок раннего железного века признаки их западнофинского происхождения, казалось, еще преобладали, но при этом прослеживались уже особенности, свидетельствующие о связях с югом и востоком. О южных связях свидетельствует эстонского происхождения топор римского времени из Ряйсяля, из восточных — формочки для отливки украшений пьяноборского типа из Парикалла и несколько восточнорусских топоров.

Древнейшим погребением Карелии является захоронение, исследованное Эллой Кивикоски в 1938 г. в Нукутталахти (Сортавала). Оно относится к началу VI в. В погребении были найдены два скандинавских украшения в виде застёжек и два браслета; на их основе Э. Кивикоски предполагает, что это погребение шведского мореплавателя. Даже если оно и случайное, то, по заключению Э. Кивикоски, этот памятник все же косвенно указывает на то, что на данной территории проживало и местное население, так как едва ли скандинавы стали бы плавать вдоль совершенно ненаселенного побережья Ладожского озера.

Следует отметить, что в 1950 г. К. Ф. Мейнандер предположил, что в данном случае речь должна идти о погребении местного жителя.¹³ Часть украшений из упомянутого комплекса такая же, как и в других районах Финляндии, например в юго-восточной Ботнии, которая активно влияла в этот период на внутренние районы страны. Браслеты также не типично шведские — аналогичные известны и в бассейне Оки. К тому же спиральное кольцо, относящееся к этому же комплексу, скорее финское или восточноприбалтийское, чем шведское. Таким образом, по мнению К. Ф. Мейнандера, рассматриваемое погребение, весьма возможно, принадлежит представителю местного населения, которое издавна осуществляло связи в различных направлениях. Можно еще добавить несколько примеров. Найденное в погребении небольшое железное двулезвийное орудие относится к числу инструментов, применявшихся при обработке дерева и кости, и не слишком подходит для погребения мореплавателя.

Других погребений, вроде упоминавшегося выше погребения Сакколы, пока не обнаружено. Известны более поздние погребения с трупосожжением эпохи викингов как в виде курганов, так и грунтовых могильников. И те, и другие являются западнофинскими и связываются с западным и северным побережьем Ладожского озера от Метсыспритти до Саальми; некоторые погребения встречаются во внутренних районах страны, например в Раутерви. Вещи в погребениях все же имеют общий западнофинский характер, даже если, как полагает Э. Кивикоски, в них и имеются слабые признаки, указывающие на собственно Финляндию. Она характеризует варягов в качестве посредников в распространении скандинавских

¹² Kivikoski E. Zur Herkunft der Karelrier und ihre Kultur. — AA, 1944, XV.

¹³ Meinander C. F. Etelä-Pohjanmaan historia I. Esihistoria. Helsinki, 1950.

материалов и отмечает, что некоторые находки указывают на связи с восточными угро-финскими народами.

Э. Кивикоски рассматривает пришедшее с запада население лишь как один из компонентов формирования поздних карелов. Она ссылается на исследования советского ученого В. И. Равдоникаса и говорит о едином финно-угорском населении в Приладожье, которое только в период викингов осваивает металлическую культуру и начинает выявляться на археологических материалах. При этом Э. Кивикоски не согласна с В. И. Равдоникасом в том, что карельская культура типа Кексгольмских могильников является продолжением культуры, которая начала развиваться ранее на юго-восточном побережье Ладоги: западнофинское участие в первой является значительным, и в упомянутой области отсутствуют курганы, являющиеся характерными для Приладожья. Э. Кивикоски рассматривает существовавший на восточном побережье так называемый видлицкий тип курганов XI в. с каркасом из балок как возможную исходную точку погребений округа Кякисальми в эпоху крестовых походов. При этом она считает, что численность местного оседлого населения в районе Карельского перешейка была значительно большей, чем это считалось ранее. Она предполагает, что разделение племени веси и карелов относится к началу эпохи викингов. На формирование племени веси оказали влияние варяги и славяне, а на карелов прежде всего западная Финляндия, Готланд и Новгород.

На участие западнофинского элемента в карельской культуре указывает тот факт, что древнейшие формы фибул, рассматривающиеся как «национальная» форма украшения карелов, являются тавастскими, как это установлено Олафом Хельстремом.¹⁴

Как уже было сказано, население Саво железного века считалось карельским. В 30-е гг. XX в. и здесь были обнаружены могильники с трупосожжением, напоминающие западнофинские. Вследствие этого Э. Кивикоски предполагает, что население Саво пришло с запада; но в период расцвета карельской культуры Саво попало в сферу ее влияния, хотя в данном случае речь идет не о переселении. Далее Э. Кивикоски предполагает, что то же самое приложимо, например, к находкам из Настолы. Вместе с тем недалеко от Лапеенранта в эпоху крестовых походов возникает карельское поселение.

Так сформировались концепции финских археологов о происхождении карелов. Вероятно, племя карелов «возникло» на западном берегу Ладожского озера, когда туда в начале эпохи викингов пришло западнофинское население, а позже появились пришельцы с востока и с юго-востока; оба этих потока смешались с населением этой области. Здесь сформировалась своеобразная культура, в которой растворились западнофинские, скандинавские и восточные элементы; периодом расцвета ее было время от 1100 до 1300 гг.

¹⁴ Hällström O. Lisiä suomalaisten soikeiden kupurasolkien syntyhistoriaan.— SM, 1947—1948.

Кристиан Карпелан

ФИНСКИЕ СААМЫ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Вопрос этногенеза саамов включает в себя ряд трудных и спорных проблем. Как я уже пытался доказать, самые решающие события этого процесса происходят до рубежа нашей эры.¹ Раннее «саамство», появившееся в результате этих событий, существенно отличается от того, которое мы знаем в более поздний период. Наиболее важные из этих событий датируются I тыс. до н. э. Но археологические материалы, свидетельствующие о культуре саамов этого периода, настолько скудны, что ограничивает возможность исследований. Поскольку данная тема в течение некоторого времени не рассматривалась финскими исследователями, следует ознакомиться с имеющимися материалами, а также с теми выводами, которые можно сделать относительно развития культуры саамов на основании этих материалов.

Прежде всего об используемой терминологии. На территории Финляндии в эпоху металла существуют две культурных группы, или сферы — западная и восточная. Западная группа, в западной Финляндии и Скандинавии, — с ярко выраженным аграрным хозяйством; в восточной и северной Финноскандии — восточная, до конца доисторического периода состояла в основном из охотников-рыболовов. Поэтому в данной статье она обозначается как охотничье-рыболовческая культура (далее ОРК). По создаваемому в настоящее время хронологическому делению (рис. 1) эпоха металла охотничье-рыболовских культур Финляндии включает в себя керамическую, или эпоху раннего металла, и посткерамический железный век. Это — нейтральные археологические термины, но к последнему из них мы можем применить и норвежский термин «саамский железный век» при условии, что этнологическая идентификация данной культурной группы является несомненной. Соответственно термин «финский железный век» соотносится с западным культурным комплексом.

Саамский железный век делится на раннюю и позднюю фазы. Поздняя фаза соответствует позднему периоду финского железного века — периоду крестовых походов — совпадающему с периодом финского средневековья. Ранний саамский железный век охватывает предшествующие периоды финского железного века начиная с середины позднего римского периода (около 300—1100 гг. н. э.). В данном случае, если речь идет об ОРК, термин «ранний саамский железный век» является синонимом термину «железный век», а, соответственно, «поздний саамский железный век» соответствует «периоду средневековья».

Современные саамы занимают территорию, простирающуюся от Даларны и Хедмарка до Кольского п-ова (рис. 2). На основании исторических данных могут быть прослежены поселения саамов в средние века, когда они занимали более широкую территорию, включая восточную часть современной Финляндии и южную часть Карельской АССР,² что подтверждает и распространение саамской топонимики.³ Юго-восточная гра-

¹ Carpelan C. Saamelaisten ja saamelaiskulttuurin alkuperä arkeologin näkökulmasta. Lapin tutkimusseura. Vuosikirja. XVI, Rovaniemi, 1975.

² Itkonen T. I. Suomen lappalaiset vuoteen 1945, I ja II. Porvoo—Helsinki, 1948.

³ Nissilä V. Suomalaista nimistön tutkimusta. Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia, 272. Helsinki, 1962.

ница территории, занимаемой саамами в прошлом, очевидно, проходила примерно через Ладожское и Онежское озеро вплоть до Белого моря. Однако археологические находки, относящиеся к позднему саамскому железному веку, были пока обнаружены исключительно в северной части этого ареала.⁴

		Финляндия				
		западная и южная		восточная и северная		
2000 г.				2000 г.		
Историческая эпоха		Новое время		Новое время		
		-----		-----		
		Средние века		(Поздний) Посткерамический		
1000 г. —		6		или		— 1000 г.
	Финский	5		саамский		
	железный	4		железный век		
	век	Римское	3	(Ранний)		
		время	2			
н. э.		1		Поздняя		— 0
0 —						
до н. э.		Поздняя (Доримский железный век)		(Керамический железный век)		до н. э.
	Эпоха раннего металла				Эпоха раннего металла	
			VI			
		Ранняя (Бронзовый век)	V	Ранняя (Бронзовый век)		
1000 г. —			IV			— 1000 г.
			III			
			II			
2000 г. —		Поздний неолит	I	Поздний неолит		— 2000 г.
		-----		-----		

Рис. 1. Синхронистическая таблица поздних археологических периодов в Финляндии. I—VI — периодизация северного бронзового века по Монтелиусу; 1—6 — периодизация финского железного века по Кивикоски (1973 г.).

Археологический материал ОРК эпохи раннего металла характеризуется небольшой по объему местной обработкой металла и сравнительно развитым керамическим производством.

Металлургия представлена с одной стороны, литьем топоров по восточноевропейским образцам (сырьем, видимо, служили ввозимые из Восточной Европы бронзовые изделия), и с другой — выплавкой металла из болотных железных руд. Железо, очевидно, использовалось для изго-

⁴ Itkonen L. I. Tietoja Inarin kirkonkylän seudun muinaisuudesta. — SM, 1913; Manker E. Lappmarksgravar. Acta Lapponica, XVII. Stockholm, 1964; Carpelan C. Juikentä. En sameboplats från järnålder och medeltid. — In: Norrbotten. Norrbottens läns hembygdsförenings årsbok. Luleå, 1967; Kopisto A. Kuusamon lappalaishauta. — SM, 1974; Erä-Esko A. Kemijoki 8000-laxälv i norr. Forntiden i Kemijälvmrådet under åtta artusenden i arkeologisk belysning. Stockholm, 1975.

товления простых предметов, таких, как например ножи, которые, по-видимому, воспроизводят восточноевропейские типы.⁵ Наличие местного сырья не исключало также ввоза железа из Восточной Европы. Керамика представлена двумя основными группами — Сарса—Томица и Поздняя Серейсниема (керамические группы СТ и Сер. 2) (рис. 3). Горшки первой

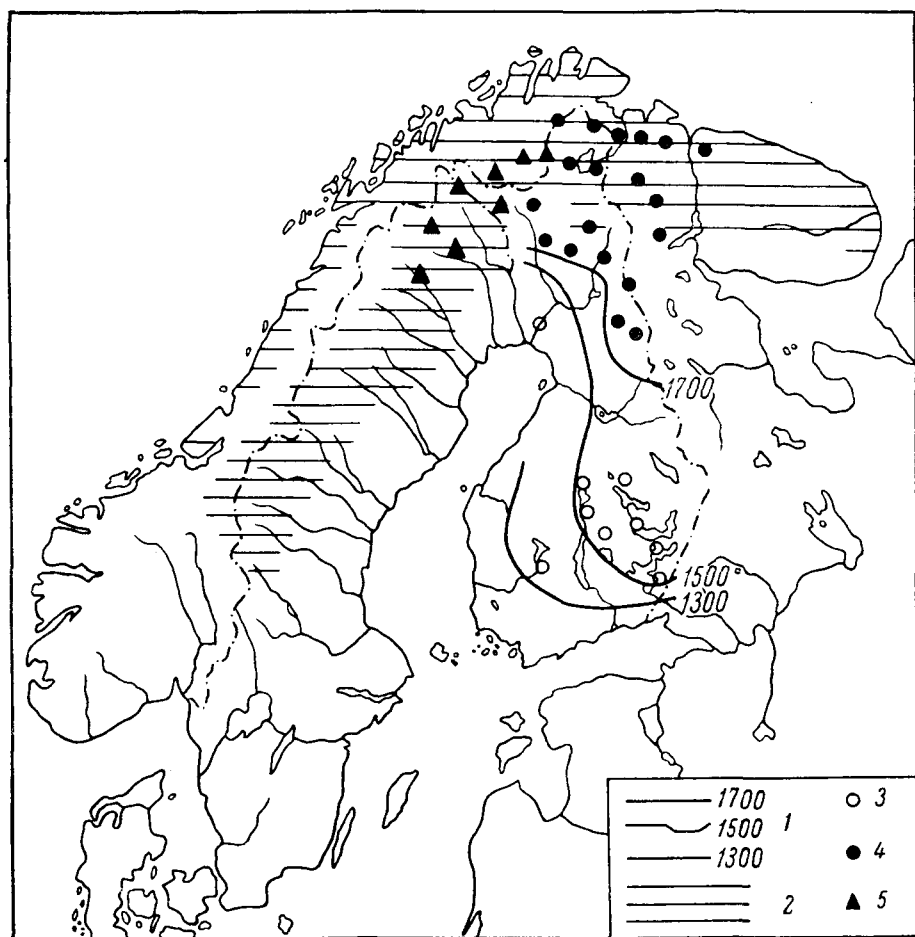

Рис. 2. Саамские поселения.

1 — линии, показывающие перемещение саамских поселений, начиная с 1300 г. и позже (по Т. И. Итконену); 2 — распространение саамских поселений ок. 1900 г.; 3 — зимние стоянки саамов, охотников и рыболовов (стоянки указаны по топонимам); 4 — зимние поселения саамов, охотников и рыболовов (стоянки упоминаются в исторических источниках начиная приблизительно с 1500 г. н. э. и позднее) (по В. Геннеру); 5 — зимние селения горных саамов (стоянки упоминаются в исторических источниках начиная приблизительно с 1500 г. н. э. и позднее) (по В. Геннеру).

группы — часто с примесью дровя, относительно толстыми стенками, птрихованной поверхностью или текстильными отпечатками. Керамика второй группы — с примесью асбеста, талька и иногда слюды с тонкими стенками и гладкой поверхностью. Состав теста обычно восходит к местной традиции, в то время как формы и узор сосудов имеют восточноевропейские прототипы. В северной Фенноскандии встречается также керамика с примесью шерсти (так называемая ложнотекстильная), происхождение которой следует искать в Сибири. Остальные предметы мате-

⁵ Solberg O. 1) Eisenzeitfunde aus Ostfinmarken. — In: Videnskabs-Selskabets Skrifter. II. Hist.-filos. Klasse, 7. Christiania, 1909; 2) Eine neuer eisenzeitliche Fund aus Ostfinmarken in Norwegen. Prähistorische Zeitschrift, III. Leipzig, 1911.

риальной культуры, по-видимому, делались в основном из кости и рога, которые плохо сохраняются в почве. Находки в Кьельмо можно использовать как иллюстрацию их непрочности.⁶

Итак, ОРК эпохи металла была связана с Восточной Европой. Существовали также связи с западными финскими и скандинавскими культурными группами; в этих контактах ОРК играет активную роль, как свидетельствуют обнаруженные на всех основных стоянках побережья Финляндии находки. На нескольких стоянках в центральной Швеции также обнаружены следы западной финской культурной группы.⁷ Однако сколько-нибудь заметная деятельность, ориентированная на территорию ОРК, в основном на северную Фенноскандию, наблюдается только на протяжении короткого периода до скандинавского бронзового века.⁸

В нескольких могилах Финнмарка, датируемых эпохой раннего металла, найдены предметы скандинавского импорта, относящиеся к римскому времени.⁹ Это совпадает с другими материалами, которые показывают, что норвежская культура распространяла свое влияние на север именно в римский период.¹⁰ В Финнмарке известны некоторые саамские топонимы на древнескандинавской основе, что предполагает наличие саамскандинавских контактов в северной Норвегии в первых веках н. э.¹¹ Считается, что именно в это время происходили словарные заимствования из древнескандинавского языка в саамский.¹² Приведенные выше факты позволяют определить носителей ОРК самой северной части Фенноскандии эпохи раннего металла как саамов. Кроме того, распространение керамики Сер. 2 и СТ приблизительно совпадает с ареалом саамских топонимов; это подтверждает, что ОРК восточной и северной Фенноскандии можно в целом считать саамской культурой.

Наконец, античные и раннесредневековые источники сообщают об охотничьем населении, называемом *fenni*, *phinnoi* *scrithiphinnoi* и т. д., жившем в Фенноскандии в первые века н. э., т. е. в период, соответствующий последнему этапу эпохи раннего металла. Это население обычно отождествляют с саамами.

Завершение эпохи раннего металла характеризуется прекращением местного керамического и металлургического производства. Следовательно, ОРК саамского железного века нельзя определить по свойственным ей металлическим и гончарным изделиям. Большая часть предметов материальной культуры должна была изготавливаться из органических материалов, которые редко сохраняются. Локализация поселений чрезвычайно затруднена.

Чтобы показать, что отсутствие находок не означает оставления этого пространства саамами, мы должны указать на уже упоминавшийся факт практического отсутствия археологических признаков обитания саамов в течение средних веков и нового времени в южной Финляндии, которое, однако, подтверждается историческими документами. Известно лишь не-

⁶ Solberg O. 1) Eisenzeitfunde...; 2) Eine neuer eisenzeitliche Fund...

⁷ Ekholm G. Studier i Upplands bebyggelsehistoria. II. Bronsåldern. — In: Uppsala Universitets Årsskrift, 1921; Ambrosiani B. 1) Keramikboplatsen på Hambrinken vid Därgårde — Tor, 5, Stockholm, 1959; 2) Fornlämningar och bebyggelse. Studier i Attundalands och Södertörns förhistoria. Uppsala, 1964; Jaanusson H. Bronsåldersboplatsen vid Hallunda. Fornvännen. Stockholm, 1971.

⁸ Meinander C. F. Die Bronzezeit in Finland. — SMYA, 1954, 54.

⁹ Simonsen P. Varanger-funnene II. — In: Tromsø Museums Skrifter VII: 2, Trömsø, 1961; также неопубликованные материалы Университетского музея в Осло.

¹⁰ Sjøvold T. The Iron Age Settlement of Arctic Norway. — In: Trömsø Museums Skrifter X: I. Trömsø—Oslo, 1962.

¹¹ Itkonen E. Lappalaisten esihistoria kielitieteen valossa. — In: Tietolipas, 20. Helsinki, 1961.

¹² Wiklund K. B. Lapparna. — In: Nordisk kultur, X. Stockholm—Oslo—Köbenhavn, 1947.

сколько изделий из кости и рога, найденных в разных местах и относящихся к позднему саамскому железному веку.¹³

Мы вправе ожидать находок из металла (как это было в эпоху раннего металла) в могилах, местах жертвоприношений, кладках, в виде случайных находок и изредка на местах поселений. Таковы условия, характеризующие находки вещей железного века в восточной и северной Фен-

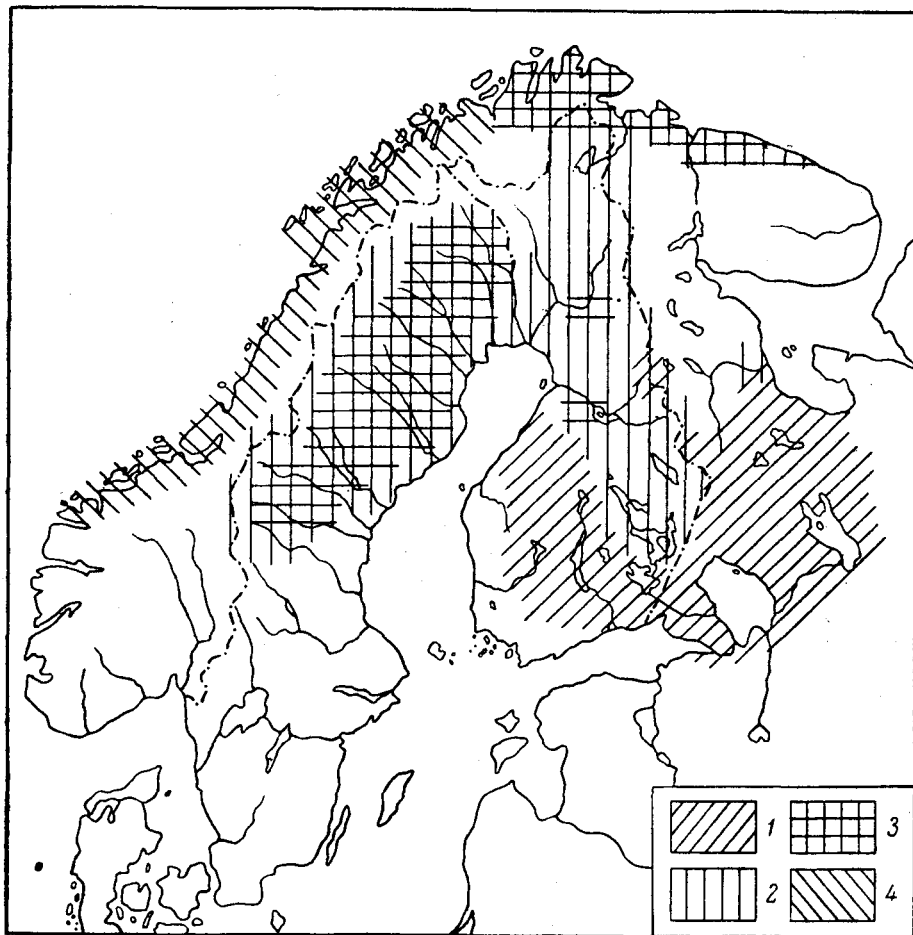

Рис. 3. Находки керамики.

1 — распространение керамики группы СТ; 2 — распространение керамики группы Сер. 2; 3 — распространение ложнотекстильной керамики; 4 — распространение керамики рисвикской группы и асбестовой керамики в Северо-Западной Норвегии начиная с эпохи раннего металла.

носкаддин на территории охотников-рыболовов с начала н. э., иначе говоря, в финальной фазе эпохи раннего металла. Вещи, о которых идет речь, были частично восточноевропейскими, но в большинстве своем финскими и скандинавскими. Восточные образцы означали естественное продолжение контактов с Восточной Европой, существовавших уже в эпоху раннего металла. Отличие состоит в том, что восточный импорт того времени, кажется, ограничивался украшениями, в то время как более интенсивный ввоз изделий с запада включал оружие, орудия труда и так называемые «овальные» кресала.

¹³ Luho V. 1) Riemenschneider. — FM, 1966; 2) Ein Geweichgegenstand aus Finnland. Studia archaeologica in memoriam H. Moora. Tallinn, 1970.

Данный факт не свидетельствует о колонизации, а отражает наряду с появлением «торговцев» с Запада то, что ОРК получала эти предметы от западных культурных групп путем торговли с ними. Аналогичное объяснение было дано соответствующей ситуации в северной Швеции.¹⁴

Одновременно с этим наблюдается также захват части территории ОРК. Он ограничивается Тавастией, что устанавливается по погребениям и могильникам, характерным для финского железного века и датированным римским временем и позднее. Эти памятники, связанные с западно-финской культурной группой, распространяются от Саво до приладожской Карелии, но лишь некоторые из них сохраняли значение до конца доисторического периода. В связи с этим следует обратить внимание на особый тип могил с каменными насыпями, распространенных преимущественно в Сатакунте, Тавастии и Саво, которые фольклор называет «лапинраунио» (саамские камни). По своему расположению и конструктивным особенностям они напоминают бесформенные нагромождения надмогильных камней, характерные для западнофинской культуры эпохи раннего металла.¹⁵ Раскопки показывают, что эти каменные могилы редко содержат предметы и лишь в некоторых обнаружены изделия западного культурного комплекса римского времени. Если в этих комплексах встречается глиняная посуда, то это обычно типичная для ОРК асбестовая керамика. Требуется дополнительное исследование, чтобы высветить этот вопрос, однако я считаю, что саамские камни являются признаком ОРК, что подтверждается их обликом и распространением, резко отличающимися от типов могил железного века западного культурного комплекса.

Распространение этих памятников доказывает, что деятельность западных культурных групп, начавшаяся с территории ОРК уже примерно в конце эпохи раннего металла, продолжалась и на протяжении саамского железного века. Это подтверждает вывод о том, что саамы продолжали присутствовать на этой территории в качестве «торговых партнеров», хотя обнаружить какие-либо следы их поселений трудно. На основании предложенных критериев и объяснений культурная преемственность, наблюдаемая в восточной и северной Фенноскандии с эпохи раннего металла до начала исторического времени, может характеризоваться как саамская. Имеющегося материала недостаточно, чтобы мы могли воссоздать картину возникновения и развития этой культуры в течение раннего саамского железного века. Однако, сравнивая два наиболее изученных периода — эпоху раннего металла и средние века, можно заметить, чем они отличаются друг от друга. Изменение должно было произойти в течение железного века. При попытке объяснить это изменение мы располагаем скудным вещественным материалом, включая импорт. Следовательно, мы можем приблизиться к пониманию саамской культуры железного века косвенным путем.

Наибольшая трудность состоит в том, что поселения ОРК почти невозможно обнаружить археологическим путем. По моему мнению, это едва ли можно объяснить логикой внутреннего развития ОРК. В это время возрастает влияние финских и скандинавских культур железного века на ОРК, что предполагает активное взаимодействие между ними. Это влияние — результат благоприятных экономических условий для европейской торговли, которой, как уже отмечалось, содействовала Римская империя и которая достигла Балтики в начале новой эры. На финляндском побережье она выразилась главным образом в деятельности осевших в этих местах торговцев из Скандинавии и Эстонии. В этом смысле правильнее было бы часть той деятельности, которая здесь называется «финской», определить как деятельность и эстонских, и скандинавских куп-

¹⁴ Hvarfner H. Endast före eller även under järnåldern. — In: Västerbotten. Västerbottens läns hembygdsförenings årsbok. Umeå, 1957.

¹⁵ Meinander C. F. Die Bronzezeit. . .

цов. Однако за довольно короткий срок пришельцы осели и смешались с коренным населением, поэтому деятельность, направленная с финляндского побережья на территорию ОРК, может рассматриваться как собственно финская. Наряду с этим в начале железного века возросло и скандинавское воздействие на саамскую охотничье-рыболовческую территорию, а начиная с его финальной фазы и позднее торговлей с саамами также интенсивно стали заниматься и карелы.¹⁶ Можно полагать, что саамская культура превратилась в своего рода торгового поставщика лесных продуктов, одновременно сократив традиционные виды деятельности, если они не обеспечивали значительный излишек товаров. Археологическим подтверждением такого изменения может служить прекращение производства металла и керамики.

Исторические источники указывают (рис. 2) на то, что характерная система так называемых зимних селений (*talvikylä*) являлась важным экономическим и социальным регулятором саамского общества.¹⁷ Был сделан вывод, частично на основании топонимов, что эта система уже существовала к концу железного века на саамской территории юга Финляндии. Многие свидетельствуют о том, что саамская система зимних селений могла возникнуть в течение раннего саамского железного века. Во-первых, зимние поселения были перенесены в места, более удобные для торговли. Если предположить, что купцы совершали свои поездки зимой, чтобы собрать у саамов товары, накопившиеся за год, то они должны были останавливаться только в нескольких определенных местах, что делало их операции более эффективными. Со временем саамы, очевидно, решили сделать эти центры торговли зимними стоянками. Во-вторых, места обитания перемещаются с озерных береговых низменностей, где они традиционно располагались в течение всей эпохи раннего металла, на более высокие лесные участки, что требовало применения тяжелых железных топоров, которые можно было получать только посредством торговли. Существуют данные, подтверждающие посещение представителями финской и скандинавской культур железного века территории ОРК. Я имею в виду обнаруженные в болотах лыжи так называемого «южного» типа, которые в Финляндии радиоуглеродным методом датированы первой половиной I тыс. н. э. Это лыжи западного облика, и они существенно отличаются от так называемого «ботнического типа», которым, по моему мнению, в то время пользовались саамы. находка на территории ОРК привозных лыж свидетельствует о зимних поездках из Финляндии и Скандинавии в северную и восточную Фенноскандию.

Немного можно сказать об организации торговли. Ясно, однако, что саамы, охотники и рыболовы, жившие до тех пор независимо, к концу железного века попали в политическую и экономическую зависимость от своих торговых партнеров, что известно из исторических источников. В связи с этим следует обратить внимание на развитие контактов с Восточной Европой в саамском железном веке. В первые столетия нашей эры контакты ОРК с Восточной Европой продолжали традиционно развиваться. Затем они, кажется, несколько ослабевают, но с эпохи Меровингов и позднее вновь появляется множество восточноевропейских вещей, теперь уже в основном вместе с материалами финского железного века. Поскольку восточноевропейские предметы как будто исполнены в особой манере,¹⁸ возникает вопрос, были ли теперь контакты между жителями Восточной Европы и финнами прямыми.

Так как саамская культура развивалась под сильным влиянием торговых отношений с Финляндией, Скандинавией, а также с конца железного века и с Карелией, интересно отметить, что, вероятно, именно в это

¹⁶ Kivikoski E. Suomen esihistoria. Porvoo, 1961.

¹⁷ Vilkuna K. Mikä oli lapinkylä ja sen funktio? — In: Kalevalaseuran vuosikirja 51, Helsinki, 1974; Itkonen T. I. Suomen lappalaiset. . .

¹⁸ Meinander C. F. 1) Die Bronzezeit. . .

время возникает новый вид занятий. Я имею в виду оленеводство, которое часто считается характерной, даже исконной особенностью саамов. Однако саамы занимались оленеводством не всегда и не везде. В течение долгого времени оно составляло важную сторону жизни только для горных саамов, тогда как другие группы использовали северного оленя лишь в качестве манщика на охоте и как тягловое животное. Для лесных саамов и саамов, занимавшихся рыболовством, лишь сравнительно недавно северный олень стал основным источником мяса.¹⁹

Вопрос о происхождении и развитии оленеводства включает в себя ряд сложных проблем. Широко распространена теория о том, что оленеводство в Фенноскандию могло развиваться независимо от оленеводства в Европе. С другой стороны, заимствование саамами ненецких терминов, относящихся к оленеводству, наряду с некоторыми другими этнологическими параллелями²⁰ может свидетельствовать, что оленеводство у саамов было заимствованным, по крайней мере подверглось существенному влиянию со стороны ненцев. Однако археологический материал не дает никаких данных относительно ненецко-саамских контактов. Кроме того, в оленеводческом укладе саамов прослеживается значительное влияние скотоводства Скандинавии.

Была предпринята попытка объяснить происхождение и датировку саамского оленеводства на основе археологического материала из района Варангельфьорда, но она не принесла существенных результатов.²¹ Теория о том, что распространение из Сибири в Фенноскандию керамики с примесью шерсти отражает одновременно распространение оленеводческого хозяйства, не подтверждается известными нам фактами. Находки в Кьёльмо множества оленьих костей еще не доказывает, что оленеводство появилось именно в тот период. Речь, очевидно, идет о весенне-летней охоте на этих животных. Следует также отметить, что керамика с примесью шерсти относится к началу эпохи раннего металла, тогда как кьёльмская культура, по моему мнению, датируется поздней фазой эпохи раннего металла, а не поздним железным веком, как обычно считают.

Другой подход к проблеме основан на примерно ста находках полозьев саней в болотах Финляндии и северной Швеции. Наиболее интересные из них — полозья так называемого морьярвского типа и его варпантов.²² Этот тип относят к саням с собачьей упряжкой, поскольку считается, что полозья данного типа слишком слабы для оленьей тяги. Из этого следует, что отказ от такого вида санных полозьев может означать переход к использованию оленей в качестве тяглового животного и одновременно лодкообразных саней как средства передвижения. Появление лодкообразных саней нельзя датировать археологически, но его можно считать вторичным по отношению к распространению лодок шпангоутной и клинкерной конструкции.²³ Из этого следует, что наиболее ранняя возможная дата появления лодкообразных саней может относиться к первой половине I тыс. н. э., т. е. приблизительно ко времени перехода от эпохи раннего металла к саамскому железному веку. Это соответствует тому, что уже известно о хронологической принадлежности упоминавшихся выше санных полозьев. Данные пыльцевого анализа показывают, что эти полозья могли существовать в период от II тыс. до н. э. по I тыс.

¹⁹ Wiklund K. B. Lapparna; Itkonen T. I. Suomen lappalaiset...

²⁰ Nielsen K. Die wissenschaftliche Bedeutung des Lappischen. — Finnisch-Ugrische Forschungen, XIII. Helsinki, 1913; Toivonen Y. H. Protolapin ongelma. Suomalaisen tiedeakatemia esitelmät ja pöytäkirjat. Helsinki, 1949.

²¹ Simonsen P. Jaeger og nomade i Finnmark. — In: Trömsö Museums Skrifter, XIV. Tromsö—Oslo—Bergen, 1973.

²² Itkonen T. I. Muinaissuksia ja-jalaksia. — SM, V, 1938; Berg G. Sledges and Wheeled Vehicles. — In: Nordiska Museets Handlingar, 4. Stockholm, 1935.

²³ Wahlberg E. Ackjefyndet från Suokolojärvi. — In: Norrbotten. Norrbottens läns hembygdsförenings årsbok. Luleå, 1956.

н. э., т. е. от начала эпохи раннего металла до раннего саамского железного века.

Попытки определить происхождение и древность оленеводческого хозяйства саамов до сих пор остаются не более чем теоретическими построениями. Тем не менее из сообщения Оттара мы знаем, что оленеводством занимались уже в IX в. Кроме того, считается, что оно еще не появилось в эпоху раннего металла. Следовательно, мы можем сделать вывод, что разведение оленей саамами как средства передвижения и источника мяса началось в железном веке. Использование оленя как манщика установить трудно.

Недостаточность и косвенный характер материала о раннем саамском железном веке не дают возможность сделать окончательные выводы относительно жизни саамов в этот период. Цель данной работы состоит прежде всего в попытке показать, какой подход может обеспечить наилучшие возможности для исследования. Существуют указания на то, что саамы и их культура претерпели значительные, даже решающие экономические, политические и социальные изменения в железном веке. Эта проблема представляет всеобщий интерес, но ее решение требует систематического поиска соответствующего археологического материала, относящегося к эпохе раннего металла, а также к раннему и позднему саамскому железному веку.

В. А. Назаренко

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПРИЛАДОЖСКИХ КУРГАНОВ

Выяснение этнической истории древних коллективов, обитавших на территории южного Приладожья в IX—XIII вв., как правило, исследователями сводится к решению следующих задач: во-первых, являлось ли население южного Приладожья по своему составу в указанный период времени одноэтническим или разноэтническим; во-вторых, представители какой этнической группы или группы здесь жили. Отсутствие в письменных источниках прямых свидетельств об обитании в Приладожье определенной этнической группировки чрезвычайно затрудняет ответ на поставленный вопрос. Данные этнографии и антропологии современного населения Приладожья и близлежащих районов, равно как и данные топонимики и гидронимии в этом случае могут играть лишь вспомогательную роль, так как правомерность их проецирования на IX—XIII вв. требует серьезной аргументации, обычно у исследователей отсутствующей. Таким образом, в решении задач, составляющих проблему этнической истории населения Приладожья в IX—XIII вв., значение археологических материалов трудно переоценить.

Широкое археологическое изучение приладожских древностей началось еще в 70-х годах прошлого столетия. За истекшие с тех пор сто лет накоплен огромный материал.¹ В Приладожье выявлены новые средневековые древности, а именно остатки поселений и грунтовых могильников.² Однако по-прежнему наиболее многочисленными памятниками рубежа I и II тысячелетий н. э. продолжают оставаться могильные холмы, получившие в нашей археологической литературе название Приладожских курганов. До недавнего времени единственные памятники средневековья в Приладожье, они и теперь, после открытия мест поселений и грунтовых могильников, в силу малой исследованности последних сохраняют значение основного источника для реконструкции этнической истории обитавшего здесь населения. Естественно, этой и многим другим проблемам Приладожских курганных древностей посвящена обширная специальная литература.³ Предлагаемые исследователями решения во многом продолжают оставаться спорными. Не так давно были высказаны даже сомнения в правомерности наименования этих погребальных насыпей Приладожскими. Если раньше курганами Приладожья считались могильные насыпи, расположенные в бассейне рек, впадающих с юга, юго-

¹ В архивах и публикациях имеются сведения о раскопках свыше 650 курганов в 143 группах. Сохранились, могут быть собраны и использованы в работе в той или иной мере материалы 500 погребальных насыпей, содержавших немногим более 1000 захоронений.

² Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. — ИГАИМК, вып. 94. М.—Л., 1934, с. 5, 13, 18, 19, 37, 38; Гурина Н. Н. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. — МИА, 1961, № 87, с. 114, 115, 507—513. В 1973 г. разведками автора на р. Тихвинке близ дер. Овино и Галично обнаружены селпща с лепной керамической аналогичной находимой в курганах X—начала XI в.

³ Шаскольский И. П. Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965, с. 139; Кочкуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, с. 53—56.

востока и востока в Ладожское озеро, то в исследованиях последних лет стало обычным отнесение к их числу курганов, находящихся далеко за пределами этого ареала. Первые шаги в этом направлении были сделаны В. В. Пименовым, который, указывая на то, что погребальные насыпи, близкие курганам Приладожья, известны в северном и северо-восточном Заонежье, а также на реках Суде, Колпи и Шексне, считал наименование их Приладожскими не вполне точным.⁴ Из широкого распространения курганов, сходных чертами обряда и инвентаря с погребальными памятниками Приладожья, исходит в своей монографии и Л. А. Голубева.⁵ Согласно составленной ею карте, они известны на всей территории к северу от верхней Волги, между Белым озером и озером Ильмень. Причины, побудившие исследователей резко расширить ареал распространения курганов «приладожского типа», находятся, на наш взгляд, в неразрывной связи с решением ими вопроса об этнической принадлежности погребенных под этими насыпями. В. В. Пименов и Л. А. Голубева, а также ряд других исследователей считают, что курганы южного Приладожья являются погребальными памятниками летописной веси.⁶ Между тем русский летописец недвусмысленно указывает на место обитания веси: «А на Беле озере седять весь».⁷ Включая Белозерье в территорию распространения Приладожских курганов, исследователи тем самым получают возможность их определенной этнической атрибуции. Идея отождествления населения, оставившего погребальные насыпи в Приладожье, с древней весью принадлежит А. А. Спицыну.⁸ Однако наиболее полный набор доказательств этого положения содержится в работах В. В. Пименова и Л. А. Голубевой.⁹ Трактую указание летописца о расселении веси в районе Белого озера как фиксацию места обитания одной ее группировки, исследователи выдвигают предположение о том, что территория древней веси в целом не ограничивалась узкими пределами Белозерья, а простиралась значительно шире. Сходство обряда и инвентаря курганов Приладожья и Белозерья, современное расселение вепсов — потомков летописной веси, наконец, ареал топонимических названий, содержащих этноним «весь», — всё, по мнению В. В. Пименова и Л. А. Голубевой, указывает на обитание в районе распространения Приладожских курганов одной из групп древней веси.

Действительно, территория расселения летописной веси, очерченная В. В. Пименовым по данным топонимики и принятая с некоторыми добавлениями Л. А. Голубевой, включает Приладожье. Однако, именно северная и западная границы этого ареала вызывают сомнения. Число учтенных в Южном Приладожье топонимов невелико, и располагаются они исключительно в низовьях крупных рек, близ поговостов. Это обстоятельство было оставлено исследователями без внимания, так же как и возражения специалистов против использования для определения мест обитания древней веси таких топонимов, как Весь, Новая весь, Старая весь, Весь в острове, Холопя вся, Пужавина весь, Яня весь, Манина весь и им подобных, ведущих свое происхождение от русского слова «весь» — деревня и не имеющих к финскому этнониму «весь» никакого отношения.¹⁰ В писцово-вой книге Вотской пятины 1500 г., откуда взята большая часть пере-

⁴ Пименов В. В. Вепсы. М.—Л., 1965, с. 53—54.

⁵ Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973, с. 14—19, рис. 3.

⁶ Пименов В. В. Этническая принадлежность курганов Юго-Восточного Приладожья — СА, 1964, № 1, с. 88—98; Голубева Л. А. Весь и славяне..., с. 50—56.

⁷ Повесть временных лет. М.—Л., 1950, с. 13.

⁸ Спицын А. А. 1) Русская историческая география. Петроград, 1917, с. 32;

2) Разведки памятников материальной культуры. М., 1927, с. 35.

⁹ Пименов В. В. Вепсы..., с. 59—64; Голубева Л. А. Весь и славяне..., с. 27—49.

¹⁰ Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973, с. 79—83.

численных выше топонимов, на это есть прямые указания.¹¹ Так, например, о Пужакиной веси сказано, что там семьдесят дворов пашенных, «да в той же веси непашенных людей рыболовей» шесть дворов. Если такого рода названия убрать с карты, составленной В. В. Пименовым и Л. А. Голубевой, то западная граница обитания древней веси пройдет по западным отрогам Вепсской возвышенности, частично захватывая районы, примыкающие к западному же побережью Онежского озера, т. е. будет полностью соответствовать западной границе современного расселения народности вепсов. Традиционно очерчиваемый ареал Приладожской курганной культуры, исключая, пожалуй, лишь самые юго-восточные его окраины, в этом случае окажется расположенным западнее границы обитания веси. Таким образом, ни данные исторической топонимики, ни территория современного расселения вепсов не могут свидетельствовать ни прямо, ни косвенно в пользу вывода В. В. Пименова и Л. А. Голубевой о принадлежности курганов Приладожья одной из групп древней веси. Правда, мы начали с утверждения, что в решении задач, составляющих проблему этнической истории населения Приладожья в IX—XIII вв., решающее значение имеют данные археологии. Поэтому все изложенное выше, будет иметь смысл, если погребальные сооружения «приладожского типа» не были распространены на огромных пространствах от верхней Волги до северного Заонежья и от Белого озера до озера Ильмень.

Приладожские курганы и погребальные насыпи Белозерья, по мнению Л. А. Голубевой, позволяют сближать следующие признаки: вытянутость курганных групп вдоль берега реки, наличие одиночных насыпей и могильников, состоящих всего из 2—3 курганов; расположение захоронений в несколько ярусов; меридиональная ориентировка погребенных; обилие вещей в женских и мужских захоронениях; некоторые типы шумящих и зооморфных украшений.¹² При достаточной полноте сбора материала ареал любого из перечисленных признаков будет чрезвычайно широк и расплывчат. Другими словами, все они известны не только за пределами Приладожья, но и на территории гораздо более широкой, чем очерченная Л. А. Голубевой для культуры древней веси. Конечно, фиксация одних и тех же элементов погребального обряда и инвентаря, тем более их сочетаний, в курганах на определенной территории, как бы широка она не была, свидетельствует о связи между ними, но еще недостаточна для понимания ее характера. Между тем народы Восточной Европы на рубеже I и II тысячелетий н. э. достигли такого высокого уровня развития, что характер этих связей мог быть самым разнообразным: хронологическим, если эти памятники одновременны; социальным, если они принадлежали людям равного общественного положения или были оставлены коллективами, находившимися на одном уровне общественного развития; культурными, если население данной территории, возможно и разноэтничное, тяготело к одним и тем же культурным центрам; наконец, этническими, но список не полон. Предпочтение, без дополнительной системы доказательств, какого-нибудь одного, у В. В. Пименова и Л. А. Голубевой этнического, объяснения выявленной связи не может не вызывать возражений.

Изучение Приладожских курганов — на методике и конкретных наблюдениях, сделанных в результате ее применения, мы за отсутствием места останавливаться не будем — позволило разделить территорию Приладожья на два основных культурных региона: южное Приладожье и восточное Приладожье. Южным Приладожьем мы называем течения рек Паши, Сяси и Тихвинки. Восточным Приладожьем считаем районы, расположенные к востоку от берега Ладожского озера. Ретроспективное рас-

¹¹ Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1851, кн. 12.

¹² Голубева Л. А. Веси и славяне..., с. 17.

смотрение основных тенденций развития обряда захоронения населения южного Приладожья позволяет предположить, что у древних коллективов, здесь обитавших, погребальными памятниками докурганного периода были «домики мертвых» — наземные, квадратные в плане дерево-земляные сооружения, имевшие внутри в центре очаг и разделявшиеся на мужскую и женскую половины. Распространение курганного способа захоронения привело к замене «домиков мертвых» песчаными насыпями первоначально квадратной, а затем круглой формы. При этом очаг и разделение погребальной площадки на мужскую и женскую половины сохранялись. В курганах, датирующихся X—XI вв., можно выделить несколько модификаций этого погребального обряда, отражающих его эволюцию. Развитие погребальной обрядности курганов Южного Приладожья прослеживается в замене сожженных труположениями; насыпей, содержащих парные одновременные захоронения, на курганы с парными погребениями, произведенными в разное время. Последние в свою очередь сменились погребальными насыпями с одиночными захоронениями. На очагах сначала увеличивается количество категорий очажного инвентаря, затем очаг постепенно утрачивает свое центральное место в погребальном сооружении, превращается в ритуальное кострище, расположенное в ногах погребенного, а вскоре после этого исчезает вовсе. В XII в. языческие захоронения полностью вытесняются погребениями с западной ориентировкой в подкурганных могильных ямах. Иначе выглядел погребальный ритуал в Восточном Приладожье. Погребальными памятниками обитавшего здесь населения в докурганный период, по-видимому, были грунтовые могильники с сожжениями. Распространение курганного способа погребения привело к появлению здесь низких, большого диаметра насыпей, содержавших большое число исключительно впускных захоронений — как сожжений, так и труположений. Развитие этого погребального обряда в X—XI вв. проявилось в постепенном утрачивании им черт, связывающих его с грунтовыми могильниками. На смену одной большой насыпи, содержащей много впускных захоронений, приходят погребальные сооружения, состоящие из нескольких прилепившихся друг к другу курганов, возведенных каждый над одним-двумя погребениями. Последние сменяются насыпями округлых форм с одиночными захоронениями. Характернейшей чертой погребальной обрядности курганных насыпей Восточного Приладожья следует признать обычай помещать кремированные либо ингумированные останки умерших в деревянные срубы. Малочисленность курганных кладбищ в Восточном Приладожье, их преимущественное расположение в непосредственной близости от побережья Ладожского озера, наконец, факт наличия в этом районе грунтовых могильников с труположениями свидетельствует, на наш взгляд, о том что в Ладожско-Онежском межозерье курганный способ захоронения так и не успел получить к моменту утверждения здесь христианской погребальной обрядности широкого распространения.

В настоящее время заселение Приладожья на рубеже I и II тыс. н. э. финноязычным населением можно считать установленным более или менее определенно. Изучение погребальной обрядности Приладожских курганов, выяснение ее развития, а затем ретроспекция основных тенденций этого развития в докурганный период позволяют предположить, что на традиционно очерчиваемой территории их распространения обитали две различные в этно-культурном отношении финские группировки, которые, следуя предложенному выше разделению Приладожья, мы также будем называть Южной и Восточной. Районом, в котором южная и восточная группировки финского населения Приладожья непосредственно контактировали между собой, было среднее и верхнее течение реки Ояти. Следы этих контактов отчетливо прослеживаются в смешанном характере погребальной обрядности исследованных здесь курганов. Причем обряд, характеризующий погребальные сооружения Южного Приладожья, восходящий

к «домикам мертвых», известен в курганах среднего и верхнего течения реки Ояти лишь в самых поздних его вариантах, что заставляет исключить этот район из первоначальной территории обитания Южной финской группировки. Следует ли отнести среднее и верхнее течение реки Ояти к местам изначального расселения Восточной приладожской группировки, пока неясно. Однако такое решение вопроса вполне возможно. Во всяком случае, в этом районе можно назвать по крайней мере три пункта, где есть основания подозревать наличие грунтовых могильников.¹³

Наконец, среднее и верхнее течение р. Ояти, а также течение р. Капши, немногим ранее оказавшееся включенным в сферу распространения культуры населения южного Приладожья, могут быть рассмотрены как периферия Белозерских курганных древностей XI—XIII вв. Погребальные насыпи, раскопанные Н. В. Тухтиной, на берегах рр. Колпи, Суды, Кобожки, и курганы, расположенные на Ояти и Капше, действительно характеризуются рядом общих черт обряда и инвентаря.¹⁴ Основываясь на материалах этих весьма поздних погребальных сооружений, не трудно доказать близость курганных древностей Приладожья и Белозерья. Однако не они и не сближающие их элементы погребальной обрядности определяют специфический облик Приладожской курганной культуры X—XII вв.

И наконец, кому же все-таки принадлежат погребальные сооружения Восточного и Южного Приладожья? Относительно памятников восточного побережья Ладожского озера ответ может быть дан сравнительно определенный. Нет оснований отказывать в принадлежности этих погребальных насыпей древнему финскому населению, на основе которого в XII—XIV вв. сложилась карельская народность, и в частности одна из ее диалектных групп и ныне живущие здесь карелы-ливвики. В связи с этим следует отметить, что в языковом и культурном отношении карелы-ливвики, по мнению лингвистов и этнографов, близки современным вепсам — потомкам одной из группировок древней веси, которая, как считает ряд исследователей, сыграла немалую роль в формировании карел Ладожско-Онежского межозерья.¹⁵ Археологическим выражением близости древних коллективов, на основе которых сложились народности карел и вепсов, является единый для них тип докурганных погребальных памятников — грунтовые могильники. Обряд захоронения, представленный в могильных насыпях Южного Приладожья, восходит к совершенно иному типу докурганных погребальных сооружений — «домпку мертвых», что не позволяет считать оставившие их древние коллективы родственными, по крайней мере в этно-культурном отношении, карелам и вепсам, а следовательно, и древней веси. Принадлежность древнего Приладожского населения, так же как карел и вепсов, прибалтийско-финской языковой группе, иными словами, их языковая близость, определенно доказанная советскими лингвистами, на наш взгляд, никоим образом не противоречит сделанному выше выводу. Отсутствие в письменных источниках прямых указаний на имя обитателей Южного Приладожья заставляет нас, в ожидании прояснения этого вопроса, предложить называть их пока условно «Приладожской чюдью».

¹³ Можно предполагать наличие грунтовых могильников на р. Ояти у д. Бор. Винница и пос. Озерское.

¹⁴ Тухтина Н. В. Об этническом составе населения бассейна реки Шексны в X—XII вв. — Труды ГИМ, 1966, вып. 40, с. 120—136.

¹⁵ Бурх Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, с. 36.

И. П. Шаскольский. Доклад проф. К. Ф. Мейнандера о Биармии и биармах интересен и содержит новые данные, которые важны не только для проблемы биармов, но и для выяснения связей, существовавших между нашей страной с севером Скандинавии и Финляндии. Не вдаваясь в полемику, отмечу, что в нашей литературе высказаны разные гипотезы: например, В. В. Пименов считает, что биармы — это весь. Упомянутая проф. К. Ф. Мейнандером статья А. Л. Никитина не представляет папу историческую науку, ибо А. Л. Никитин не специалист в области археологии и истории.

Отмечу также доклад А. Н. Кирпичникова. Важным открытием является обнаружение в Кореле древнерусской каменной башни XIV в. (костер посадника Якова). Автор убедительно доказал, что сохранившаяся до наших дней каменная башня — постройка шведского времени. Я до сих пор думал, что древнейшее ядро Корелы следует искать на территории детинца. Но раскопки в детинце обнаружили культурный слой, датированный лишь началом XIV в. В таком случае древнейшую территорию Корелы надо искать в другом месте, возможно, именно там, где ее помещает А. Н. Кирпичников.

А. Н. Кирпичников. Вероятно, все участники симпозиума испытывают удовлетворение по поводу состоявшихся интересных докладов. Уже одно то, что здесь выступили такие выдающиеся ученые сотрудничающих стран, как академик Б. А. Рыбаков и проф. К. Мейнандер, по-настоящему и ответственно отнеслись обе стороны к организации научного диалога. Надеемся, что доклады, выслуханные нами, составят сборник трудов и будут изданы.

Наша встреча показала, что советские и финляндские ученые параллельно работают над решением ряда близких исторических проблем, таких как происхождение и расселение северных славянских и финских племен, контакты Новгорода с чуждью, изучение древней истории карел и города Корелы, выявление скандинавского влияния на материальную культуру финнов и славян, семантика и орнаментация археологических находок, становление городов, поселений и торговли в зоне славяно-финских контактов. Следует отметить обнадеживающее совпадение точек зрения относительно основанных на широкой автономии и веротерпимости взаимоотношений Новгорода и финских племен. Наметился, далее, общий подход к культурам финнов и викингов как равноправным и «не затмевающим» друг друга. Выявился единый взгляд на истолкование некоторых изделий средневекового ремесла, сходных по форме и распространенных на обширной территории, но изготовлявшихся нередко в различных местных мастерских. Обозначился новый подход к изучению орнаментированных украшений из археологических находок. Специалисты все увереннее отмечают тот вклад, который внесли в выработку орнаментальных стилей Северной Европы новгородцы. То, что раньше приписывали далекой Византии и вообще Востоку, производилось в Новгороде и в городах Новгородской земли (а также и более южных городах).

Хочется коснуться проблемы поиска и картографирования археологических регионов славянских и финских племен. Этого вопроса касалось большинство докладчиков. Археологи в ряде районов настойчиво ищут финские древности VI—VIII вв., привлекая и ретроспективный метод. Карты племенных ареалов XI—XIV вв. обнаруживают далеко зашедшее взаимопроникновение славянских и финских поселенческих зон. Возникает довольно пестрая, «мозаичная» картина, вероятно, отражающая более древние разноплеменные реальности. При взгляде на карту северной части Восточной Европы периода раннего средневековья мы видим своеобразный разноэтничный архипелаг. Что касается областей славянского заселения, таких, к примеру, как Приильмень, Нижнее Поволжье, то там практически не встречено финских древностей периода, непосредственно предшествующего этому заселению. Кроме того, сами зоны обитания разноплеменного населения не совмещаются и часто не имеют между собой непосредственной границы соприкосновения. Промежутки между ними образуют белые пятна. Считается обычно, что эти белые пятна — следствие недостаточной изученности, тогда как сгустки археологически обнаруженных древностей это лишь небольшая видимая часть обширного айсберга. Полагаю, что «белые пятна» на карте Северной Европы можно иногда интерпретировать как слабо или вовсе незаселенные пространства. Известно, например, что до появления славян на территории будущей Новгородской земли проживало прибалтийско-финское население, видимо, редкое и не составлявшее сплошного массива. Появление славян с их новой системой ведения земледельческого хозяйства и освоения земли привело к созданию значительных и выразительных зон аккумуляции. Значит ли это, что прилив нового населения привел к обязательным передвижкам старожилов. Вовсе нет. Нередко территории местного и пришлого населения не совпадали, хотя и находились в относительно близком соседстве (например, Ладожская волость и территория будущего Обонежского ряда в IX—X вв.). Получается, что археологи должны считаться с наличием белых пятен на карте, как незаселенных или редкозаселенных территорий и искать этому явлению свое объяснение. Что же касается метода ретроспекции, то его использование разумеется необходимо с учетом всякого рода поправок и допусков, превращающих этническую карту в разноязычный архипелаг, достоверно существовавший в «море» белых пятен.

Пользуюсь случаем, чтобы от имени организационного комитета по подготовке настоящего симпозиума поблагодарить ученых, принявших участие в работе симпозиума и облегчивших его проведение, а именно наших финляндских коллег, ученых из Москвы, Таллина, Риги, Петрозаводска, а также и Ленинграда. С признательностью хотелось бы также отметить помощь со стороны ленинградских научных и других учреждений: Лен. отделения Института истории СССР АН СССР, Эрмитажа, исторического факультета ЛГУ, Музея истории Ленинграда, Лен. отделения Института востоковедения, Лен. отделения Интуриста. Много сил и внимания подготовке и проведению симпозиума уделили председатель советской делегации академик Б. А. Рыбаков и его заместитель Н. Н. Гурина. В подготовке симпозиума с энтузиазмом участвовали все сотрудники сектора славяно-финской археологии и административные работники Лен. отделения Института археологии АН СССР. К открытию симпозиума в Лен. отделении Института археологии АН СССР была развернута выставка археологических материалов из новейших раскопок советских археологов на территории северо-западных областей СССР. Надеемся, что наши гости останутся довольны программой приема, включающей экскурсии в Орешек, Новгород, ленинградские музеи. О нашем симпозиуме по вопросам археологии — первом такого рода мероприятии в истории научного сотрудничества СССР и Финляндии — было сообщено в газетах, по радио и телевидению. На симпозиуме присутствовал первый

секретарь посольства Финляндии в СССР Олави Урвас и генеральный консул Финляндии в Ленинграде Анти Карпинен. Во всем этом проявилось обоюдное желание к установлению и упрочению широкого и конструктивного диалога ученых-археологов наших дружественных стран.

В. В. Седов. Среди весьма интересных и важных в научном отношении докладов, заслушанных на заседаниях симпозиума, остановлюсь на трех, поскольку в них затронуты дискуссионные темы, заслуживающие рассмотрения.

Прежде всего о докладе Матти Хурре, посвященном исследованиям финских археологов о происхождении племени корелы и ее культуры. После историографического анализа этого вопроса докладчик отмечает сходство в отдельных элементах металлических украшений западнофинского и корельского регионов и вслед за Э. Кивикоски склоняется к мысли о переселении предков корелы на Карельский перешеек из Западной Финляндии.

С таким выводом в настоящее время трудно согласиться, поскольку в корельских могильниках XII—XIII вв. выявляется ряд этнографических особенностей женского костюма (парные овально-выпуклые фибулы, крупные подковообразные застежки с растительным орнаментом, головные заколки и т. д.), которые не связаны с западнофинскими украшениями и появление которых невозможно объяснить, если бы корела была простым ответвлением западнофинских племен.

В результате многолетних исследований археологических комплексов украшений и тканей в Финском национальном музее (Хельсинки) в 50-х гг. созданы реконструкции средневековых женских костюмов. При некоторой гипотетичности их отдельных деталей все же можно уверенно утверждать, что украшения и одежда карельской женщины XII—XIII вв. существенно отличны от западнофинского костюма XI—XII вв. и генетически не связаны между собой. Костюм западнофинской женщины («женщина Пернио») состоит из головного венчика с налобными привесками, белой кофты и темной безрукавки поверх ее, темной юбки с белым пердником. Светлая наплечная накидка спускается почти до пола. Металлические украшения составляют подковообразные наплечные застежки, между которыми на тесьме привешивались крупные округлые привески, а к правой застежке — ромбическая подвеска. Карельские женщины («женщина Кекомаен») головного венчика не носила. Они покрывали голову темным платком, который застегивался булавкой на затылке и спускался до талии. Одежда состояла из белой кофты и темного сарафана. На плечах располагались собственно корельские скорлупообразные фибулы, соединенные цепочкой. Кофточка застегивалась (около горла) одной подковообразной застежкой.

В свете археологических данных можно говорить только о сравнительно позднем появлении у корельского племени обряда труположения в грунтовых могильниках. Мысль о западнофинском происхождении корелы, основанная на некотором сходстве металлических украшений корельских могильников с западнофинскими, является слабо аргументированной и не учитывает серьезных этнографических различий между этими памятниками.

В докладе В. А. Назаренко весьма интересным представляется выделение двух финноязычных регионов — Приладожья и Белоозерья. На основе анализа курганных древностей докладчик убедительно продемонстрировал специфику этих регионов и изолированность эволюции их культуры. В. А. Назаренко считает, что Белоозерье было заселено всейю, а юго-восточное Приладожье — отдельным финским племенем — «приладожской чудью». Последнее заключение представляется преждевременным. Как известно, карельская народность является относительно поздним формированием. В этногенезе карелов, судя по данным языкозна-

ния, приняли участие как представители племени корелы, так и веси. Два (ливвиковский и людиковский) из трех наречий карельского языка характеризуются фонетическими, морфологическими, синтаксическими и лексическими элементами, унаследованными у веси. В этногенезе карелов могла принять участие лишь весь приладожская, поэтому нельзя исключать Приладожье из ареала веси. К тому же нужно учитывать, что потомки веси — вепсы до сих пор живут в Приладожье, а не в Белоозерском крае. Различия между средневековыми древностями Приладожья и Белоозерья, исследуемые В. А. Назаренко, скорее всего говорят о дифференциации племени веси и различных судьбах ее группировок, а не о том, что Приладожье не было заселено весью.

Значительный интерес представляет доклад К. Ф. Мейнандера, в котором собраны и анализированы исторические сведения о биармах. Полагаю, что докладчик стоит на правильном пути в освещении истории и территории этого во многом загадочного племени. Вместе с тем на современном уровне наших знаний представляется невероятным, чтобы центром Биармии, откуда биармийцы двинулись к морским берегам Скандинавии и Финляндии, были бы окрестности Ярославля (поселение и могильники близ Тимерева и Михайловского).

К. Мейнандер. Уважаемые коллеги! За два дня нашей совместной работы мы обогатились значительной новой информацией. Естественно, такое количество докладов, наполненных фактическим материалом, трудно переварить и усвоить за один раз, а полностью оценить их мы сможем, когда прочтем. Мы вместе пытались рассмотреть важный период в истории Северной Европы — тот период, когда доисторическое общество эволюционировало в сторону создания государственности и городов. Каждая из выступавших сторон пролила свет на это своими исследованиями — конечно, невозможно сказать, какой из докладов более важен, а какой менее.

Однако мне лучше всего запомнились некоторые доклады, прежде всего потому, что они коснулись таких вопросов, которые наиболее актуальны для меня.

В своем докладе академик Б. А. Рыбаков рассмотрел мифологические образы северо-восточных областей, которые имеют важное значение и содержат элементы культуры, объединяющие финно-угорские народы, а именно их шаманистскую религию. Теперь есть возможность получить данные религиозных обрядов тысячелетней древности, которые без этого навечно остались бы тайной.

Те участники симпозиума, которые представили свои исследовательские работы, касающиеся ранней городской структуры, занимаются вопросами, являющимися в последнее десятилетие центральными повсюду в Северной Европе.

Запечатлелись в памяти доклад И. В. Дубова о Тимереве и доклад А. Н. Кирпичникова о раскопках в Кякисальми (Приозерск) и в Тиури (Тиверском городке), которые являются актуальными для всех финских коллег. Они по-новому освещают переломный момент в истории Карелии.

От своего имени и от всех финских коллег благодарю за симпозиум, за те сведения, которые мы здесь получили, благодарю академика Б. А. Рыбакова за активное участие в сотрудничестве финских и советских археологов, а также за те слова, какие он здесь произнес. Благодарю А. Н. Кирпичникова за практическую деятельность в организации симпозиума, тяготы которой вынесли на своих плечах научные сотрудники сектора славяно-финской археологии, а также всего Ленинградского отделения Института археологии. Благодарю также руководителя Ленинградского отделения Института Н. Н. Гурину, нашего старого друга, за то, что симпозиум проходил в помещении ее института, в здании, которое на-

верняка является самым красивым из всех виденных мною зданий археологических институтов Европы.

Сегодня мы приняли решение, что следующий совместный симпозиум состоится в Хельсинки. Я приглашаю вас всех туда и еще раз благодарю вас.

Б. А. Рыбаков. Заключительное слово. Начну с сообщения о том, что советские и финские археологи заключили соглашение о совместной работе на 1977—1981 гг. В протоколе, подписанном главами делегаций, предусматривается проведение симпозиумов: в 1978 г. в Хельсинки по теме: «Культурные связи народов и стран Балтийского бассейна» и в 1980 г. в Ленинграде по проблемам изучения неолитических культур. Кроме того, в протоколе зафиксировано: издание докладов симпозиумов (включая и состоявшийся), обмен учеными и научно-туристическими группами, а также литературой и научной информацией. Оговорено также взаимное участие каждой из сторон в совместных археологических раскопках. С удовлетворением должен отметить, что как заключенное соглашение, так и проведенный симпозиум показали плодотворность научных контактов советских и финляндских археологов и необходимость долгосрочной договорной основы для продолжения наших встреч.

Мы должны, вероятно, начать важную совместную работу: подготовить большую археологическую карту — от Балтики до берегов сибирской реки Оби — и нанести на нее все, что знают археологи о финно-угорских племенах. У нас состоялась первая встреча, первое знакомство. На следующем этапе конкретная разработка этой огромной по объему задачи представляется целесообразной и нужной. Мы будем обсуждать эту карту, спорить и аргументировать свои доводы.

Хочется поблагодарить наших финляндских гостей за участие в симпозиуме, за интересные доклады, а также всех, кто принял участие в нашей работе.

РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ НА НЕМЕЦКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ

ZUSAMMENFASSUNGEN

B. A. Rybakov

DIE KOSMOGONISCHE SYMBOLIK «DER TSCHUDISCHEN» SCHAMENPLATTEN UND DER RUSSISCHEN STICKEREIEN

Der Beitrag ist dem Kultus der Himmelshirschen (Elche) gewidmet. Man kann nach dem Grab eines Schamanen (Gräberfeld von Oleni Ostrov) mit dem Mützen schmuck in Form eines Elchkuhkopfes beurteilen, daß der Elchkuhkultus sich noch in der Zeit des Mesolithikums entwickelte.

Die Folklore der Jägervölker Sibiriens kennt die Mythe von einem Schamanen, der die himmlische «Oberwelt» besuchte; dort bekam er zwei Halbfrauen-Halbelchkühen — die Herrscherinnen der Welt, die alle Tiere für Erde gebaren, zu sehen.

Eine genaue Illustration der Mythe über zwei Hirsch- oder Elchkühen geben die Schamanenplatten des 1. Jahrtausends u. Z., die unter den jugorischen Stämmen des Uralgebiets verbreitet waren. Diese Platten wiedergeben die kosmogonischen Auffassungen der dreirangigen Welt: die untere Welt in der Gestalt einer Echse, die mittlere, irdische Welt in der Gestalt eines wandernden Schamanen mit Abbildung eines Elchkuhkopfes auf der Mütze.

Die himmlische obere Welt ist durch zwei Frauenfiguren, die ein zweites Kopf, der einer Elchkuh besitzen, dargestellt: die Elchkuhköpfe schließen die Komposition oben und bilden das Himmelsgewölbe.

Die Folklore des russischen Nordens bewahrt viele Legenden über zwei heiligen Hirschkühen, die wegen der Opferung zu den Menschen kamen. In der Stickerei des russischen Volkes und in der Bemalung der Ostfeier in der Ukraine ist das Sujet über zwei Himmelshirschen oder — elche erhalten geblieben.

Die ethnografischen Merkmale des Himmelshirschenkultus zeugen nicht nur von dem möglichen Einfluß des ugro-finnischen Substrats (im Norden), sondern auch von weltgehender Verbreitung diesen kosmogonischen Auffassungen (Ukraine), die mit dem Stadium der Jägerlebensweise der Steinzeit verbunden sind.

Carl Meinander

DIE BJARMEN

Die Bevölkerung Bjarmiens (Bjarmland) trat im Jahre 800 bis 1200 an der Mündung des Flusses Sewernaja Dwina (Norrdwina) ständig in Verbindung mit den Norwegern. Es wurden jedoch keine Ansiedlungen dieser Bevölkerung hier entdeckt. Beim Suchen nach dem Territorium Bjarmiens sollen die Gebiete von Nordschweden, Finnland, Ladogasee und Jaroslawl berücksichtigt werden, wo Gegenstände der ugro-finnischen und skandinavischen Herkunft aus der Eisenzeit gefunden worden waren. Für diese Regions kann man alte Beziehungen und Völkerwanderungen überwiegend vom Osten nach Westen feststellen. Die Analyse der archäologischen Funde läßt erkennen, daß das Bjarmienzentrum sich offenbar in der Gegend um Jaroslawl befand. Von diesem Zentrum aus zogen die Bjarmen auf dem umfangreichen Territorium mit Handelszwecken vom Uralgebiet bis zum Nordskandinavien. Die Funde des permischen Ursprungs sind Denkmäler dieser Aktivität. Die ältesten von ihnen gehören der Pianobor-Kultur. Das Bjarmien, das in den norwegischen schriftlichen Quellen erwähnt wird, bildete ein konkretes Gebiet mit einer gewissen politischen Organisation.

**DIE PROBLEME DER ETHNOGENESE DER BALTISCH-FINNISCHEN STÄMME
AUS DEM GEBIET DES ÖSTLICHEN BALTIKUMS IM ZUSAMMENHANG
MIT DEN BEFUNDEN DER MODERNEN WISSENSCHAFT**

Das Fundmaterial, das der hervorragende finnische Archäologe T. Schvindt während der Ausgrabungen am Ende des vorigen Jahrhunderts bekommen hatte, bleibt bis heute noch die wichtigste archäologische Quelle für die Erforschung des Problems der Karelischerherkunft. Im 20. Jahrhundert behandelten dieses Problem die finnischen und sowjetischen Archäologen: A. M. Tallgren, W. I. Raudonikas, C. A. Nordmann, E. Kivikoski, der sowjetische Sprachwissenschaftler D. W. Bubrich. Verschiedene Konzeptionen, die von diesen Wissenschaftler vorgeschlagen wurden, sind in der Vermutung von der verhältnismäßig späten Herkunft der Karelier (nicht früher als das 11. und 12. Jahrhundert), von dem späten Erscheinen der Karelier im nordwestlichen Ladogaseegebiet einig. Zur Zeit sind diese Konzeptionen in Widerspruch mit den Forschungsergebnissen der karelischen Sprache und Epos geraten.

Das archäologische und sprachwissenschaftliche Material zeigt, daß der Ischora-Stamm aus dem karelischen Stamm am Anfang des 2. Jahrtausends u. Z. hervorgegangen war. Doch die Anzahl der archäologischen Ischora-Denkmäler, die bis jetzt gefunden waren, ist sehr spärlich, das Territorium des Ischora-Stammes (vom Fluß Wolchow bis zur Stadt Strelna, Fluß Sestra einschließlich die Newaufer) gibt aus unverständlichen Gründen sehr wenig Funde des 1. und Anfang des 2. Jahrtausends u. Z.

Eine Reihe der Wissenschaftler der Ende des 19. und des 20. Jahrhunderts (Brandenburg, Europaeus, Raudonikas, Linewskij, Kotschurkina, Nasarenko, Tuchtina, Golubeva) führten die archäologischen Forschungen auf dem hypothetischen Territorium des wessischen Stammes vom Fluß Wolchow bis zum Weißensee. Dabei wurden hauptsächlich die Besonderheiten der materiellen Kultur des südöstlichen Ladogasee- und Weißenseegebiets festgestellt. Aber ungeachtet der vor kurzem von den Wissenschaftler geäußerten Meinungen sind in den Denkmälern der südöstlichen Ladogasee- und Weißenseegebiets mehr Unterschiede als Ähnlichkeiten vorhanden, es gibt daher vorläufig keinen Grund von der einheitlichen Kultur des wessischen Stammes zu sprechen. Das Herkunftprozeß des Stammes ist ungeklärt.

Nach den Angaben der Sprachwissenschaft ist festgestellt, daß der Stamm der Wot' eine Abzweigung des nordestischen Massivs sei. Am Ende des 19. Jahrhunderts wurden die Ausgrabungen einer großen Anzahl der Hügelgräber im Wot'-Land (Iwanowskij) durchgeführt worden, in den letzten Jahrzehnte wurde das Material dieser Ausgrabungen untersucht und neue Forschungen durchgeführt (Sedov, Rjabinin, Koltchatow). Aber den Wissenschaftler steht noch sehr ungenügend das archäologische Fundmaterial zum Erforschen der Herkunft der Wot' zur Verfügung.

Fast völliges Fehlen des archäologischen Fundmaterials des 1. Jahrtausends u. Z. ist ein wesentliches Hindernis bei der Erforschung der Karelischerherkunft während der Zeit als der Ethnogenese-prozeß in Hauptzügen verlief.

Aarni Erja-Esko

**SLAWISCH-KARELISCHE KULTURELLE BEZIEHUNGEN
IM 9. BIS 13. JAHRHUNDERT**

Die schriftlichen Quellen des 12. bis 14. Jahrhunderts enthalten die Kenntnisse über Karelier, ihre frühere Geschichte ist nicht genau geklärt. E. Kivikoski verknüpft die Blütezeit der karelischen Kultur im 12. bis 14. Jahrhundert nicht mit den westfinnischen Ansiedlern, die in das Ladogaseegebiet kamen, sondern mit dem Einfluß der Kriegszüge und des Handels der Wikinger. Die Feldzüge der Wikinger übten jedoch keinen bedeutenden Einfluß auf die Entstehung der karelischen Kultur aus. Eher entwickelten sich die Kulturen der Wikinger und Karelier als parallele Erscheinungen. Die Kultur der Karelier entstand auf Grund der hochentwickelten Kultur der Randgebiete des Großen Nowgorods, sie wurde von der eingesessenen landwirtschaftlichen Bevölkerung gestaltet und setzte ihre Entwicklung an der Ladogafer bedeutend länger fort, als die Wikingerkolonien existierten. Für den Aufschwung der karelischen Kultur im 9. bis 13. Jahrhundert hatte die allergrößte Bedeutung Nowgorod und im folgenden der Russische Staat gehabt. Diese Feststellung scheint glaubwürdig zu sein in Zusammenhang mit der Untersuchung der Besiedlungskarten des 9. bis 13. Jahrhundert, die auch die südlich von Karelien sich befindende Gebiete umfassen.

HISTORISCH-ARCHÄOLOGISCHE FORSCHUNGEN DER ALTEN KORELA

Korela (im 14. und 15. Jahrhundert — das Karelische Städtchen) tritt in der russischen Geschichte als Vorposten, der im 14. bis Anfang des 17. Jahrhunderts die nordwestlichen Grenzen des Landes von schwedischer Expansion verteidigte, sowie als selbstständiges russisch-karelisches Kultur- und Wirtschaftszentrum des finnischsprachigen Gebiets Rus auf.

Die Entwicklung der Stadt am Fluß Vuoksi erfolgte in den Jahren 1295 bis 1310 und hatte fortlaufend folgende Etappen: karelisches Kriegslager, schwedische Burg, Residenz des russischen Heeresführers, Militärsiedlung der Nowgoroder. Etwa um das Jahr 1300 war die Stadt in eine mehr befestigte Gegend verlegt. Im Jahre 1310 wurde die Festung nach einem einheitlichen Plan wiederaufgebaut und etwa 100 bis 110 Häuser mit der Bevölkerung von 300 bis 330 Einwohner, sowie 100 Krieger konnten dort Platz finden.

Die Bevölkerung der Stadt setzte sich im 14. Jahrhundert aus zwei verschiedenen-sprachigen Gemeinden, und zwar Russen und Karelern, zusammen. In Jahren 1310 bis 1340 war die Bedeutung der karelischen Gemeinde so stark gewachsen, daß die Stadt von einem vornehmen Karelern verwaltet wurde und sie oft in Opposition zu Nowgorod stand. In der 2. Hälfte des 14. Jahrhundert übergang die Macht völlig in die Hände der Nowgoroder Administration.

Die Entstehung der Karelischen Stadt trug dem ökonomischen Aufstieg, sowie ihrer wirtschaftlichen und sozial-politischen Integration in Grenzen der Nordrus bei. Die örtliche Lebensweise und Bräuche des Stammes wurden dabei völlig erhalten und die Stammeskultur erlebte die Blütezeit. Hier wurde noch die gegenseitige Glaubensduldsamkeit und das Fehlen des religiösen Antagonismus hinzugefügt.

In der 1. Hälfte des 14. Jahrhunderts wurde in Massenfertigung der karelische bronzene Schmuck, z. B. Fibeln, für den Ausfuhr in die landwirtschaftliche Gegend erzeugt. Gleichzeitig erschienen auf dem örtlichen Markt russische Erzeugnisse: Kreuze, Messer mit Bronzegriffen, Spinnwirteln, Behälter aus Birkenrinde, Küchengeräth. Die technisch hochentwickelte Produktion der Nowgoroder wirkte zweifellos umgestalterisch auf die Technik der ganzen Gegend.

Die archäologischen Altertümer des Karelischen Städtchens gewinnen die Bedeutung eines Etalons zur Feststellung des zuverlässigen oberen Datums der karelischen Kecksholmer Grabstätten, die bis Mitte des 14. Jahrhunderts funktionierten. Neue Funde geben einen Anstoß zur weiteren chronologischen Bestimmung einer Reihe Erzeugnissen der karelisch-finnischen Form und vor allem des Kleidungsschmucks, das üblicherweise auf die Kreuzzugszeit zurückgeführt wird.

Die Erforschung des Tiwerskij Gorodok (Städtchen) zeigt dem Aufbau seiner Festungsanlagen und läßt es für karelisches Stammesstädtchen, das vom Jahr 1340 bis 1411 existierte, halten.

Im allgemeinen entdeckte man durch die Erforschung der Stadt-Festungen des Mittelalters die Spuren einer günstigen Symbiose der russischen und karelischen Kultur.

V. V. Sedov

DIE ETHNISCHE ZUSAMMENSETZUNG DER BEVÖLKERUNG DES NOWGORODER LANDES

Das Territorium des Nowgoroder Landes gehörte in uralten Zeiten der baltisch-finnischen Bevölkerung, die sich im Laufe der slawischen Erschließung des Landes mit der slawischen Bevölkerung vermischte und zu ihrem Bestandteil wurde. Die Soppken und lange Hügelgräber sind Denkmäler der slawisch-finnischen Symbiose der 2. Hälfte des 1. Jahrtausends u. Z. Ganz am Anfang der Herausbildung des Nowgoroder Landes und seines Staatswesens gehörte ihm neben den Nowgoroder Slowenen und Pskower Kriwitschi auch die finnische Bevölkerung aus dem Mündungsgebiet des Flusses Wolchow und aus dem südöstlichen Teil des Ladogaseegebiets an.

Im 11. bis 14. Jahrhundert war die Bevölkerung des Nowgoroder Landes slawisch-finnisch. Das Nowgoroder Land dehnte sich durch die Ansiedlung der Nowgoroder aus, aber noch im höheren Maße durch die Einbeziehung der baltisch-finnischen Regions (Korela, Ischora) auf Grund der Bündnisverhältnisse. Die altrussische Kultur hatte einen großen Einfluß auf die nächsten Nachbarn Nowgorods ausgeübt.

DIE BEZIEHUNGEN ZWISCHEN DEN WESTFINNEN UND OSTEUROPA WÄHREND DER WIKINGERZEIT

In den Grabfeldern von Luistari in südwestlichen Finnland, datiert um das Jahr 600 bis 1200 u. Z., unter 400 untersuchten Gräbern ist das eine (N 348) von bedeutender Interesse für die Geschichte Finnlands während der Wikingerzeit. In der Grabkammer, die mit dem Aufbau solcher Art in Birka und Ukraine verwandt ist, wurden die Leiche eines Mannes gefunden. Dort fand man auch zwei Spieße, einen Schwert, ein Messer, eine Sense, eine Schere, ein Schloß, zwei Lanzen, acht Gewichte, einige arabische Münzen, Feuerstein, Gefäße und andere Gegenstände. In der Kleidung fand man einen Gürtel mit Quastenbehang, einen Umhang mit Schmuckspiralen, silberne Schnürre, die die goldgelbe seidene Tunika schmückten. Der Umhang wurde mit einer Nadel befestigt, die im Borre-Stil ornamentiert wurde. Der Komplex ist um das 2. Viertel des 10. Jahrhunderts datiert, er gehörte einem vornehmen offenbar örtlichen Kaufmann der im Orient gewesen war. Der Luistarifund zeugt von der Teilnahme der Finnen an dem Osthandel und widerlegt die Auffassung von der Passivität der Finnen, die, wie man vermutete, unter dem Wikingerjoch waren.

E. A. Rjabinin

DIE TSCHUDISCHEN STÄMME DER ALTEN RUS NACH DEN ANGABEN DER ARCHÄOLOGIE

Der im 9. Jahrhundert entstandene Altrussische Staat vereinigte in ihren Grenzen eine Reihe der von ugro-finnischen Stämme bewohnten Territorien. In den archäologischen Denkmälern der Nordrus des 10. und 14. Jahrhunderts kommen die Elemente der materiellen Kultur und der Bestattungsritus, die mit den ugrofinnischen (tschudischen) Traditionen verbunden waren, zum Vorschein. Hierher gehört insbesondere die Meridionalorientierung der gestorbenen, die auf das Gebiet der alten ugrofinnischen Hydronymie beschränkt wird. Die in die Karte eingezeichneten Elemente der materiellen Kultur lassen das Besiedlungsterritorium einiger Tschud-Stämme um die Zeit des Beginns der slawischen Ansiedlung definieren. Die von ugrofinnischen Bevölkerung überlieferten Denkmäler des 10. bis 14. Jahrhundert bilden einzelne Anhäufungen. Die letzterwähnten sind hauptsächlich mit den konkreten Stammesbildungen, die noch in der vorrussischen Zeit geformt wurden, verbunden.

Der im Norden der Rus verlaufende Prozeß der slawisch-tschudischen Wechselwirkung prägte sich im allmählichen Nivellement der Stammesbesonderheiten und in der gegenseitiger Bereicherung der Kultur der örtlichen Bevölkerung aus. Davon zeugt die Herausbildung der eigenartigen Gebietskultur in der Zone der slawisch-ugro-finnischen Kontakte, die Entstehung der Gegenstände von «Hybride»-Typ.

Anna-Liisa Hirviluoto

DIE VERBINDUNGEN ZWISCHEN FINNLAND UND DEM GEBIET DES RIGAISCHEN MEERBUSENS WÄHREND DER WIKINGER- UND KREZZUGSZEIT

In den finnischen Gräber der Wikinger- und Kreuzzugszeit sind die Gegenstände gefunden, die typisch für die Gräber in Lettland sind. Hier sollen kreuz- und kammförmige, sowie zoomorphische Anhänger erwähnt werden. In Finnland kennt man auch vogelförmige Anhänger. Möglicherweise sind diese Gegenstände nach Westfinnland aus dem Gebiet des Rigaischen Meerbusens gebracht. Im Westfinnland und im Gebiet des Rigaischen Meerbusens wurden gleiche byzantinische kreuzförmige Gegenstände gefunden. Man vermutet, daß diese Gegenstände über Nowgorod und den Handlungsweg des Flusses Zapadnaja Dwina (Westdwina) verbreitet wurden. Für enge Kontakte zwischen dem Rigaischen Meerbusensgebiet und Finnland sprechen die gleichen Kleidungsstücke (besonders «Spiralen») und die Keramik mit rundem Boden.

Die Beziehungen zwischen dem Gebiet des Rigaischen Meerbusens und Finnland hatten vorherrschend einen einseitigen Charakter. Es handelt sich um das Eindringen der livländischer und byzantinischslawischer Gegenstände ins Westfinnland. Mit dem Handel beschäftigten sich offensichtlich bestimmte wohlhabende Dörfer, die mit der Pelztierjagd verbunden waren.

TIMEREWSEKIKOMPLEX ALS PROTOSTÄDTISCHES ZENTRUM IN DER ZONE DER SLAWISCH-FINNISCHEN KONTAKTE

In dem Artikel wird das Material des archäologischen Timerewskikomplexes betrachtet, das aus dem Zeit der Mitte des vorigen Jahrhunderts in der Literatur bekannten Hügelgräberfeld sowie zwei Hügelgruppen besteht. In den letzten Jahren wurden zwei Ansiedlungen und zwei Schätze mit arabischen Münzen gefunden. Der Komplex wird um das 9. bis 11. Jahrhundert datiert. Timerewskidenkmäler liegen auf dem Kreuzweg der wichtigsten Flußwege des früheren Mittelalters, die in das System der Wolgahandelsader eingingen. Das in Betracht gezogene Zentrum hat einen deutlich ausgeprägten protostädtischen Charakter — im Grab- und Ansiedlungsmaterial kommen reichlich Importwaren, die aus dem arabischen Orient und Skandinavien stammen, vor.

Der Timerewskikomplex entstand auf dem Wege der slawisch-russischen Kolonisationbewegung der nordöstlichen Gegenden, die von den ugro-finnischen Stämme besiedelt waren. Im Bergänistritus und im Bestand der betrachtenden Denkmäler werden ab Mitte des 10. Jahrhunderts die ugro-finnischen Elemente massenhaft bemerkt. Das war die Periode das durch die aktive Tätigkeit der slawischen Bevölkerung wird die örtliche Bevölkerung hier Merja — in das Prozeß der Gestaltung der altrussischen Völkerschaft und Staatswesens einbezogen. Die protostädtischen Zentren des Timerewski-Typs spielten eine große Rolle, die positiv war, in der Entwicklung der altrussischen Kultur des Nordostens, zu welcher die örtlichen ugro-finnischen Stämme einen gewissen Beitrag leisteten.

Unto Salo

ZUR GESCHICHTE UND VORGESCHICHTE DES PROVINZWESENS IN WESTFINNLAND

Die ersten Erwähnungen der westfinnischen Gebiete: Äland, das Eigentliche Finnland, Häme, Satakunta, Uusimaa stammen aus den Quellen der Jahre 1319 bis 1331. In diesen Gebieten wurden Versammlungen abgehalten, sie hatten ihren eigenen Gericht und Siegel. Die Verwendung des Siegels weist auf die vorhandene Schriftführung, die im Jahre 1266 bis 1280 eingeführt war. Uusimaa entstand nicht früher als um das Jahr 1250, was das Eigentliche Finnland anbetrifft, so sind die genauen Daten dieser Art ungeklärt, aber in 50. bis 60-er Jahre des 13. Jahrhunderts hatten die Provinzen Selbstverwaltung gehabt und entstanden möglicherweise in eine frühere Zeit. Zum Klären der Frage des Provinzenursprungs und des Grenzenverlaufs sind die Erkenntnisse der Archäologie einzubeziehen. Aus Satakunta sind 8 bis 9 Burgen bekannt — die Bevölkerung wohnte unter verhältnismäßig friedlichen Umständen. In Häme dagegen bildeten die alten Burgen ein Verteidigungssystem und befestigten somit die Grenzen mit Satakunta. In Bezug auf die Schätze, so sind diese im Häme und im Eigentlichen Finnland gefunden, sie fehlen aber fast völlig in Satakunta und Kalanti. Die Verbreitung der Schätze weist auf die Gebiete, die von den Räubern von Meeresseite überfallen wurden. Die Gebiete mit der verhältnismäßig ruhigen Situation hatten wahrscheinlich friedliche Verhältnisse zu Schweden gehabt.

L. A. Golubeva

WES, SKANDINAVIER UND SLAWEN IM 10. UND 11. JAHRHUNDERT

Die Einwanderung der Slawen in das südöstliche Ladogaseegebiet wird archäologisch ältesten Brandgräbern (des 10. und Anfang des 11. Jahrhunderts nachgewiesen. Aber typisch skandinavischer Bestand und die Besonderheiten des Begräbnistritus wurden immer (außer einzelnen Ausnahmen) mit denen der örtlichen Züge verbunden, was die Absonderung der skandinavischen Gräber erschwert. Offensichtlich schmolzen die skandinavischen Einwanderer sehr schnell in ugro-finnischen Milieu.

Die Einwanderung der Slawen in das südöstliche Ladogaseegebiet wird archäologisch auf das 11. Jahrhundert dokumentiert. Die Einwanderung ging aus dem Gebiet der nowgorodischen Slowenen auf dem Wolchowflußweg. Aus der 2. Hälfte des 11. bis 13. Jahrhunderts sind nicht nur einzelne slawische Gräber bekannt, sondern auch ganze Gräberfelder. Im 12. und 13. Jahrhundert kommen die Gräber der ethnisch ge-

·mischten Bevölkerung zum Vorschein. Die Wanderung der Slawen auf dem Territorium der südlichen Wes und der Weißenseewes vollzog bedeutend früher — im 10. Jahrhundert. Sie verlief auch hauptsächlich aus dem Gebiet der nowgorodischen Slowenen auf den Msta-, Mologafußwegen, sowie auf den Nebenflüssen des Flusses Suda. Der untere Horizont des Weißensees weist auf die slawische Anwesenheit. Die slawischen und gemischten Gräberfelder sind schon im 10. und 11. Jahrhundert auf den Flüssen Kolp, Mologa, sowie auf der Nordküste der Weißensee bekannt. Die Wanderung der Slawen, die wirtschaftlich das Weißenseegebiet erschlossen hatten, verlief gleichzeitig mit dem Erscheinen hier der Skandinavier.

In den Jahren 1974 bis 1976 wurde im Weißenseegebiet die Siedlung der Wes aus dem 10. Jahrhundert bei dem Dorf Gorodische des Kirilowskibezirks im Wologdagebiet gefunden. Das ist eine unbefestigte Siedlung, die reihenweise bebaut wurde. Für die Siedlung ist die entwickelte metallurgische Produktion des Handwerkstyps kennzeichnend. In der Siedlung wurde ausschließlich handgeformte Keramik gefunden, deren Form und Ornament auf das Vorherrschen des finnischen Ethnos weist. Neben der entwickelten Viehzucht führte die Bevölkerung der Siedlung im großen Umfang die Pelztierjagd (auf Biber). Die Bevölkerung nahm auch an dem Austausch zwischen den Völkern auf dem Großen Wolgahandelsweg teil, worauf die arabischen Dirhame aus dem 9. und der ersten Hälfte des 10. Jahrhunderts, sowie eine Reihe der Importwaren deuten. Die letzten sind für den skandinavischen Einfuhr typisch. Die Siedlung hörte auf zu existieren in der 2. Hälfte des 10. Jahrhunderts.

Matti Huurre

BEGRIFFE DER FINNISCHEN ARCHÄOLOGEN ÜBER DIE HERKUNFT DES KARELISCHEN STAMMES UND DER AUS DER EISENZEIT STAMMENDEN KULTUR IN KARELIEN

Unter den Kareliern wird die Bevölkerung betrachtet, die am West- und Nordküste des Ladogasees wohnte und die seit der wikingscher Zeit eine eigenartige Kultur hatte. J. R. Aspelin war der Meinung, daß die Karelrier in die Gegend ihrer Ansiedlung durch den nördlichen Teil des Ladogagebiets kamen. Nach A. Hackmann nahmen die Karelrier an der Ansiedlung der finnischen Stämme teil, die vom Westen nach Osten vollzog. J. Ailio vertritt die Meinung von der Autochthonschaft der alten Karelrier. H. Appelgren-Kivalo stellte die karelische Ornamentik fest, die sich auf dem skandinavischen und orientalischen Stoff gründete. T. Schvindt entdeckte zum erstmal in Jahre 1880 die karelischen Grabstätten. A. M. Tallgren vermutete, daß die Karelrier von Südwesten ins Ladogagebiet um das Jahr 1100 übersiedelten. Auf Grund eines Brandgrabes in Sakkola dachte Europaeus, daß der karelische Stamm sich von den Neusiedlern, die nicht nur vom Osten, sondern auch vom Westen gekommen waren, entwickelte. C. A. Nordmann meinte, daß die Karelrier von westfinnischen Auswanderern, die sich mit den ostfinnischen vermischt hatten, entstanden. Nowgorod und Gotland begünstigten die Blütezeit der karelischen Kultur in den Jahren 1100 bis 1300. E. Kivikoski bemerkte den komplizierten zusammengesetzten Charakter der karelischen Kultur, die sich während der Wikingerzeit entwickelte und die sich die Züge der Westfinnen, Skandinavier und Slawen aneignete. C. Meinander meint, daß die Bevölkerung der späten Eisenzeit auf die Träger der Textileramik der Bronzezeit zurückzuführen wäre.

Christian Karpelan

FINNISCHE SAAMEN IN DER EISENZEIT

Im Mittelalter waren die Ansiedlungen der Saamen weit verbreitet, sie umfaßten das ganze Territorium Finnlands und der Karelischen autonomen Sozialistischen Sowjetrepublik. Saamische Erzeugnisse der Eisenzeit wurden jedoch bis jetzt nur im nördlichen Teil Finnlands gefunden. Die ältesten Funde weisen auf die Kontakte der Saamen mit Skandinavien und südwestlichen Finnland. Für die älteste Zeit ist die Herstellung des Metalls und der Tonerzeugnisse von Saamen kennzeichnend. Später wurde diese Produktion eingestellt, was in Zusammenhang mit der Verstärkung der äußeren Wirkung von Seite der finnischen und skandinavischen Kultur stand. Der Aufstieg dieser Wirkung wird durch die zunehmende Bedeutung des Pelzhandels und durch den wesentlichen Wareneinfuhr nach Lappland, der die Notwendigkeit der eigenen Produktion ausschloß, erklärt. Die fremden Kaufleute zogen gewöhnlich im Winter von Siedlung zu Siedlung um die Pelze abzuholen, die im Laufe des Jahres

die Saamen angesammelt hatten. Von nun an waren diese Ansiedlungen in den für den Aufenthalt der Kaufleute bequemen Gegenden gelegen. Außer Jagd beschäftigten sich die Saamen im großen Umfang mit der Hirschzucht. Die saamische Bevölkerung, die früher äußerlich unabhängig gewesen war, geriet während der Eisenzeit immer mehr in die ökonomische und politische Abhängigkeit von der unternehmerischen finnischskandinavischen und später karelischen Tätigkeit.

In der Arbeit ist die Chronologie der saamischen Altertümer im Zusammenhang mit der historischen Periodisierung der Nachbargebiete festgelegt.

V. A. Nasarenko

ZUR ETHNISCHEN ZUGEHÖRIGKEIT DER HÜGELGRÄBER DES LADOGASEEGEBIETS

In den wissenschaftlichen Arbeiten der letzten Jahre, die der Untersuchung der Ladogahügelgräber gewidmet sind, wird gewöhnlich das Territorium ihrer Verbreitung wesentlich erweitert. Der Grund dafür ist darin zu sehen, daß eine Reihe der Forscher die Zugehörigkeit der Ladogahügelgräber der alten Wes, die vom russischen Chronisten auf das Weißenseegebiet lokalisiert wurde, zu beweisen versucht. Weder die Angaben der Toponymik und der Hydronymik, noch die Erkenntnisse der Ethnographie und die Ansiedlung der heutigen wepsischen Völkerschaft bestätigen diese Schlußfolgerung der Forscher. Die Untersuchung der Besonderheiten des Bestattungsritus überzeugt davon, daß auf dem Territorium des Ladogagebiets zwei in Hinsicht auf ethnisch-kulturellen Beziehungen verschiedene Gruppen wohnten. Die eine davon stellt offensichtlich die Bevölkerung dar, auf Grund welcher sich im 12. bis 14. Jahrhundert die karelische Völkerschaft und zwar Kareljer-Livviker herausgebildet hatte. Die Benennung der anderen Gruppe bewahrten die schriftlichen Denkmäler nicht und wir schlagen vor sie vorläufig bedingt als «Ladogatschud» zu nennen.

YHTEENVETO ESITELMISTÄ

B. A. Rybakov

KOSMOGONINEN SYMBOLIKKA TŠUDIEN ŠAMANIEN KORUISSA JA VENÄLÄISISSÄ OMPELUTOISSA

Artikkeli on omistettu taivaallisten hirvien kultille (poroille). Ottaen huomioon šamanien haudan (Oleneostrovskin kalmisto) šamanien hatun koristeena olevan poron pään kuvaavan korun' porojen kultti syntyi vielä mesoliitissa.

Siperian metsästäjä-kansojen tarustossa on muun muuassa taru šamanista joka käydessään taivaassa, «ylä-maailmassa» näki siellä kahden puoli-naisen — puoli-poron jotka olivat maailman haltiattaria ja jotka synnyttivät kaikki eläimet maailmalle.

Täsmällisinä tarun kuvauksina ovat šamanien korut jotka ovat peräisin 1 vuosituhannes m. a. ja olivat käytössä Uralilla asustavilla jugor-heimoilta.

Näissä koruissa on kuvattu kosmogoninen käsite kolmikerroksisesta maailmasta: alin maailma lohikäärmeen hahmossa, keskimaailma, kuvattu šamanien hahmoissa joilla on päähine päässä ja jonka koristeena on poron päätä kuvaava koru.

Maailman ylin kerros on kuvattu kahden naisen hahmolla joilla on toinenkin pää — poron pää ja porojen päät puolestaan päättävät sommitelman ja muodostavat taivaan kaaren.

Venäläisen Pohjolan tarustossa on monia taruja jotka kertovat kahdesta pyhästä porosta jotka tulivat ihmisten luo uhriluoventustilaisuuksien takia.

Venäläisissä ompelutoissa ja ukrainalaisissa pääsiäismunien koristuksissa on myös säilynyt kahden taivaallisen poron tai hirven aihe.

Taivaallisten hirvien kultin etnograafinen ilmeneminen todistaa ei ainoastaan mahdollisen suomalais-ugrilaisen alueen vaikutuksen, vaan myös kosmogonisten käsitteiden laajemman leviämisen (Ukraina), jotka olivat sidottuna kiinteästi kivikauden metsästäjä-elinoloihin.

C. F. Meinander

BJARMIT

Vienanjoen suu oli norjalaisten ja bjarmien vakituinen kohtaamisalue 800-luvulta 1200 luvun pouliväliin saakka. Mutta bjarmien asutusten jälkiä tällä alueella ei ole toistaiseksi voitu todeta. Bjarmien maata tutkiessaan on kiinnitettävä huomio niihin alueihin, joista on löydetty suomalais-ugrilaisia ja skandinaavistyyppisiä esineitä rautakaudelta, kuten Pohjois-Ruotsi, Suomi, Laatokan alue ja Jaroslavl. Näillä alueilla voimme esittää selviä esimerkkejä muinaisyhteyksistä ja Idän miesten liikkumisesta länteen. Arkeologisen aineiston perusteella voimme osoittaa ilmeisesti Bjarmien maaksi Jaroslavl:n aluetta. Tältä alueelta bjarmit kävivät kauppaa ja liikkuivat hyvin laajalla alueella Pohjanlahdelta Uralille. Todisteena tällaiselle aktiiviteetille ovat permalaiset syntyperältään esinelöydöt. Vanhimmat tähän ryhmään kuuluvat esineet ovat Piano-borin ikäisiä.

Norjalaisten muiniskertomusten tarkoittama Bjarmaland on konkreettinen alue, jolla oli jonkinlainen poliittinen organisaatio.

I. P. Saksolski

LOUNAIS-BALTIAN ITÄMERENSUOMALAISTEN HEIMOJEN SYNTYPERÄN ONGELMIA NYKYTIETEEN PERUSTEIDEN VALOSSA

Merkittävimpiä arkeologisia lähteitä karjalaisten syntyperän ongelman tutkimisessa ovat tähän asti olleet huomattavamman suomalaisen arkeologin T. Svindtin suorittamat esiinkaivauksien löydöt viime vuosisadan lopulla. XX vuosisadalla tätä ongel-

maa tutkivat suomalaiset ja neuvostoliitolaiset arkeologit: A. M. Talgren, V. I. Ravdonikas, C. A. Nordman, E. Kivikoski, neuvostoliittolainen kielitutkija D. V. Bubrih. Näiden tiedemiesten esittämät käsitykset kohdistuvat olettamukseen, että karjalainen heimo on syntynyt verrattain myöhäisellä kaudella, myöhäisemmällä aikakaudella noin XI—XII vs. karjalaiset saapuivat Luoteis-Laatokalle. Nykyään nämä käsitykset ovat kyseenalaisia karjalan kielen ja eepoksen tutkielmien tuloksien jälkeen.

Arkeologian ja kielitieteen aineiston perusteella voidaan todeta, että inkeröiden heimo muodostui karjalaisten heimosta XII vs alussa. Mutta tähän asti on löydetty vähän inkeröiden arkeologisia muistomerkkejä. Inkeröiden heimon alueelta, joka ulottuu Olhova-joelta Strelna-kaupunkiin ja Sestra-joelle (Nevan rannat mukaan luetuina) on epaselvistä syistä saatu erittäin vähän löytöjä XI-sen ja XII-sen vs:n alusta uutta ajanlaskua Olhova-joen rannoilla Valkeajärvelle vatjalaisten heimon oletetulla alueella XIX vs:n lopulta — XX vs joukko tiedemiehiä (Brandenburg, Europaeus, Ravdonikas, Linevski, Kotškurkina, Nazarenko, Tuhtina, Golubeva) ovat suorittaneet arkeologisia tutkimuksia. Pääasiassa on saatu selville Lounais-Laatokan ja Valkeajärven alueilla aineellisen kulttuurin erikoisuudet. Mutta edellä esitettyjen tutkijoittem olettamuksista huolimatta. Lounais-Laatokan ja Valkeajärven löydöissä oli enemmän eroavuuksia kuin yhtäläisyyttä. Toistaiseksi ei ole perusteita puhua vatjalaisen heimon yhtäläisestä kulttuurista eikä ole myös selvitettävissä vatjalaisen heimon syntyperää.

Kielitieteen kannalta todistetaan, että vatjalaisten heimo on haarauma pohjoisviroalaisesta etnisestä ryhmästä. XIX vs:n lopulla Vatjalaisten maalla oli esiin kaivettu paljon kurganeja (Ivanovski). Vuosikymmenien kuluessa oli tutkittu näiden kaivauksien esineitä ja suoritettu uusia tutkimuksia (Sedov, Rjabinin, Koltšatov).

Mutta tiedemiesten käytettävissä on vielä vähän arkeologista aineistoa vatjalaisen heimon syntyperän ongelman ratkaisemista varten. Pääesteenä karjalaisten, inkeröiden, vatjalaisten heimojen syntyperän ongelman tutkimisessa on arkeologisten löytöjen aineiston puute I-sen tuhatvuoden uutta ajanlaskua ajalta, jolloin pääasiassa olivat syntyneet nämä heimot.

Aaarni Erä-Esko

9—13 VUOSISADAN SLAAVILAIS-KARJALAISISTA KULTTUURISUHTEISTA

Tietoja karjalaisista on kirjallisissa lähteissä 1100—1300 luvuilta, ennen tätä aikakautta karjalaisten varhaisempaa historiaa ei ole varmasti saatu selville. E. Kivikoski laskee, että karjalan kulttuurin kukoistusaika 1100—1300 luvuilla ei johdu länsisuomalaisien asuttamisesta Laatokan rannoille, vaan vaikuttajana olivat viikinkien tekemät retket ja kauppa. Mutta viikinkiretket varsinaisesti eivät ole vaikuttaneet karjalaisen kulttuuripiiriin syntyyn. Pikemminkin lienevät viikinkien ja karjalaisten kulttuurit rinnakaismiioitä, jotka ovat syntyneet Suur-Novgorodin (Novgorod Veliki) luomien korkeakonjunkturien liepeille. Ero on vaan siinä, että karjalaisten kulttuuri oli paikoilleen asettuneen maaviljelyväestön luoma ja että se jäi Laatokan tuntuun pysyvämmäksi kuin viikinkikoloniat.

Tämä selvitys tuntuu luonnolliselta katsellessamme Karjalan eteläpuolella sijaitsevien alueiden 9.—11. vs:n asutuksen karttoja.

A. N. Kirpitsnikov

HISTORIAL LIS-ARKEOLOGINEN TUTKIELMA MUINAIS-KARJALASTA

Karjala (mutta 1300—1400 luvuilla karjalainen kaupunki) on venäläisessä historiassa etuvartiostona, joka puolusti maan luoteisrajoja ruotsalaisten laajenemispyrkimyksiltä 1300—1600 luvuilla ja on Venäjän liepeillä suomen kieltä puhuvien itsenäinen venäläis-karjalainen kulttuuri- ja taloudellinen keskus.

Kaupunkia perustettiin Vuoksi-joen rannalle 1295—1310 luvuilla, se tapahtui johdonmukaisesti seuraavassa vaiheessa: karjalaisten sotilasleiri, ruotsalaisten linna, venäläisen sotilasruhtinaan residensii, novgorodilaisten sotilaallinen asutus. Noin 1300-luvulla piti paikkansa kaupungin siirtäminen linnoitusalueelle. 1310 v:n linnoitus oli rakennettu uudestaan yhtenäisen pohjapiirroksen mukaan. Linnoituksen alueella oli noin 100—110 taloa, asukkaiden luku 300—330 henkeä (100 soturia mukaan luetuina).

Kaupungin väestö 1300-luvulla käsitti kahta erikielistä yhteisöä — venäläisiä ja karjalaisia 1310—1340 luvuilla karjalaisen yhteisön merkitys kasvoi niin paljon, että

kaupunkia johti kuuluisa karjalainen ja ajoittain kaupunki oli oppositiiossa Novgorodia vastaan. 1300-luvun toisella puoliskolla valta siirtyi kokonaan kaupungissa Novgorodin hallinnon käsiin.

Karjalan kaupungin perustaminen edisti koko Karjalan maan taloudellista nousua sekä taloudellista ja sosiaali-poliittista yhdistämistä Pohjois-Venäjän puitteissa. Siitä huolimatta paikallisen heimon elämäntapa ja perinteet ovat säilyneet kokonaan ja heimokulttuuri on kokenut kukoistusta. Tähän lisääntyi keskinäinen suvaitsevaisuus ja uskonnollisten ristiriitojen puuttuminen.

1300-luvun ensimmäisellä puoliskolla Karjalan-kaupungissa tuotettiin laajamittaisesti karjalaisia pronssikoruja, kuten, rintakorut vientiä varten maalaisalueille.

Samanaikaisesti paikalliselle torille tuli venäläisiä esineitä: ristiä, pronssikahveja veitsiä, rukkia, tuohivöitä ja astioita. Teknillisesti korkealle kehittyneet novgorodilaisten tuotteet eittämättä vaikuttivat perimmiltään koko alueen teknikkaan. Karjalan-kaupungin arkeologiset muinaisesineet saavat mallimittaisen merkityksensä osoittaakseen 1300-luvun keskivaiheelle toimivien karjalaisten Käkisalmen ruumiskalmistojen tarkan vuosiluvun. Uudet löydöt antavat sysäyksen täsmentää kronologisesti vastaisuudessa joukon esineistöä karjalaisuomalaisista ulkomuodoltaan ja ennen kaikkea pukujen koristeet, jotka tulkitaan tavallisesti ristiretkijien aikakaudella.

Tutkiessaan Tiverskin-kaupunkia paljastettiin sen puolustuslaitteiden rakenteet. Tämän perusteella voi laskea Tiverskin-kaupunkia Karjalan-kaupungin heimolaiseksi, joka oli ruotsalaisten tuohoamiseen mennessä 1340—1411 luvuille asti.

Yleensä Laatokan-Karjalan keskiaikojen linnoitus-kaupunkien tutkiminen osoitti venäläisen ja karjalaisen kulttuurin hedelmällistä yhteen sulautumista.

V. V. Sedov

NOVGORODIN MAAN VÄESTÖN ETNINEN KOKOOMUS

Novgorodin maitten alue kuului muinaisuudessa baltialais-suomalaiselle väestölle. Slaavilaisten kotiutuessa tämä väestö assimiloitui slaavilaiseen heimoon ja näin tuli yhtenäinen kokoonpano. Slaavilaissuomalaisen sekoituksen löytöjä uuden ajanlaskun mukaan ensimmäiseltä tuhatvuotiskaudelta toiselta puoliskolta ovat kummut ja kurgaanit. Alusta alkaen Novgorodin maiden ja valtion perustamisen ohella täällä asustivat novgorodilaiset sloveenit ja pihkovalaiset krivitsheimot sekä myös Olhova-joen alajuoksun seudulla ja Kaakkois-Laatokalla suomalainen väestö.

1000—1300 lukujen välisenä aikana Novgorodin maitten väestö oli slaavilais-suomalaista. Novgorodin maat laajenivat novgorodilaisten asuttamisen johdosta, mutta huomattavammin sen ansiosta, että Novgorodiin liitettiin itämeren — suomalaiset alueet (karjalaiset ja inkeröiset) liittolaisuusuhdeperustein, (liittolaisina).

Novgorodin lähimpään naapuriin (vatjalaisiin) vaikutti huomattavasti muinaisvenäläinen kulttuuri.

Pirkko-Liisa Lehtosalo-Hilander

LÄNSI-SUOMEN SUHTEISTA ITÄ-EUROOPPAAN VIKINKIAJALLA

Euran Luistarin ruumiskalmistossa, joka sijaitsee Lounais—Suomessa ja on ajoitettu ajanjaksolle n. 600—1200 jKr yli 400 tutkitun haudan joukossa oli hauta N 348, joka monessakin mielessä on merkittävä Suomen viikinkiajan tutkimukselle. Hautakuopassa, joka oli rakenteeltaan rinnastettavissa ruotsalaisen Birkan suuriin kammiohautoihin ja joille on esitetty vastineita myös Ukrainasta sisälsi yhden miesvainajan jäännökset. Samassa haudassa oli kaksi keihästä, miekka, väkipuukko, veitsi, viikate, keritsimet, lukko, kaksi kukkaroa, kahdeksan punnusta, kolme kokonaista arabialaista hopearahaa, tuluspiini palasia ja muita esineitä. Vainajan pukuun kuului eräänlainen tupsuvyö, spiraalikoristeinen viitta, hopeapunokset, jotka oli neulotut kullankeltaiseen silkkiin tunikaan. Viittaan kiinnitetty neula oli koristettu borretyylillä. Kukkarot ajoittuu 900-luvun toiselle neljännekselle, se kuului ehkä kuuluisalle idässä käyneelle paikalliselle kauppialle.

Luistarin löydöt toteavat suomalaisten osuudesta idän kauppaan ja kumoavat käsityksen suomalaisten passiivisuudesta (kuten laskettiin suomalaisten olleita viikinkien ikeen alla).

MUINAIS-VENÄJÄN SUOMALAISET HEIMOT ARKEOLOGIAN KÄSITTELYSSÄ

Muinais-Venäjän valtakunta, joka muodostui 800-luvulla, yhdisti rajojensa sisälle joukon suomalais-ugrilaisten heimojen asuttamia alueita. X—XIV vuosisatojen Pohjois-Venäjän arkeologisissa esinelöydöissä on havaittavissa aineellisen kulttuurin ja hautausmenojen aineksia, jotka ovat luonteenomaisia suomalais-ugrilaisten heimojen perinteille. Niihin kuuluivat muun muassa, vainajien meridiaanin myötäinen hautaus, joka sijaitsi muinaisten suomalais-ugrilaisten heimojen vesistöalueitten lähellä.

Aineellisen kulttuurin levinnäisyyskartat sallivat otaksua muntamien suomalaisten heimojen alkukodin paikkoja slaavilaisten asustamisen aikana alkuvaiheessa. Suomalais-ugrilaisten väestön esinelöydöt X—XIV vs:lta muodostavat erilliskasaantumia. Nämä pääpiirteitä viittaa konkreettisten heimoyhdistysten muotoutumiseen vielä esi-venäläiskauden aikana.

Osoituksena slaavilais-suomalaisen heimon kanssakäymiselle Pohjois-Venäjällä on heimojen erikoisuuksien piirteet ja paikallisen väestön kulttuurivaikutukset. Tähän viittaavat tällaiset perusteet, kuten omalaatuisten maakuntakulttuurien muotoutuminen slaavilais-suomalais-ugrilaisten kontaktien alueella ja erimuodoisten esineiden tuottaminen.

Anna-Liisa Hirviluoto

SUOMEN YHTEYDET RIIANLAHDELLE VIIKINKI- JA RISTIRETKIAIKANA

Suomen rautakauden kalmistoista on löydetty lukuisasti esineistöä, mikä osoittaa, että Suomen ja Riianlahden välillä on ollut kosketusta viikinki- ja ristiretkiaikana. Sellaisia ovat mm. erilaiset riipukset, kuten pähkinäiset ristinmuotoiset kampamaiset sekä litteistä pronssilevystä tehdyt eläinaiheiset riipukset.

Suomessa tunnetaan myöskin lintuaiheisia riipuksia. Mahdollisesti ainakin nämä Länsi-Suomesta löydetyt linturiipukset voisivat olla lähtöisin Riianlahden suunnalta. Länsi-Suomesta löydetylle bysanttilaiselle ristimateriaalille tunnetaan myös vastineita Riianlahden alueelta. Novgorodia on pidetty perinteisesti Suomesta löydettyjen bysanttilaisten esineitten välittäjänä, mutta myös Väinäjoen kaupalla on saattanut olla tässä osuutta.

Suomen ja Riianlahden alueen läheisestä kosketuksesta kertoo myös molemmille seuduille yhteinen pukukulttuuri, varsinkin siinä esiintyvä spiraalikoristelu. Myös keramiikassa on samankaltaisuutta Suomen ja Riianlahden alueella, astiat ovat useimmiten muodoltaan pyöreäpohjaisia, maljamaisia ja tummapintaisia.

Kosketus Suomen ja Riianlahden välillä on ollut rautakauden lopulla ilmeisesti luonteeltaan yksipuolista. Kyseessä ovat Länsi-Suomesta löydetyt liiviläiset ja bysanttilais-slaavilaiset esineet. Kauppaa ovat mahdollisesti pitäneet halussaan muuttamat vauraat «kylät», jotka olivat kiinnostuneita turkishankinnasta.

I. V. Dubov

TIMEREVSKI KOMPLEKSI — ON SLAAVILAISSUOMALAISTEN KONTAKTIEN ALUEELLA KAUPUNGIN ALKUUNPANIJAN KESKUS

Artikkelissä käsitellään Timerevskin arkeologisen kompleksin materiaaleja, niihin kuuluvat viime vuosisadan keskivaiheelta kirjallisuudessa tunnettu kurgaani-hautakalmisto ja kaksi kurgaaniyryhmää. Viimeisinä vuosina on löydetty kaksi asutusta ja kaksi arabialaisraha-aarretta.

Kompleksi ajoittuu IX—XI vs. valisenä aikana. Timerevskin löydöt sijaitsivat varhaiskeskiajan tärkeimpien jokiteiden risteyksissä. Nämä tiedot kuuluivat Volgan kauppaitien systeemiin.

Käsiteltävänä oleva keskus on luonteeltaan kaupungin tyyppinen. Asutusten ja kalmistojen aineistossa on laajalti tuontiesineitä, jotka ovat syntyperäisin Idän arabimaista ja Skandinaaviasta.

Timerevskin kompleksi syntyi silloin, kun slaavilais-venäjätiset heimot siirtyivät koillismaille, joissa asustivat suomalais-ugrilaiset heimot. Käsiteltävien löytöjen hautausmenoissa ja kalustossa on havaittavissa suomalais-ugrilaista aineksia X-sen vuosisadan keskivaiheelta. Silloin slaavilaisen väestön aktiivisen toiminnan ansiosta mui-

naisvenäläisen kansallisuuden ja valtakunnan muotoutumiseen osallistuiivat myöskin paikalliset asukkaat (tässä tapauksessa merjalaiset, merja).

Timerevskin tyyppiset kaupunkien alkuunpanijoitten keskuukset vaikuttivat myönteisesti muinaisvenäläisen kulttuurin kehitykseen koillisessa, tässä on osuutta myöskin paikallisilla suomalais-ugrilaisilla heimoilla.

Unto Salo

MAAKUNTALAITOKSEN HISTORIAA JA ESIHISTORIAA LÄNSI-SUOMESSA

Länsi-Suomen maakunnat Ahvenanmaa, Varsinais-Suomi, alunperin pelkkä Suomi, Satakunta ja Häme sekä Uusimaa esiintyvät lähteissä ensi kerran v. v. 1319—31 välisenä aikana. Niillä oli keskiajalla maakuntakokouksensa, sinettinsä ja ainakin toisilla maakuntatuomarinsa. Sinettien käyttö merkitsee kirjallista hallintotapaa, mikä näyttää, kuten useista seikoista voidaan päätellä, omaksutun vuosien 1266—80 välisenä aikana. Uusimaa ei voi maakuntana palautua juuri 1250-lukua varhaisempaan aikaan, sillä se saa pysyvän asutuksensa vasta näihin aikoihin. Mutta Varsinais-Suomen, Satakunnan ja Hämeen osalta voidaan kysyä, johtuuko maakuntaorganisaatio niiden alueella jo varhaisemmalta ajalta, rautakaudelta. Mutta 1250—1260 luvulla nämä maakunnat olivat itsehallintoyksikköinä ja muodostuivat ehkä vielä varhaisemmalla aikakaudella.

Maakuntien syntyperää ja niiden rajojen sijaintimisen selvittämistä varten olisi käännettävää arkeologian aineiston puoleen. Satakunnasta tunnetaan muinaislinnoja vaan 8—9 varmaa, asutus on ilmeisesti saanut elää suhteellisen rauhallisissa oloissa. Hämeessä muinaislinnat sen sijaan ovat muodostaneet puolustusjärjestelmän, joka ulottui Hämeenlinnan seudulta Satakunnan rajalle. Aarteiden levinnästä puheen ollen, niitä on löydetty Hämeestä ja Varsinais-Suomesta, ja vähemmän niitä esiintyi Satakunnassa ja Kajaanissa. Aarteiden levintä osoittaa alueisiin, jotka joutuivat mereltä tulevien ryöstöretkien kohteeksi. Maakunnat, joissa oli rauhallinen tilanne, olivat ilmeisesti rauhanomaisissa suhteissa ruotsalaisiin.

L. A. Golubeva

VATJALAISET, SKANDINAAVIT JA SLAAVILAISET X—XI VUOSISADOILLA

Skandinaavialais-vatjalaisten kontaktien todisteina ovat muinaislöydöt — kurgaanit polttohautoineen X vs:lta ja XI vs:n alusta. Mutta skandinaavien tyyppillinen hautakalusto ja hautamenojen piirteet aina omaavat (lukuunottamatta poikkeustapauksia) paikallisen asutuksen hautakaluston ja hautamenojen piirteitä, tämä vaikeuttaa eroittaa skandinaavilaiset kalmistot muista. Ilmeisesti Skandinaaviasta tulleet ovat sulautuneet nopeasti ugrilais-suomalaisessa ympäristössä.

Arkeologiassa ajoitetaan slaavilaisten siirtyminen Lounais-Laatokalle XI vs:lla. Siirtyminen tapahtui Novgorodin sloveenien alueelta, Olhova-jokea pitkin. XI vs:n toiselta puoliskolta — XIII vs:eta on löydetty ei ainoastaan yksityisiä slaavilaisia kalmistoja, vaan myös nekropoliksia. XII—XIII vs. oli havaittu etnisesti sekavaestön kalmistoja.

Slaavilaisten liikkuminen vatjalaisten Valkeajärven ja Suda-joen alueille alkoi aikaisemmin jo X vs. Tämä liikehtiminen tapahtui etupäässä Novgorodin sloveenien alueelta Msta, Mologa jokia pitkin. Valkeajärven alatasosta on löydetty slaavilaisia löytöjä. Slaavilaisten ja sekaheimojen nekropoliksia on löydetty Mologa, Kolpi-joen rannikolta ja Valkeajärven pohjoistrannikolta X—XI vs. Valkeajärvelle slaavilaisten liikehtiminen ja kotiutuminen tapahtui samanaikaisesti kun sinne tulivat skandinaavit.

1974—1976 Valkeajärven rannalla on esiin kaivettu vatjalaisten asutus X vs:lta, se sijaitsee lähellä Goroditše-kylää Kirillovskin alueella Vologodskin läänissä. Tässä asutuksessa ei ollut linnoitusta, vaan rivirakennuksia. Täällä oli kehittynyt käsityötyyppinen metallurgia.

Asutuksesta oli löydetty muovailtua keramiikkaa, sen muodot ja ornamentit enemmän muistuttavat suomalaista syntyperää. Väestö harjoitti karjanhoitoa, mutta samalla oli osallistunut laajamittaisesti turkishankintaan (majavien).

Asutuksen väestö osallistui kansainväliseen kaupankäyntiin Suurella-Volgan reitillä, tästä toteavat arabialaiset rahat (IX—X vs:n väliseltä ajalta) ja joukko tuontiesineitä. Viimeksi mainitut esineet viittaavat skandinaavien vientitavaraan (kotelo-mainen lukko, kammat friisikoristeineen ja muut).

Asutuksessa elettiin X vs:n toiseen puoliskoon.

Matti Huurre

SUOMALAISTEN ARKEOLOGIEN KÄSITYKSIÄ KARJALAISEN HEIMON JA KARJALAN RAUTAKAUTISEN KULTTUURIN ALKUPERÄSTÄ

Karjalaisilla tarkoitetaan tässä sitä Laatokan länsi- ja pohjoisrannan väestöä, jonka keskuudessa viikinkiajalta lähtien kehittyi omaleimainen kulttuuri. J. R. Aspelinin mielestä karjalaiset muuttivat asumispaikalle Pohjois-Laatokan kautta. A. Hackmanin käsityksen mukaan karjalaiset osallistuiivat suomalaisten heimojen kanssa uudisalueitten asuttamiseen ja muuttivat lännestä itään. J. Ailion katsantokannalta karjalaiset polveutuvat aikaisemmasta väestöstä. Hj. Appelgren-Kivalo osoitti karjalaisen orna-
mentiikan perustuvan skandinaaviisiin ja itämaisiin aineiksiin. Th. Schvindt oli ensimmäisenä löytänyt 1880-luvulla karjalaisen kalmiston. A. M. Tallgren oletti karjalaisen vasta 1100-luvulla muuttaneen kaakkosta. A. Europaeus (Äyräpää) osoittaa Sökkolasta löydetyn länsisuomalaisen polttohaudan perusteella karjalaisen heimon muodostuvan lännestä levinneen asutuksen ja idästä tulleen väestön pohjalta.

C. A. Nordmanin mielestä karjalan heimo syntyi länsisuomalaisesta asutuksesta lännestä ja idästä tulleen väestön sekoituksena. Kulttuurin kukoistusaika oli 1100—1300-luvuilla, Novgorodin ja Gotlannin vaikutus huomattava. E. Kivikoski kiinnitti huomionsa karjalan kulttuurin moniosaiseen yhdistelmään, joka muodostui rautakaudella. Tällä kulttuurilla on länsisuomalaisten, skandinaavien ja slaavien kulttuurivaikutuksia. K. Meinander katsoo vanhemman rautakauden väestön kuuluneen pronssikautisen tekstiilikeraamiikan jatkajiin.

Kristian Corpelan

SUOMEN SAAMELAISET RAUTAKAUDELLA

Keskiaikana saamelaisten asuma-alue ulottui laajalti koko Suomen alueella ja Karjalan ASNT:lla. Mutta saamelaisperäisenä pidettävää muinaisjäämistöä on Suomessa kuitenkin toistaiseksi tavattu vain maan pohjoisosasta. Löydöt osoittavat, että saamelaiset olivat kosketuksissa Lounais-Suomeen ja Skandinaviaan. Vanhempaa metallikautta luonnehtii saamelaisten metallinkäsittely ja saviastianvalmistus. Myöhemmin tämä tuotanto lakataan, siksi että kasvaa suomalaisen ja skandinaavien osapuolten rautakauden kulttuurin ulkovaikutus. Tämän vaikutuksen kasvun lienee nähtävä saamelaisten pyyntikulttuurin laajeneva merkitys ja lapinkauppa (tuonti, tuotteiden hankkiminen, jolloin on mahdollista luopua omista toiminnoistaan). Muualta tulleet kauppiat ovat talvisin kiertäneet etupiirinsä kooten saamelaisille vuoden aikana kerääntyneet tuotteet.

Saamelaiset sijoittivat asuinpaikkansa määräpisteisiin, joihin kauppiat olivat pysähtyneet käymään kauppa.

Paitsi metsästystä saamelaiset harjoittivat laajamittaisesti poronhoitoa.

Aikaisemmin ulkopuolisesti riippumattomana elänyt saamelaisväestö rautakauden kuluessa joutui taloudelliseen ja poliittiseen riippuvuus-suhteeseen suomalais-skandinaavisten lapinkaupan harjoittajiin ja myöhemmin karjalaisen lapinkaupan voimakkaan vaikutuksen alaisuuteen.

Esityksessä on pyritty osoittamaan saamelaisten muinaisesineistön kronologiaa naapurialueiden historiallisen periodijaotuksen yhteydessä.

V. A. Nazarenko

LAATOKAN KURGAANIEEN ETNISESTÄ KUULUVAISUUDESTA

Laatokan kurgaanien viimeisien vuosien tutkimusteoksissa on havaittavissa näiden kurgaanien laaja alueitten levinnäisyys. Me laskemme tämän syyksi sen, että joukko tutkijoita pyrkii todistamaan Laatokan kurgaanien olevan muinaisvatjalaista syntyperää.

Venäläisen kronikoitsijan mukaan muinaisvatja oli Valkeajärven seudulla. Mutta toponimiikan, vesistönimistön ja etnografian perusteet ja nykyaikaisen vepsäläisen kansallisuuden asustaminen eivät vastaa tutkijoiden johtopäätöstä. Laatokan kurgaanien hautamenojen erikoisuuksien käsittelystä voidaan todeta, että Laatokan alueella asustivat kaksi ryhmittymää etnisesti ja kulttuuriltaan erilaisia.

Toinen niistä edustaa ilmeisesti sitä väestöä, joka muodostui XII—XIV vuosisadoilla karjalaisen kansallisuuden perusteella (nimittäin liivin-karjalaisista).

Toisen kansallisuuden nimeä ei ole kirjallisissa muistomerkeissä ja me ehdotamme nimeämään sitä sovitusti «Laatokan tsuudeiksi».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГМЭ	— Государственный Музей этнографии
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИАК	— Известия археологической комиссии
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОИПК	— Отдел истории первобытной культуры
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СЭ	— Советская этнография
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа
ЦГАВМФ	— Центральный государственный архив военно-морского флота
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив
АА	— Acta archeologica
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua
FM	— Finskt Museum
KLFNM	— Kulturhistorisk lexikon för nordisk medeltid
SM	— Suomen Museo
SMYA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja

СОДЕРЖАНИЕ

Открытие симпозиума

Рыбаков Б. А. Вступительное слово	5
Мейнандер Карл Ф. Вступительное слово	5

Доклады

Рыбаков Б. А. Космогоническая символика «чудских» шаманских бляшек и русских вышивок	7
Мейнандер Карл Ф. Биармы	35
Шаскольский И. П. Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен юго-восточной Прибалтики в свете данных современной науки	41
Эря-Эско Аарни. Славяно-карельские культурные связи в IX—XIII вв. ✓	49
Кирпичников А. Н. Историко-археологические исследования древней Карелии («Карельский город» XIV в.)	52
Седов В. В. Этнический состав населения Новгородской земли ✓	74
Лехтосало-Хпландер Пиркко-Лииза. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов	81
Рябинин Е. А. Чудские племена Древней Руси по археологическим данным	93
Хирвилуото Анна-Лииза. Связи между Финляндией и районом Рижского залива в эпоху викингов и крестовых походов	103
Дубов И. В. Тгмеревский комплекс — протогородской центр в зоне славяно-финских контактов	110
Сало Унто. К истории и предыстории системы провинций западной Финляндии	119
Голубева Л. А. Весь, скандинавы и славяне в X—XI вв.	131 ✓
Хурре Матти. Концепции финских археологов о происхождении племени карелов и культуры Карелии в эпоху железного века	138
Карпелан Кристиан. Финские саамы в железном веке	143
Назаренко В. А. Об этнической принадлежности Приладожских курганов	152 ✓
Прения и закрытие симпозиума	157
Резюме докладов на немецком и финском языках	162

INHALTSVERZEICHNIS

Eröffnung des Symposiums	5
Vorträge	7
B. A. Rybakov. Die kosmogonische Symbolik «der tschudischen» Schamanenplatten und der russischen Stickereien	7
Carl Meinander. Die Bjarmen	35
I. P. Schaskolskij. Die Probleme der Ethnogenese der baltisch-finnischen Stämme aus dem Gebiet des östlichen Baltikums im Zusammenhang mit den Befunden der modernen Wissenschaft	41
Aarni Erja-Esko. Slawisch-karelische kulturelle Beziehungen im 9. bis 13. Jahrhundert	49
A. N. Kirpičnikov. Historisch-archäologische Forschungen der alten Korela	52
V. V. Sedov. Die ethnische Zusammensetzung der Bevölkerung des Nowgoroder Landes	74
Pirko-Liisa Lehtosalo-Hilander. Die Beziehungen zwischen den Westfinnen und Osteuropa während der Wikingerzeit	81
E. A. Rjabinin. Die tschudischen Stämme der alten Rus nach den Angaben der Archäologie	93
Anna-Liisa Hirviluoto. Die Verbindungen zwischen Finnland und dem Gebiet des Rigaischen Meerbusens während der Wikinger- und Kreuzzugszeit	103
I. V. Dubov. Timerevskikomplex als protostädtisches Zentrum in der Zone der slawisch-finnischen Kontakte	110
Unto Salo. Zur Geschichte und Vorgeschichte des Provinzwesens in Westfinnland	119
L. A. Golubeva. Wes, Skandinavien und Slawen im 10. und 11. Jahrhundert	131
Matti Huurre. Begriffe der finnischen Archäologen über die Herkunft des karelischen Stammes und der aus der Eisenzeit stammenden Kultur in Karelilien	138
Christian Karpelan. Finnische Saamen in der Eisenzeit	143
V. A. Nasarenko. Zur ethnischen Zugehörigkeit der Hügelgräber des Ladogaseegebiets	152
Diskussion, Schliessung des Symposiums	157
Zusammenfassungen	162
Auf deutsch	162
Auf finnisch	169

SISÄLTÖ

Symposiumin avaus	5
Esitelmät	7
B. A. Rybakov. Kosmogoninen symbolikka tšudien šamanien koruissa ja venäläisissä ompelutöissä	7
C. F. Meinander. Bjarmit	35
I. P. Šaskolski. Lounais-baltian itämerensuomalaisten heimojen syntyperän ongelmia nykytieteen perusteiden Valossa	41
Aarni Erä-Esko. 9—13 vuosisadan Slaavilais—Karjalaisista Kulttuurisuhteista	49
A. N. Kirpitšnikov. Historiallis-arkeologinen tutkielma Muinais-Karjalasta	52
V. V. Sedov. Novgorodin maan väestön etninen kokoomus	74
Pikko-Liisa Lehtosalo-Hilander. Länsi-suomen suhteista Itä—Eurooppaan viikinkiajalla	81
E. A. Rjabinin. Muinais-venäjän suomalaiset heimot arkeologian käsittelyssä	93
Anna-Liisa Hirviluoto. Suomen yhteydet riianlahdelle viikinki- ja ristiretkiaikana	103
I. V. Dubov. Timerevski kompleksi — on slaavilais-suomalaisten kontaktien alueella kaupungin alkuunpanijan keskus	110
Unto Salo. Maakuntalaitoksen historiaa ja esihistoriaa länsi-suomessa . . .	119
L. A. Golubeva. Vatjalaiset, skandinaavit ja slaavilaiset X—XI vuosisadoilla	131
Matti Huurre. Suomalaisten arkeologien käsityksiä karjalaisen heimon ja karjalan rautakautisen kulttuurin alkuperästä	138
Krjstjan Carpelan. Suomen saamelaiset dautakaudella	143
V. A. Nazarenko. Laatokan kurgaanien etnisestä kuuluvaisuudesta	152
Keskusteluja, symposiumin päätöstilaisuus	157
Yhteenvedo esitelmistä	162
Saksan kielellä	162
Suomen kielellä	169

ФИННО-УГРЫ И СЛАВЯНЕ

Доклады первого
советско-финляндского симпозиума
по вопросам археологии
15—17 ноября 1976 г.

Утверждено к печати
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства *Е. Г. Дагин*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Г. А. Бессонова*
Корректоры *Е. А. Гинстлинг* и *Н. И. Журавлева*

ИБ № 8635

Сдано в набор 30.01.79. Подписано к печати 17.09.79. М-41147.
Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура
обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 11¹/₄. Усл. печ. л. 15.75.
Уч.-изд. л. 16.21. Тираж 2250. Изд № 7210. Тип. зак № 95.
Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 лин., 12

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»

Адреса и почтовые индексы магазинов:

- 480091, Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97
370005, Баку, ул. Джапаридзе, 13
320005, Днепропетровск, пр. Гагарина, 24
734001, Душанбе, пр. Ленина, 95
375009, Ереван, ул. Туманяна, 31
664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 289
252030, Киев, ул. Ленина, 42
252142, Киев, пр. Вернадского, 79
252030, Киев, ул. Пирогова, 4
277001, Кишинев, ул. Пирогова, 28
343900, Краматорск (Донецкой обл.), ул. Марата, 4
660049, Красноярск, пр. Мира, 84
443002, Куйбышев, пр. Ленина, 2
192104, Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57
199164, Ленинград, В-164, Таможенный пер, 2
199004, Ленинград, В-4, 9 линия, 16
220072, Минск, Ленинский пр., 72
103009, Москва, ул. Горького, 8
117312, Москва, ул. Вавилова, 55/7
630076, Новосибирск, Красный пр., 51
630090, Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22
142292 Пущино (Московской обл.), «Академкнига»
620151, Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137
700029, Ташкент, ул. Ленина, 73
700100, Ташкент, ул. Шота Руставели, 43
700187, Ташкент, ул. Дружбы народов, 6
634050, Томск, наб. реки Ушайки, 18
450059, Уфа, ул. Р. Зорге, 10
720001, Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42
310003, Харьков, Уфимский пер., 4/6

*Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:*

- 117192, Москва, Мичуринский пр., 12
Магазин «Книга—почтой»
Центральной конторы «Академкнига»
197110, Ленинград, Петрозаводская ул., 7
Магазин «Книга—почтой»
Северо-Западной конторы «Академкнига»

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
23	Подпись под рис. 5	паволовки	паволоки
77	2 снизу	разноплеменным	разноплеменных
162	6 сверху	Schamnenplatten	Schamanenplatten

Финно-угры и славяне

1 р. 70 к.

«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ